

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Дипломатическая академия Министерства
и иностранных дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Кобельков Руслан Александрович

**«Особенности противостояния внешней политики России и Сербии
русофобии и сербофобии в период с 1991 по 2022 гг.»**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Воробьев Сергей Владимирович

Москва, 2025

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования русофобии и сербофобии как внешнеполитических вызовов	23
§1. Понятие и эволюция феноменов русофобии и сербофобии в международных отношениях.....	23
§2. Русофобия и сербофобия как инструменты идеологического давления и «мягкой силы».....	55
§3. Историография и подходы к исследованию внешнеполитического противостояния ксенофобским дискурсам	78
Глава 2. Русофобия и сербофобия как вызов внешней политике России и Сербии (1991–2022).....	99
§1. Влияние русофобии на формирование внешнеполитической доктрины России с 1991 по 2014 гг.	99
§2. Стратегия Сербии по противостоянию сербофобии в международных конфликтах 1991 – 2014 гг.	130
§3. Общее и особенное в противодействии России и Сербии ксенофобским установкам в международной среде	144
Глава 3. Стратегии и механизмы внешнеполитического противостояния русофобии и сербофобии (1991–2022)	167
§1. Политико-информационные и дипломатические инструменты России в борьбе с русофобией.....	167
§2 Сербская дипломатия нейтралитета, информационное самоутверждение и работа с диаспорой	178
§3. Особенности российско-сербского взаимодействия по противостоянию дискриминации и двойным стандартам.....	199
Заключение.....	230
Список источников и литературы.....	246

Введение

Актуальность исследования. Современная международная политическая обстановка характеризуется усилением глобальных противоречий, которые, наряду с традиционными угрозами, порождают новые вызовы, среди которых выделяется активизация феноменов русофобии и сербофобии. Эти явления становятся важными инструментами внешнего давления на государства, что в свою очередь затрудняет выработку эффективных стратегий и принятие внешнеполитических решений, основанных на объективной оценке ситуации. В условиях растущей нестабильности, вызванной внешним вмешательством и информационной войной, России и Сербии приходится вырабатывать совместные подходы для противодействия этим явлениям. Однако, несмотря на их взаимосвязь и схожие исторические процессы, научное осмысление механизмов и стратегий противостояния русофобии и сербофобии, в том числе в рамках двусторонних отношений, остается недостаточно разработанным.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, ростом значимости информационных и дипломатических инструментов в борьбе с проявлениями русофобии и сербофобии, что особенно ярко проявилось после событий 2014 и 2022 годов. В этих условиях внешнеполитические решения России и Сербии сталкиваются с вызовами, связанными с преодолением информационных и культурных барьеров, создаваемых антироссийскими и антисербскими нарративами.

Во-вторых, несмотря на значительный объем теоретических исследований в области ксенофобии и национальных стереотипов, до сих пор существует пробел в научных работах, касающихся конкретно русофобии и сербофобии, особенно в контексте их воздействия на внешнюю политику России и Сербии. Это требует более глубокого анализа феноменов в их взаимосвязи и влияния на международные отношения.

В-третьих, необходимостью комплексного осмысления исторической эволюции этих явлений, которые имеют глубокие корни и сформировались под воздействием идеологических, геополитических и культурных факторов. Изучение этих процессов в контексте российско-сербских отношений позволяет выработать подходы к их преодолению, учитывая исторический опыт и современные реалии.

В-четвертых, актуальностью исследования механизмов противодействия русофобии и сербофобии в рамках двустороннего сотрудничества России и Сербии, что позволяет выработать эффективные стратегии на основе анализа исторических и современных методов защиты от внешнего давления и культурных стереотипов.

В-пятых, выявлением противоречий в восприятии образов России и Сербии в международной политике, как со стороны западных государств, так и в восприятии местных обществ, что требует системного подхода к их интерпретации и использованию в рамках внешнеполитических стратегий.

В-шестых, необходимостью разработки теоретических и практических рекомендаций для российской и сербской дипломатии, направленных на усиление противодействия русофобии и сербофобии, что станет ключевым элементом в формировании эффективной внешнеполитической стратегии в условиях глобальной политической трансформации.

Таким образом, актуальность темы исследования подтверждается необходимостью глубокого анализа исторических и современных механизмов противостояния русофобии и сербофобии, выработки научных рекомендаций по укреплению двусторонних отношений России и Сербии, а также разработки системных подходов к борьбе с этими явлениями в условиях глобальных политических изменений.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность Российской Федерации и Республики Сербия, направленная на противодействие русофобии и сербофобии как форм идеологической и информационной агрессии.

Предметом исследования является эволюция стратегий и механизмов, применяемых Москвой и Белградом в борьбе с проявлениями русофобии и сербофобии в историческом и современном международном контексте, включая их институциональные, дискурсивные и внешнеполитические формы.

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп:

1. Архивные документы из АВП РФ, ГА РФ, РГИА, РГАНИ, ЦА ФСБ РФ, Архива СВР России, Архива Югославии, а также Архива Президентского центра Б. Н. Ельцина. Дипломатическая переписка, шифротелеграммы, информационные письма, стенограммы переговоров, отчёты советских и российских миссий за рубежом, документы югославских фондов позволили реконструировать практику внешнеполитического взаимодействия, выявить механизмы формирования русофобских и сербофобских нарративов, а также зафиксировать позицию России и Сербии в ключевые кризисные периоды.

2. Международные договоры и соглашения¹ позволили оценить институциональные рамки и юридические основания взаимодействия государств.

3. Официальные документы Российской Федерации и Республики Сербия² подтвердили восприятие русофобии и сербофобии как факторов,

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий от 20.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: [https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20\(ei\)/docs/2009_gumReag.pdf](https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2009_gumReag.pdf) (дата обращения: 22.02.2025).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий от 20.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: [https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20\(ei\)/docs/2009_gumReag.pdf](https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2009_gumReag.pdf) (дата обращения: 11.04.2025).

² 37. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Президент России. —

учитываемых при разработке стратегических документов и определении внешнеполитического курса.

3. Тексты выступлений и официальные заявления государственных деятелей³ дали возможность выявить дискурсивное оформление русофобских и сербофобских мотивов и проследить реакцию России и Сербии на давление со стороны западных стран.

4. Проанализированы доклады международных организаций и НПО⁴, отражающие внешнеполитические установки и информационные кампании, направленные на дискредитацию России и Сербии.

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

Концепция внешней политики Российской Федерации от 15.07.2008 [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.03.2025).

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 февраля 2013 г. № Пр-251 // Kremlin.ru. Официальная публикация текста на kremlin.ru не представлена; факт утверждения подтверждён в Указе Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», где говорится об утрате силы Концепции 2013 г. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 09.11.2022).

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 28 июня 2000 г. // Kremlin.ru. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/by-date/03.07.2000> (дата обращения: 09.11.2022).

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 30 ноября 2016 г. № 640 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 31 марта 2023 г. № 229 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>; Новости: <https://kremlin.ru/events/president/news/70811>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

Резолуција Народне скупштине Републике Србије о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије: «Службени гласник РС», број 125 од 26. децембра 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/rezolucija/2007/125/1/reg> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>. (дата обращения: 01.05.2025). Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 01.05.2025).

⁴ OSCE Mission in Kosovo. Human Rights in Kosovo: As Seen, As Told. Volume II, 14 June – 31 October 1999. — Pristina: OSCE, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/kosovo/17781> (дата обращения: 04.09.2023).

5. Важным источником послужили материалы СМИ и их аналитика: использованы как публикации современных западных и российских медиа, так и исследования, посвящённые медийному образу России и Сербии в международном контексте.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ научной литературы, затрагивающей ключевые аспекты русофобии и сербофобии в контексте международных отношений и внешнеполитических стратегий, позволяет сформировать следующие группы по характеру их научной направленности.

Первая группа: общетеоретические и прикладные отечественные исследования русофобии и сербофобии, выполненные в рамках философского, культурологического, политологического и международно-политического анализа. Работы данной группы затрагивают ключевые аспекты формирования негативных образов России и Сербии в международном дискурсе, механизмы информационного воздействия, а также концептуальные основания фобий как элементов внешнеполитического давления.

Значительный вклад в исследование русофобии как элемента идеологического и цивилизационного конфликта внесли такие отечественные учёные, как А.П. Цыганков, С. Марков, Н.А. Нарочницкая, С.М. Сергеев, П.И. Пашковский и др. Представленный корпус работ объединён общей темой — интерпретацией русофобии и сербофобии как устойчивых политико-культурных конструкций, воздействующих как на уровень межгосударственного взаимодействия, так и на общественное сознание.

Работы А.П. Цыганкова⁵ содержат системный анализ стратегических представлений о России в западной политической мысли и позволяют рассматривать русофобию как институционализированную часть

Human Rights Watch. Impunity for Abuses Committed during “Operation Storm” and the Denial of the Right of Refugees to Return to the Krajina. — New York: HRW, 01.08.1996. — URL: <https://www.hrw.org/report/1996/08/01/impunity-abuses-committed-during-operation-storm-and-denial-right-refugees-return>. (дата обращения: 09.03.2024).

⁵ Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. — New York: Macmillan, 2009. — 257 p.

идеологической матрицы внешней политики США и ЕС. Его подход отличается глубиной концептуального уровня и связью с международно-политическими теориями идентичности.

В трудах Н.А. Нарочницкой⁶ русофобия и сербофобия рассматриваются сквозь призму историко-цивилизационного противостояния между славянским и западным миром. Автор последовательно прослеживает трансформацию образа России как «иного» в европейской мысли, а также анализирует югославский кризис как пример антиславянской политики.

Особое место занимает работа С.М. Сергеева, в которой представлена ценностная и понятийная типология русофобии⁷. Автор предлагает разграничение между критикой внешней политики России и политизированной идеологической фобией. Его исследование содержит значительный методологический потенциал, однако требует уточнения применительно к конкретным внешнеполитическим кейсам.

П.И. Пашковский анализирует антироссийскую и антисербскую информационную повестку как элементы стратегической коммуникации, раскрывая сходства между инструментами демонизации, применяемыми в отношении Москвы и Белграда⁸. Ценность его подхода состоит в попытке сформировать обобщённую схему действий западных акторов в отношении славянских государств. В то же время отдельные положения его работ нуждаются в эмпирическом подкреплении.

Значительный вклад в разработку проблематики русофобии и сербофобии внесли отечественные исследователи-балканисты. Особое место занимают труды Е. Ю. Гуськовой, в которых анализируется правовая и

⁶ Нарочницкая, Н.А. Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербь и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия / Н. А. Нарочницкая // Перспективы. Электронный журнал. – 2023. – № 1. – С. 7-20.

⁷ Сергеев, С. М. Как возможна русская русофобия? / С. М. Сергеев // Вопросы национализма. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 66-85.

⁸ Пашковский, П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П. И. Пашковский // Регионология. – 2025. – № 1. – С. 33-47.

политическая специфика балканских конфликтов и роль международного сообщества в институционализации дискриминационных нарративов. В её работах освещаются международно-правовые аспекты агрессии НАТО против Югославии⁹, причины распада СФРЮ¹⁰, религиозный фактор балканского кризиса¹¹, а также роль России в миротворческих инициативах конца XX – начала XXI вв¹². Кроме того, исследователь обращает внимание на процессы ревизии истории и формирование устойчивого образа «сербской вины» в международной среде¹³.

Столь же значимы труды Е. Г. Пономарёвой, посвящённые международно-правовым, военно-стратегическим и геополитическим последствиям агрессии НАТО против Югославии¹⁴, многовекторной политике Сербии¹⁵, а также противоречию между экономической прагматикой и внешнеполитическим давлением¹⁶. Автор также рассматривает влияние внешних акторов на Западные Балканы¹⁷, институциональные механизмы

⁹ Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. — М.: Индрик, 2013. — 432 с.

¹⁰ Гуськова Е. Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 33–47.

¹¹ Гуськова Е. Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Религия и политика. — 2015. — № 1. — С. 77–90.

¹² Гуськова Е. Ю. Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 2(29). — С. 52–60.

¹³ Гуськова Е. Ю. Ревизия истории: сербы виноваты во всех войнах // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 101–118.

¹⁴ Пономарёва Е. Г., Фролов А. В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 6(69). — С. 45–61.

¹⁵ Пономарёва Е. Г., Младенович М. Сербия: многовекторность как выход из тупика стратегической уязвимости // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 32–45.

¹⁶ Пономарёва Е. Г. Сербия в современном мире: экономика vs политика // Международные процессы. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 15–28.

¹⁷ Пономарёва Е. Г., Арляпова Е. С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересов // Сравнительная политика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 110–125.

НАТО в регионе¹⁸, вопросы турецкого присутствия¹⁹ и расширения евроатлантических структур²⁰. Суммарно данные исследования формируют значимую научную базу, позволяющую комплексно рассматривать механизмы идеологического давления и стратегии внешнеполитического реагирования России и Сербии.

Значимый вклад в исследование проблематики сербофобии внесли сербские историки и политологи. М.Экмечич в работе «Сербофобия и антисемитизм» впервые систематизировал феномен сербофобии, показав его как долговременную идеологическую конструкцию, укоренённую в европейской истории²¹. Современные авторы — Д. Петрович, С.Старчевич, Д.Вукасович — раскрывают влияние евроатлантической интеграции и военной нейтральности на формирование сербской внешней политики²². Значительное внимание уделяется и вопросам культурной дипломатии: работы А.Колаковича и Л.Рогащ-Миятович рассматривают её как механизм

¹⁸ Арляпова Е. С., Пономарёва Е. Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия — Балканы // Вестник международных исследований. — 2022. — № 2. — С. 77–93.

¹⁹ Пономарёва Е. Г., Арляпова Е. С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, ресурсы, масштабы // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 2(65). — С. 143–159.

²⁰ Пономарёва Е. Г. НАТО–Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник МГИМО-Университета. — 2004. — № 1. — С. 23–38.

²¹ Екмечич М. Сербофобия и антисемитизм. — Белград: Службени лист СРЈ, 2002. — 356 с.

²² Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf>. (дата обращения: 01.05.2023).

Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Вукасовић Д. Војна неутралност Србије у контексту евроатлантских интеграција // Зборник радова: Србија и Евроазијски савез. Београд, 2016. С. 173–188. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijumips.rs/844/1/SRBIJA%20I%20EVROAZIJSKI%20SAVEZ%20pdf%20kona%20cno-173-188.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Старчевић С. Оправданост војне неутралности Републике Србије у светлу руско-украјинског сукоба // Војно дело. 2023. № 4. С. 327–345. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0354-5989/2023/0354-59892304327K.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

защиты национальной идентичности в условиях идеологического давления²³. Таким образом, сербская историография дополняет российскую и западную, формируя комплексное представление о сербофобии и её роли в международных отношениях

Несмотря на теоретическую насыщенность и многоаспектность приведённых исследований, подавляющее большинство из них сосредоточено либо на феномене русофобии, либо на сербофобии в изоляции. Практически отсутствует их комплексный сравнительный анализ в рамках единой научной концепции. Настоящее исследование, опираясь на вышеуказанные подходы, стремится восполнить данный научный пробел, сопоставив два родственных явления в контексте их внешнеполитической инструментализации и историко-идеологической общности.

Вторая группа охватывает труды зарубежных исследователей, в которых анализируются исторические, культурные и политические основания негативного образа России и Сербии в международной среде. Эти источники можно условно разделить на два тематических направления: первое включает работы, посвящённые концептуализации русофобии как устойчивого явления в западной интеллектуальной традиции; второе — исследования, раскрывающие характер восприятия Сербии в европейской политике, а также особенности информационного сопровождения конфликтов на Балканах.

В рамках первого направления значительный интерес представляет монография швейцарского журналиста и публициста Г. Меттана «Запад — Россия. Тысячелетняя война»²⁴. В этой работе автор прослеживает эволюцию антироссийских представлений, начиная с эпохи Карла Великого и заканчивая украинским кризисом. Русофобия у Меттана представлена как системно воспроизводимая идеологическая конструкция, используемая в рамках

²³ Рогач-Мијатовић Љ. *Kulturna diplomatija i identitet Srbije*. Београд, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=0023-51642173175K>. (дата обращения: 01.05.2023).

²⁴ Меттан, Г. *Запад-Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса* / Г. Меттан. — Москва: АСТ, 2023. — 448 с.

геополитического соперничества. Особое внимание уделяется анализу культурных штампов и медийных механизмов, через которые образ России как «угрозы цивилизации» внедрялся в общественное сознание западных стран. Эта концепция дополняется работой Дж. Глисона *The Genesis of Russophobia in Great Britain*²⁵, в которой рассматривается формирование негативного образа России в британской публицистике и политике XIX века. Автор документально подтверждает, что русофобские нарративы стали частью внешнеполитической стратегии ещё задолго до идеологических конфликтов XX века. Несмотря на более раннюю дату публикации, исследование Глисона сохраняет актуальность благодаря глубокому источниковедческому анализу британской прессы, парламентских дебатов и дипломатических документов.

Второе направление представлено исследованиями, посвящёнными Сербии как объекту идеологического и информационного давления в XX–XXI веках. Особое значение в этом контексте имеет книга Э. Хермана *The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics*²⁶. В ней автор предлагает критический взгляд на освещение трагических событий в Сребренице, указывая на роль международных СМИ и правозащитных организаций в формировании одностороннего восприятия сербской стороны. Херман подчёркивает, что подобные подходы часто сопровождаются игнорированием комплексного контекста и использовались для оправдания внешнего вмешательства. Важным дополнением к этой позиции служат труды М. Экмечича (*История сербов в Новое время*)²⁷ и Л. Марковича (*Сербия и Европа, 1914–1918*), где последовательно раскрывается процесс политической изоляции Сербии и подмена объективной оценки исторических процессов политически мотивированной интерпретацией.

²⁵ Gleason, J. *The genesis of Russophobia in Great Britain* / J. Gleason. – London: Geoffrey Cumberlege, 1950. – 328 p.

²⁶ Herman, E. S. *The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics* / E. S. Herman. – Evergreen Park: Alfabet Soup, 2011. – 301 p.

²⁷ Экмечич, М. «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» / М. Экмечич. – Москва: Абрикобукс, 2023. – 263 с.

Большое значение для понимания опасности ревизионистских нарративов и того, какую опасность представляет переписывание истории представляет работа М. Белаяца²⁸. Труд М. Белаяца представляет собой значимый вклад в методологическую дискуссию о роли Сербии и России в событиях 1914 года. Автор скрупулёзно анализирует тенденции исторического ревизионизма, стремящиеся переложить основную вину за развязывание Первой мировой войны на Сербию и Россию. Данное исследование важно для понимания исторических корней современной русофобской риторики и образа Сербии как «виновницы» мирового конфликта. Механизм воспроизводства ксенофобских установок опирается на устойчивую когнитивно-пропагандистскую схему: приписывание определённому народу исключительной вины за конкретный военный конфликт и закрепление этого образа в массовом сознании создаёт предпосылки для повторного использования аналогичной интерпретации в последующих кризисных ситуациях, выступая инструментом легитимации политических и военных действий. М.Белаяц утверждает, что западная историография XX века зачастую переносит негативные оценки Сербии и России из контекста начала XX столетия в современную политическую риторику, формируя «историю вины», используемую в целях легитимации внешнеполитического давления. Таким образом, ревизионистские нарративы служат инструментом формирования отрицательного имиджа, что напрямую соотносится с рассматриваемым в диссертации феноменом сербофобии и русофобии.

Кроме того, полезный контекст для осмысления философских оснований европейского политического мышления в отношении «Другого» дают классические труды Ш.Монтескьё и Ж.Руссо, неоднократно

²⁸ *Белаяц, М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны / М. Белаяц; пер. с серб. А. А. Силкина; предисл. А. Л. Шемякина. — Москва: ТД «Алгоритм», 2015. — 368 с.*

переосмысляемые в современных западных внешнеполитических доктринах²⁹. Эти авторы рассматриваются не как прямые исследователи русофобии или сербофобии, а как создатели базовых представлений о государстве, суверенитете и гражданской идентичности, нередко противопоставляемых «восточному» типу политической культуры.

Таким образом, зарубежные авторы, представленные в данной группе, дают основание утверждать, что русофобия и сербофобия обладают глубокой интеллектуальной и политической укоренённостью в западной традиции. Их изучение позволяет лучше понять, как формируются устойчивые идеологемы, определяющие логику международного позиционирования России и Сербии в различные исторические периоды.

Отдельного внимания заслуживает корпус научных трудов, отражающий ключевые направления отечественного академического анализа в сфере международных отношений. Значительный вклад в развитие теоретических и прикладных основ изучаемой проблематики внесли такие исследователи, как Т.В. Каширина, С.В. Воробьёв, Т.А. Закаурцева, Т.В. Елифанова, В.В. Бруз, В.А. Дягтерев, Т.В. Зверева, О.Г. Карпович, К.П. Курылев, О.В. Матвеев, Д.С. Миргородский, М.А. Неймарк, А.А. Орлов, Е.Н. Пашенцев, В.В. Штоль, А.Ю. Рудницкий и др.

Работы этих авторов посвящены как теоретико-методологическим, так и прикладным аспектам анализа международных процессов, включая вопросы стратегической стабильности, внешнеполитического планирования, эволюции мировых политических концептов, а также историко-идеологических трансформаций, оказывающих влияние на взаимодействие государств в условиях международного конфликта.

Так, в публикациях Т.В. Кашириной и О.Г. Карповича освещаются проблемы стратегической уязвимости в контексте российско-американских

²⁹ Монтексье, Ш. О духе законов / Ш. Монтексье. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.
 Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Кучково поле, 1998. – 416 с.

отношений, в то время как исследования В.В. Бруза и Е.Н. Пашенцева затрагивают вопросы влияния мягкой силы и информационных механизмов в современной политике³⁰. В свою очередь, труды С.В. Воробьёва и Т.А. Закаурцевой позволяют глубже понять внешнеполитическую динамику Великобритании и стран СНГ соответственно, в том числе с учётом эволюции идеологических установок³¹.

Изучение обозначенных исследований оказало важное влияние на формирование авторской концепции, позволив глубже осмыслить понятийный аппарат, исследовательские подходы и региональные особенности проявления русофобии и сербофобии в современных международных отношениях.

Следует отметить, что совокупность работ этой группы формирует не только важный научный фундамент, но и отражает современные отечественные аналитические подходы к оценке трансформаций глобального порядка и места России и её союзников в этой системе координат.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1991 по 2022 год. Отправной точкой анализа выбран 1991 год как рубеж, ознаменовавший собой окончание эпохи биполярности и переход к однополюсной архитектуре международных отношений, вызвавший масштабные политические и институциональные преобразования в глобальной системе. Именно в этот период формируются новые ориентиры

³⁰ Пашенцев, Е. Н. Провокация как элемент стратегической коммуникации США: опыт Украины / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 44. – С. 149-175.

Бруз, В. В. Организация Варшавского Договора и чехословацкие события 1968 года: историографический аспект / В. В. Бруз // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 21-22.

Карпович, О. Г. Евразийский экономический союз в контексте новых глобальных изменений / О. Г. Карпович, В. Б. Мантусов. – М.: Российская таможенная академия, 2018. – 144 с.

Каширина, Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений / Т. В. Каширина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 390-397.

³¹ Закаурцева, Т. А. Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов / Т. А. Закаурцева, Т. В. Каширина. – М.: Дашков и К, 2022. – 206 с.

внешней политики как Российской Федерации, так и Сербии, на фоне распада прежних союзов и обострения информационно-политической конфронтации.

Верхняя граница исследования — 2022 год — обусловлена резким обострением международной обстановки и переходом к этапу нарастающей нестабильности в глобальной политике. Этот год стал поворотным моментом, когда прежняя модель международной коммуникации оказалась под вопросом, а конфронтационные установки усилились как на уровне риторики, так и в практических действиях государств. Таким образом, обозначенный временной интервал позволяет зафиксировать ключевые тенденции противодействия русофобии и сербофобии в рамках внешнеполитического дискурса и практики в условиях меняющейся конфигурации мировой системы.

Научная задача настоящего диссертационного исследования заключается в разрешении противоречия между имеющимся уровнем научных представлений о русофобии и сербофобии как формах политически мотивированной ксенофобии в международных отношениях и объективной необходимостью в комплексном сопоставительном анализе этих явлений как инструментов идеологического давления на Россию и Сербию в постбиполярный период. Исследование направлено на преодоление теоретического и методологического разрыва между фрагментарным изучением данных феноменов в отдельных национальных или историко-культурных контекстах и потребностью в целостной концепции, объясняющей их институционализацию, идеологические корни, политическую направленность и влияние на внешнеполитическую стратегию двух государств.

В рамках поставленной задачи необходимо осмыслить русофобию и сербофобию как взаимосвязанные дискурсивные конструкции, использующие общую систему цивилизационных и культурных кодов, а также выявить характер и механизмы их отражения во внешнеполитическом поведении России и Сербии в период с 1991 по 2022 гг. Решение данной задачи позволит расширить и углубить научные представления о стратегиях противодействия

дискриминационным практикам в международной среде и выработать концептуальные основания для построения модели гуманитарного и информационно-дипломатического взаимодействия в условиях идеологической конфронтации.

Цель исследования состоит в выявлении исторических корней, основных форм проявления и механизмов институционализации русофобии и сербофобии, а также в определении стратегий внешнеполитического и культурно-гуманитарного противодействия им в рамках российско-сербских отношений.

Для достижения указанной цели формулируются следующие **задачи**:

1. Проанализировать историческое формирование феномена русофобии в международных отношениях и его эволюцию как инструмента геополитической борьбы.
2. Исследовать генезис сербофобии в контексте внешнеполитических интересов ведущих мировых и региональных акторов, включая роль Запада в формировании негативного образа Сербии.
3. Выявить общие черты и различия между русофобией и сербофобией как формами цивилизационного и политико-информационного противостояния.
4. Оценить современные проявления русофобии и сербофобии в СМИ, международной дипломатии и культурной политике.
5. Исследовать официальные стратегии и инициативы России и Сербии по защите своих национальных интересов, идентичности и репутации на международной арене;
6. Сформулировать практические рекомендации по укреплению российско-сербского сотрудничества в сфере гуманитарной политики, информационной безопасности и внешней культурной дипломатии в контексте борьбы с ксенофобскими проявлениями.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Автором предпринята попытка сопоставительного анализа русофобии и сербофобии как взаимосвязанных форм идеологического противостояния, имеющих общие цивилизационные, геополитические и культурно-религиозные основания. Русофобия и сербофобия рассмотрены не только как проявления ксенофобии, но и как институционализированные внешнеполитические стратегии, целенаправленно используемые западными государствами и международными структурами для формирования образа «врага», делегитимизации внешнеполитических позиций России и Сербии и ограничения их международной субъектности. В отличие от имеющихся политологических и публицистических интерпретаций, данная работа рассматривает данные явления сквозь призму исторической науки, опираясь на широкую источниковую базу: дипломатические документы, материалы международных организаций, архивные фонды, а также опубликованные мемуары государственных деятелей и представителей внешнеполитического корпуса.

На основе историко-политологического подхода автором проведён комплексный анализ эволюции русофобии и сербофобии с раннего Нового времени до начала XXI века, с акцентом на постсоветский и постюгославский периоды (1991–2022 гг.). Выявлены ключевые элементы политико-информационного давления, реализуемого через западные СМИ, культурные нарративы и дипломатические платформы. Впервые предложена типология форм проявления русофобии и сербофобии в международных отношениях, основанная на сопоставлении исторических кейсов (Крымская война, Балканские кризисы, распад СФРЮ, события 2014 и 2022 гг.), а также дана классификация механизмов их институционализации в дипломатии, праве и медийном пространстве, систематизированы основные научные и публицистические подходы к их интерпретации. Обоснована структурная близость русофобии и сербофобии, проявляющаяся в схожих идеологических установках, исторической логике и целях их применения в международной политике.

Исследование формирует концепцию русофобии и сербофобии как элементов долгосрочной стратегии идеологического давления Запада на Россию и Сербию. В рамках исторической науки это позволяет объяснить воспроизводимость данных феноменов на протяжении нескольких столетий и выявить их роль в легитимации внешнеполитических решений, направленных на ослабление позиций Москвы и Белграда.

Тем самым работа восполняет существующий историографический пробел и вносит вклад в развитие историко-теоретических подходов к изучению ксенофобии в международных отношениях, расширяя предметное поле истории внешней политики и истории международных отношений.

Методология и методы исследования

Исследование основано на междисциплинарном методологическом подходе, сочетающем принципы истории международных отношений, политологии, культурологии и философии. Основу анализа составляет историко-генетический метод, позволивший выявить истоки формирования русофобии и сербофобии как идеологических явлений и проследить их эволюцию на разных этапах истории. Для выявления общих черт и отличий данных феноменов применён сравнительный анализ. Цивилизационный подход, опирающийся на концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, позволил рассматривать русофобию и сербофобию как часть более широкого конфликта между православно-славянской и западной цивилизациями. Системный подход использовался для понимания этих явлений в качестве элементов комплексной стратегии давления на Россию и Сербию в рамках международных процессов. Особое внимание уделено дискурс-анализу: изучались ключевые идеологемы и нарративы, отражённые в публицистике, дипломатической риторике, академических трудах и современных СМИ, которые формируют устойчивый негативный образ России и Сербии. Кроме того, применялся метод кейс-стади, позволивший детально разобрать конкретные исторические ситуации (Крымская война, югославский кризис, конфликт в Косово, антироссийские санкционные

кампании после 2014 и 2022 годов). На теоретическом уровне исследование опирается на идеи теории национальных интересов (Г. Моргентау, А. Цыганков), концепцию «образа врага» (Х. Хофбауэр, У. Липпман), а также труды представителей русской религиозно-философской мысли (Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин), которые дали глубокую оценку феномену русофобии и проблеме внутреннего национального самосознания.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке целостной концепции русофобии и сербофобии как инструментов геополитического противостояния, а также в предложении новой сравнительной рамки анализа этих явлений. Работа расширяет научный аппарат по изучению политически мотивированной ксенофобии и информационного давления, развивая теоретические подходы к пониманию формирования враждебных международных нарративов и их воздействия на внешнеполитическую стратегию государств.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в сфере международных отношений и государственной политики. Полученные выводы и рекомендации могут быть использованы при формировании внешнеполитического курса Российской Федерации и Республики Сербия, особенно в области гуманитарного сотрудничества и информационного противодействия дискриминационным практикам. Материалы исследования могут лечь в основу образовательных программ по международным отношениям, истории дипломатии, медиаполитике и культурной дипломатии. В условиях обострения внешнеполитической конфронтации и массированного информационного давления данная работа приобретает особую актуальность для формирования стратегии защиты национальной идентичности и внешнего имиджа обоих государств.

В диссертации на защиту выносятся следующие основные **положения**:

1. Русофобия и сербофобия являются системными и устойчивыми явлениями, сформировавшимися на протяжении столетий под воздействием религиозных, цивилизационных и геополитических факторов, и выступают важными элементами идеологического противостояния Запада с Россией и Сербией;
2. Современные проявления русофобии и сербофобии являются не спонтанными актами ксенофобии, а частью целенаправленных стратегий давления, включающих информационные, дипломатические и культурные инструменты, направленные на подрыв международного имиджа России и Сербии;
3. Историческая преемственность и содержательная взаимосвязь русофобии и сербофобии проявляется как в логике формирования образа «врага», так и в сходстве их функционального использования в западной политике;
4. Институционализация русофобии и сербофобии в международной практике происходила через закрепление антироссийских и антисербских стереотипов в политической риторике, медиадискурсе, дипломатии и образовательных системах западных стран;
5. Россия и Сербия обладают значительным потенциалом для формирования развития гуманитарного и внешнеполитического взаимодействия для противодействия русофобии и сербофобии, включая развитие инструментов культурной дипломатии, совместных образовательных инициатив, медиаинструментов и правозащитной деятельности на международной арене;
6. Сравнительное исследование русофобии и сербофобии позволило выделить новую типологию форм идеологического давления:
 - делегитимационное давление — подрыв международного авторитета через интерпретацию политики как «агрессивной» или «несоответствующей нормам»;
 - изоляционное давление — исключение из коллективных форматов и экспертных сообществ;

– моралистическое давление — избирательное апеллирование к универсальным ценностям, создающее эффект «двойных стандартов». Данная типология не только позволила точнее описать механизмы дискриминации государств, но и может способствовать формированию основ для разработки стратегических мер противодействия.

Апробация и опубликование результатов исследования

С полученными результатами автор выступил на международных конференциях по актуальным проблемам международных отношений и международной безопасности. Кроме этого, материалы исследования представлены и обсуждены на профильной кафедре Дипломатической академии МИД России.

Результаты работы опубликованы в трех научных изданиях, утвержденных в соответствии с перечнем ВАК.

Структура работы

Для достижения цели исследования и решения исследовательских задач рукопись включает введение, три главы, разделенных на шесть параграфов, заключение и список источников и литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования русофобии и сербофобии как внешнеполитических вызовов

§1. Понятие и эволюция феноменов русофобии и сербофобии в международных отношениях

Русофобия в научном дискурсе определяется как предвзято негативное, подозрительное или враждебное отношение к России, русскому народу и ко всему, что ассоциируется с русской культурой и государством. Этимологически термин происходит от слова «Russia» с добавлением греческого корня *phobos* («страх»), первоначально указывая на «страх перед Россией». Однако в социально-политическом смысле речь идет не столько о буквальном страхе, сколько об устойчивой негативной установке – неприязни и ненависти к России, сопровождаемой предубеждениями и стереотипами³². В современном научном понимании русофобия выступает специфической формой ксенофобии по отношению к крупному народу или державе (аналогично англофобии, германофобии и др.). Например, С. М. Сергеев включает в содержание понятия русофобии «широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским – от страха до ненависти», отмечая, что русофобия наделяет русский народ некими онтологически присущими ему негативными чертами и постулирует его «неполноценность»³³. То есть русофобские взгляды исходят из представления о врожденных пороках или опасности, исходящей от России и русских, и зачастую сопровождаются сознательным желанием причинить ущерб России.

Сербофобия представляет собой схожий феномен, но направленный против сербского народа и Сербии. В научной литературе ее трактуют как разновидность этнополитической ксенофобии – идеологически

³² Апанасюк, Л. А. К вопросу преодоления ксенофобии и нетерпимости среди молодежи на региональном уровне / Л. А. Апанасюк / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – №3. – С. 399-402.

³³ Неменский, О. Б. Русофобия как идеология / О. Б. Неменский / Вопросы национализма. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 26-65.

мотивированной враждебности к сербам как национальной общности. Проявляется она в виде предубеждений, негативных стереотипов, ненависти и дискриминации в отношении сербского народа, государства Сербия, сербской культуры и православной веры сербов³⁴. Подобно русофобии, сербофобия содержит идею о заведомой негативности целого народа: сербов нередко изображают «врагами цивилизации», приписывая им качества варварства, вероломства, агрессивности, что служит оправданием их угнетения или даже уничтожения³⁵. Таким образом, в узком смысле оба понятия – и русофобия, и сербофобия – охватывают спектр иррациональных негативных чувств (от неприязни до ненависти) и стереотипов по отношению к соответствующим этническим и государственно-культурным общностям³⁶.

Важно подчеркнуть, что русофобия и сербофобия могут пониматься не только как спонтанные предрассудки, но и как идеологически заряженные концепты. Ряд исследователей рассматривает их в широком политико-идеологическом измерении – как своего рода доктрины, умышленно конструируемые и используемые в определенных кругах для достижения политических целей. В этом случае русофобия предстает не просто совокупностью бытовых предубеждений, а элементом целенаправленной идеологии, эксплуатирующей заведомо негативный образ России в больших геополитических играх. Такой подход иногда обозначается понятием «геополитическая русофобия». Согласно определению А. Цыганкова, русофобия – это критика России, выходящая за рамки всякой соразмерности, с целью подорвать политическую репутацию нации. Иными словами, это

³⁴Юго-Восток: Избежать балканских граблей [Электронный ресурс] // Русская народная линия. – Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2014/04/15/yugovostok_izbezhat_balkanskih_grablej (дата обращения: 01.02.2023).

³⁵Ristić Jovan [Электронный ресурс] // Britannica. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f7278436-68061dd9-45f45494-74722d776562/https/www.britannica.com/biography/Jovan-Ristic (дата обращения: 01.02.2023).

³⁶Екмечич Милорад – сербофобия и антисемитизм [Электронный ресурс] // Моя Сербия. – Режим доступа: <https://www.srbija.ru/news/2023-id> (дата обращения: 01.02.2023).

дискурс «демонизации» России, выстраивающий ее образ как опасного, агрессивного актора, угрожающего интересам «цивилизованного мира»³⁷. Подобный дискурс слабо связан с реальным поведением России; он обусловлен скорее политико-идеологической конъюнктурой и потребностями внешней пропаганды. Так, Цыганков в своем исследовании показывает, что в США начала XXI века определенные влиятельные круги – антироссийское лобби – целенаправленно искажали образ России, стремясь помешать восстановлению международного влияния Москвы. В этом контексте русофобия выступала в роли инструмента большого политического соперничества, призванного сохранить за Россией статус побежденной стороны в холодной войне. Другие аналитики прямо называют русофобию «идеологией», конструирующей миф о зловредной природе русского народа и служащей оправданием политики сдерживания России. При таком подходе русофобия – это в первую очередь политический феномен, связанный с борьбой за власть и влияние, а не просто культурная враждебность.

Схожим образом и сербофобия осмысливается не только как стихийная неприязнь, но и как политико-идеологическая конструкция, исторически применявшаяся для оправдания давления на Сербию. Исследователи отмечают, что сербофобия часто являлась производным явлением от общего западного антиславянского и антиправославного дискурса. В частности, в англо-американской среде негативное отношение к сербам генетически связано с укоренившейся русофобией: Сербия воспринималась как балканский аватар «русской угрозы»³⁸. В то же время на европейском континенте образ сербов формировался под влиянием широкой системы

³⁷ Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. – New York: Macmillan, 2009. – 257 p.

³⁸ Курдин, Ю. А. Сербско-турецкая кампания 1876 г. В свете переписки М. Г. Черняева с И. С. Аксаковым / Ю. А. Курдин // Диалог со временем. – 2020. – №. 71. – С. 271-282.

предрасудков XIX века – антиславянских нарративов³⁹⁴⁰. Таким образом, сербофобия – подобно русофобии – может пониматься как комплекс идей и стереотипов, целенаправленно поддерживаемых в общественном мнении и политическом дискурсе для достижения внешнеполитических целей: ослабления и изоляции Сербии, легитимации вмешательства во внутренние дела балканского региона, мобилизации нужного общественного мнения и иные.

В современной научной литературе 1990–2020-х гг. сложилось несколько основных подходов к анализу русофобии и (в меньшей степени) сербофобии. Одни авторы трактуют их прежде всего как варианты этнонациональной ксенофобии, родственные другим национальным предрасудкам (польская русофобия, хорватская сербофобия и т.п.). Другие делают упор на цивилизационно-идеологическую природу этих явлений, видя в них отражение исторического антагонизма двух миров – условного «Запада» и «Востока». Так, по мысли О. Б. Неменского, следует различать просто неприязненные чувства одного народа к другому и цельную идеологию ненависти, которая обретает устойчивый и системный характер⁴¹. Русофобия в ее полном развитии – это не рядовая враждебность, а идеологическая конструкция, уподобимая антисемитизму и другим тотализирующим доктринам ненависти. С этой точки зрения, обычные национальные антипатии (вроде бытовой англофобии или полонофобии) могут со временем перетекать в идеологию ненависти под влиянием исторических кризисов и конструктивистских усилий элит. Именно таким путем в XIX–XX веках

³⁹ Балканы и роль Горчакова в формировании исторических традиций русской дипломатии [Электронный ресурс] // Гуськова. – Режим доступа: <https://www.guskova.info/w/yuhis/1999-jan.html> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴⁰ Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. [Электронный ресурс] // Исторические исследования. – Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/293/660> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴¹ Беляков, С. С. Сербь – «чужак» № 1 / С. С. Беляков // Вопросы национализма. – 2010. – №3 (3). – С. 128-141.

сформировалась идеология антисемитизма, и похожую эволюцию претерпело русофобское мировоззрение.

Кроме того, ряд исследователей предлагает критерии разграничения между обоснованной критикой России/Сербии и собственно русофобией/сербофобией как иррациональным явлением. Например, по мнению С. М. Сергеева, к обоснованной критике можно отнести разовые негативные высказывания или негативные оценки отдельных исторических периодов, рациональные предпочтения (скажем, выбор иностранной культуры или товаров вместо отечественных) и несогласие с конкретными политическими курсами России⁴². Напротив, признаками именно фобий являются убежденность в генетической ущербности русских/сербов, экзистенциальная ненависть к ним, систематическое желание причинить им вред, а также отрицание права на собственную идентичность (отрицание понятий «русский», «сербский» как легитимных категорий). Эти критерии демонстрируют, что русофобия и сербофобия – гораздо более радикальные явления, чем просто критическое отношение: это именно ненавистнические идеологии, претендующие на всеобъемлющее очернение нации⁴³.

Отдельно стоит отметить, что в академическом поле существуют и скептические взгляды на данную проблематику. Есть также точка зрения, трактующая русофобию как реакцию на действия самой России: якобы, негативное отношение вызвано агрессивной политикой Москвы, а не предвзято искажается в пропаганде⁴⁴. Однако подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что феномены русофобии и сербофобии – реальная данность, имеющая глубокие историко-культурные корни и

⁴² Сергеев, С. М. Как возможна русская русофобия? / С. М. Сергеев // Вопросы национализма. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 66-85.

⁴³ Министерство иностранных дел Российской империи, пресс-релиз, 1914 г.

⁴⁴ Feklyunina V. Constructing Russophobia // T. Ray (ed.). *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*. London: Routledge, 2012. P. 91–109.

Darczewska J., Żochowski P. *Russophobia in the Kremlin's Strategy: A Weapon of Mass Destruction*. Punkt Widzenia, OSW. 2015. (PDF). URL: https://www.files.ethz.ch/isn/195236/pw_56_ang_russophobia_net.pdf (дата обращения 24.08.2024).

актуализированная в современном дискурсе. Уже хотя бы сам факт многочисленных попыток теоретического осмысления данных явлений (как на Западе, так и в России) свидетельствует об их объективном существовании.

Подводя итог, под понятиями «русофобия» и «сербофобия» в настоящем исследовании понимаются устойчивые системы негативных стереотипов и предубеждений в отношении России и Сербии (соответственно), развившиеся в форму идеологем, которые используются в политическом и медиадискурсе для маркировки этих стран как «чуждых» и «опасных». Важным аспектом является то, что обе фобии имеют как внутреннее измерение (восприятие Россией и Сербией самих себя и поиск «внутренних врагов»), так и преимущественно внешнее измерение, выступая элементом внешнеполитических доктрин других государств. В рамках нашего анализа акцент делается именно на внешнем, международно-политическом измерении – то есть на русофобии и сербофобии как феноменах международных отношений, связанных с внешнеполитическими дискурсами и идеологическим противоборством.

Чтобы понять специфику современной (постсоветской) русофобии и сербофобии, необходимо кратко обозначить их исторические истоки. Феномены неприятия России и Сербии имеют глубокие корни, формировавшиеся на протяжении многих веков под влиянием геополитических, религиозно-цивилизационных и культурных факторов. Историки прослеживают зачатки систематической враждебности к России уже со времен позднего Средневековья⁴⁵. Так, по наблюдению австрийского исследователя Х. Хофбауэра, образ врага в отношении Руси начал складываться в Западной Европе еще в XV–XVI веках, когда европейские державы из геополитических и экономических соображений стремились изолировать Московское государство. Уже тогда возникали стереотипы о

⁴⁵ *Герберштейн, С.* Записки о московитских делах / *С. Герберштейн*. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. – 465 с.

России как об «инородной» и опасной силе – наследнике Византии и конкуренте в освоении восточных территорий⁴⁶.

Особое влияние на формирование русофобских клише оказала эпоха Просвещения и новоевропейской модерности. К XVIII веку в западноевропейской мысли укрепляется представление о России как о «восточной деспотии», отстающей в своем развитии от «просвещенной Европы»⁴⁷. Это предвзятое восприятие имело не только культурный, но и очевидный политический подтекст: например, философы-французские просветители нередко критиковали российский абсолютизм как антитезу европейской свободы, тем самым подкрепляя идею о цивилизационной чуждости России⁴⁸. Со временем подобные идеи трансформировались в устойчивый идеологический дихотомический образ: Европа – прогресс и свобода, Россия – отсталость и тирания⁴⁹⁵⁰. Эта цивилизационная русофобия, основанная на противопоставлении «европейской культуры» и «азиатских орд», впоследствии станет важнейшим фундаментом западного восприятия России. Например, уже в XX веке нацистская пропаганда напрямую опиралась на старую идеологию о «русских-азиатах», варварах, угрожающих Европе. Такая риторика позволяла оправдывать самые радикальные планы – вплоть до физического уничтожения русских, как «расово чуждых» (достаточно вспомнить, что смертность советских военнопленных в нацистских лагерях была в десятки раз выше, чем пленных западных союзников). Иными словами,

⁴⁶ Гордон, А. В. Россия в истории французской мысли (XVIII–XXI вв.) / А. В. Гордон // РСМ. – 2013. – №4 (81). – С. 1–27.

⁴⁷ Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Кучково поле, 1998. – 416 с.

⁴⁸ Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / Вольтер. – М.: Нестор-История, 2022. – 376 с.

⁴⁹ Эпштейн, А. Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма / А. Эпштейн // Новое литературное обозрение. – 2014. – №9. – С. 20–31.

⁵⁰ Воробьева, И. В. Идеи Поля Гольбаха об общественном договоре и их значение для современности / И. В. Воробьева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2023. – №4. – С. 67–80.

историческая традиция «страха перед Востоком» постепенно конкретизировалась применительно к России.

К середине XIX столетия дискурс неприятия России оформился на Западе в относительно цельную систему нарративов. Победа Российской империи над Наполеоном и последующий выход России на роль одной из ведущих европейских держав вызвали тревогу у конкурентов⁵¹. В политической риторике Англии, Франции, Австрии тех лет прочно обосновались мотивы «русской угрозы»: говорили о безграничных амбициях царизма, о воинственности русских, об экспансии на Балканы и в Центральную Азию⁵²⁵³. Британская карикатура породила образ «русского медведя», олицетворявшего грозного и непредсказуемого восточного соседа⁵⁴. Пресса и литература массово воспроизводили пугающие образы русских – варваров, стоящих у ворот Европы⁵⁵⁵⁶. Термин «русофобия» как раз входит в оборот в это время: его употребляли иронически сами же британские либералы, критикуя фантомный страх консерваторов перед Россией. Тем не менее, вне зависимости от контекста полемики, сам факт устойчивого словоупотребления свидетельствует: к концу XIX века негативный образ России стал привычным элементом политического языка в Европе⁵⁷⁵⁸.

⁵¹ Русская армия вступает в Париж [Электронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/russkaia-armiia-vstupaiet-v-parizh-event> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵² Успенский, В. М. Медведи, казаки и русский мороз. Россия в английской карикатуре до и после 1812 г. / В. М. Успенский. – СПб.: Арка, 2014. – С. 9-29.

⁵³ Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах [Электронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/n-g-chiornyshievskii-ob-anghlii-i-anghlichanakh> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵⁴ Шанишьева, Л. Н. Немецкие историки о концепции Центральной Европы (обзор) / Л. Н. Шанишьева // Полит. наука. – 2001. – №4. – С. 78-84.

⁵⁵ Де Кюстин, А. Россия в 1839 году / А. Де Кюстин. – М.: КоЛибри, 2020. – 1072 с.

⁵⁶ Лазари, А. Д. «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны / А. Д. Лазари // Лабиринт. – 2013. – №4. – С. 54-68.

⁵⁷ Чуркина, И. В. Русские ученые и Вук Стефанович Караджич / И. В. Чуркина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2017. – №3. – С. 132-139.

⁵⁸ Алентьева, Т. В. Крымская война на страницах британского журнала «Punch» / Т. В. Алентьева // Научный вестник Крыма. – 2023. – № 2 (42). – С. 38–49.

В то же самое время в Центральной и Юго-Восточной Европе формируются первые системные проявления сербофобии. Исторически самые ранние случаи институционализированной ненависти к сербам связаны с политикой многонациональных империй, владевших балканскими землями⁵⁹⁶⁰. Османская империя на протяжении веков враждебно относилась к христианским сербам, рассматривая их как потенциальную «пятую колонну» Русского государства на Балканах⁶¹. После восстаний и войн XIX века (особенно после сербского восстания 1804 г. и русско-турецких войн) у османских властей закрепился стереотип сербов как мятежников; это вылилось в репрессии против сербского населения (выселения, бегство десятков тысяч сербов из Османской территории в XIX в.)⁶²⁶³.

Еще более значимую роль сыграла Австро-Венгрия, для которой сербы стали своеобразным «врагом № 1» на Балканах. Австрийские и особенно венгерские элиты во второй половине XIX века культивировали откровенно сербофобские идеи⁶⁴⁶⁵. Хорватские ультранационалисты (например, Иосип Франк и его последователи) сделали ненависть к сербам стержнем своей политической программы, определяя хорватскую идентичность через

⁵⁹ Markovich, S. Čedomilj Mijatović, a leading Serbian Anglophile / S. Markovich // *Balkanica*. – 2007. – №38. – PP. 105-132.

⁶⁰ Новакович Стоян [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа:

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/114145/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 01.02.2023).

⁶¹ 90. Русофобия в Англии [Электронный ресурс] // Викичтение. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/268653> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶² Киняпина, Н. С. Внешняя политика Николая I / Н. С. Киняпина // Новая и новейшая история. – 2001. – №1. – С. 13-24.

⁶³ Экмечич, М. «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» / М. Экмечич. – Москва: Абрикобукс, 2023. – 263 с.

⁶⁴ «Честолюбия более, чем чести»: как роковая связь положила конец династии сербских королей [Электронный ресурс] // Балканист. – Режим доступа: <https://balkanist.ru/chestolyubiya-bolee-chem-chesti-kak-rokovaya-svyaz-polozhila-konets-dinastii-serbskih-korolej/> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁵ Власов, Н. А. Война против России, даже победоносная, будет... нежелательным событием / Н. А. Власов // Военно-исторический журнал. – 2022. – №4. – С. 35–49.

противопоставление сербам⁶⁶. В венгерской части империи тоже поощрялась сербофобия как часть политики мадьяризации сербских краев⁶⁷. К концу XIX века в Австро-Венгерской монархии сложился целостный антисербский дискурс: на уровне официальной риторики Сербию изображали экзистенциальной угрозой для империи⁶⁸. Сербобия фактически превратилась в государственную доктрину Вены и Будапешта. Под этим предлогом Австро-Венгрия жестко реагировала на любые попытки Сербии усилиться: например, организовала «Таможенную войну» 1906–1911 гг. против Сербии, унизила ее дипломатически в 1909 г. во время Боснийского кризиса⁷⁰. Наконец, в 1914 г. сербофобская риторика была использована для оправдания ультиматума и военной агрессии против Сербии, послужившей детонатором Первой мировой войны⁷¹. К тому времени враждебные клише о сербах десятилетиями тиражировались в обществе Дунайской монархии, создавая необходимый психологический фон для поддержки войны⁷².

Западноевропейские великие державы также вносили свой вклад в поддержание негативного образа Сербии⁷³. В рамках так называемого Восточного вопроса в XIX веке Британская империя и Франция чаще симпатизировали Османской империи или Австрии, нежели маленькому

⁶⁶ Анте Старчевич [Электронный ресурс] // DevWiki. – Режим доступа: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Ante_Star%C4%8Devi%C4%87 (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁷ Антисербские настроения [Электронный ресурс] // Викибриф. – Режим доступа: https://ru.wikibrief.org/wiki/Anti-Serb_sentiment (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁸ Европейский расизм: Гобино [Электронный ресурс] // LiveJounal. – Режим доступа: <https://aizen-tt.livejournal.com/7121531.html> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶⁹ Власов, Н. А. Война против России, даже победоносная, будет... нежелательным событием / Н. А. Власов // Военно-исторический журнал. – 2022. – №4. – С. 35–49.

⁷⁰ Вишняков, Я. В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. И славянский вопрос / Я. В. Вишняков // Вестник МГИМО. – 2011. – №1. – С. 103–112.

⁷¹ Головашина, О. В. Идея аншлюса и проект Дунайской Федерации в общественном мнении Первой Австрийской Республики / О. В. Головашина // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – №10. – С. 137–142.

⁷² Сборник дипломатических документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. – СПб: Государственная типография, 1914. – 153 с.

⁷³ Начертаније Илије Гарашанина – Великосрпски Или Југословенски Програм [Электронный ресурс] // Културни Центар Новог Сада. – Режим доступа: <https://www.kcns.org.rs/agora/nacertanije-ilije-garasanina-velikosrpski-ili-jugoslovenski-program/> (дата обращения: 07.02.2023).

православному княжеству Сербии⁷⁴⁷⁵. Английская дипломатия опасалась появления сильного славянского государства на Балканах, видя в том угрозу равновесию сил⁷⁶. Как отмечает Н. А. Нарочницкая, уже в начале XX века в англосаксонской геостратегии сложился курс на не допустить объединения южных славян, опасаясь усиления позиций России в регионе. Британцы, а затем и американцы, исходили из геополитической максимы: недопущение контроля России над Балканами и разобщение славян – залог сохранения влияния Запада⁷⁷. Отсюда вытекала демонизация сербского национального движения: любые стремления сербов к объединению осуждались как дестабилизирующие, и Сербию стремились изолировать и ослабить. В итоге, после распада Югославии в конце XX века, Запад фактически санкционировал дальнейшую фрагментацию сербских земель (отторжение Косова и др.), что Нарочницкая называет «примечательной параллелью» с судьбой исторической России в постсоветский период⁷⁸.

Таким образом, к началу XX века и русофобия, и сербофобия были уже заметно укоренены в международных отношениях⁷⁹. Русофобия приобрела черты общеевропейского идеологического феномена – от британской прессы до немецких геополитических теорий – изображая Российскую империю как

⁷⁴ Никитюк, В. А. Роль союзников Сербии на пути к обретению независимости (1870 - 1880-е гг.) / В. А. Никитюк // Исторический журнал: научные исследования. – 2024. – №6. – С. 82-93.

⁷⁵ Тимофеев, А. Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878-1912 / А. Ю. Тимофеев. – М.: Алетей, 2007. – 240 с.

⁷⁶ Орлов, А. А. Россия и Великобритания в 1805-1815 гг.: борьба за новый европейский порядок / А. А. Орлов // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 43-51.

⁷⁷ Сербофобия [Электронный ресурс] // 24 News. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LZWLE>.

⁷⁸ Нарочницкая, Н.А. Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербь и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия / Н.А. Нарочницкая // Перспективы. Электронный журнал. – 2023. – № 1. – С. 7-20.

⁷⁹ Славенко Терзич: «Связь наших народов всегда была и будет глубже сиюминутного политического контекста» [Электронный ресурс] // Столетие. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/slavenko_terzich_svaz_nashih_narodov_vsegda_byla_i_budet_glubzhe_sijuminutnogo_politicheskogo_konteksta_530.htm (дата обращения: 07.02.2023).

постоянную угрозу мировому порядку⁸⁰⁸¹. Сербобфия же институционализировалась в политике крупнейших империй, стремившихся подавить сербский национальный проект. Обе фобии к тому моменту служили инструментами внешней политики: русобфия обосновывала анти-российские коалиции и вмешательства (вплоть до интервенции 1918 г. в Россию после революции, тоже пронизанной риторикой борьбы с «варварством»), а сербобфия подготовила почву для оправдания агрессии 1914 года и последующего раздела южнославянских территорий⁸²⁸³⁸⁴.

Важно отметить, что в советский и межвоенный периоды природа этих явлений несколько трансформировалась, но полностью не исчезла. Антироссийские настроения в XX веке переплелись с антибольшевизмом: после 1917 года ненависть к «русскому варвару» часто выражалась через образ «коммунистической угрозы» из Москвы. Это подтверждает и агентурное донесение о положении в Югославии, составленное сотрудником советского полпредства в Белграде в марте 1924 г., где, наряду с описанием внутривластных конфликтов и этнических противоречий, отмечалось, что именно «большевистская Россия» рассматривается рядом политических сил как главный внешний источник угрозы⁸⁵. Многие западные идеологи отождествляли СССР с прежней «Российской угрозой», лишь дополнив ее идеологическим компонентом (страхом перед распространением

⁸⁰ Балканский кризис 1875-1878 годов на страницах журнала [Электронный ресурс] // Российское историческое общество. – Режим доступа: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/chto-tvorit-tsargrad.html> (дата обращения: 11.05.2023).

⁸¹ Сетов, Н. Р. Русобфия - инструмент британской внешней политики. XIX век - взгляд с позиций политического реализма / Н. Р. Сетов, А. В. Топычанов // Обозреватель. – 2014. – №10 (297). – С. 98–106.

⁸² Брестский мир, «Ренегат» Каутский и Ленин [Электронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/watch/lectures/briestskii-mir-rienieghat-kautskii-i-lienin> (дата обращения: 11.05.2023).

⁸³ Marković, L. La Serbie et l'Europe, 1914-1918 / L. Marković. – Paris: Georg & Company, 1919. – 334 p.

⁸⁴ Австро-Венгерская нота от 23 июля 1914 [Электронный ресурс] // Немного истории. – Режим доступа: <https://istoriya-kg.ru/index.php?option=document&view=article&Itemid=avsven-nota-23-iyul-1914-mt>.

⁸⁵ АВП РФ Ф. 0144, оп. 7, папка 102, д. 4, л. 36–38 (дата обращения: 11.05.2023).

коммунизма)⁸⁶. Это можно назвать модифицированной формой русофобии, где традиционные цивилизационные стереотипы (о деспотии, экспансии) синтезировались с антикоммунистической риторикой. Аналогично и сербофобия в середине XX века получила новую окраску: во время Второй мировой войны усташский режим в Хорватии и оккупационные власти стран Оси проводили геноцид сербов, оправдывая его теми же давними мифами о «злобном сербском племени» и его союзничестве с Россией/СССР. В Третьем рейхе сербов, как и русских, причислили к «неполноценным народам Востока», подлежащим уничтожению или порабощению – что было крайним проявлением накопленной ксенофобии.

После 1945 года мир вступил в эпоху холодной войны, в которой антисоветизм стал доминирующим мотивом западного дискурса. Формально это противостояние имело идеологическую природу (коммунизм против капитализма), однако культурно-историческая линия разлома «Запад – Россия» вновь проявилась. Западная пропаганда во многом эксплуатировала прежние образы: СССР изображался «Империей Зла», наследницей российской деспотии, угрожающей свободному миру. Внутри СССР, в свою очередь, воспроизводился образ внешнего врага – «агрессивного империализма», что можно трактовать как ответную ксенофобию. Тем не менее, термин «русофобия» в те годы употреблялся относительно редко; он вновь широко входит в оборот лишь во второй половине 1980-х – 1990-е годы, когда на фоне распада СССР и югославского кризиса россияне и сербы

⁸⁶ CIA. Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years, 1946–50 / W.J. Kuhns. Central Intelligence Agency, 2019. (Historical Studies). URL: <https://www.cia.gov/resources/csi/static/IntroductoryMaterial-Assessing-the-Soviet-Threat-The-Early-Cold-War-Years.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

Gaddis J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy During the Cold War. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 336 p. URL: <https://global.oup.com> (дата обращения: 30.08.2025).

Robinson N. Russophobia in Official Russian Political Discourse // De Europa. 2019. Vol. 2(2). P. 61–77. URL: <https://ojs.unito.it/index.php/deeuropa/article/download/3384/3814> (дата обращения: 24.08.2025).

начинают все чаще говорить о «кампаниях ненависти» против них. Именно этот период – конец XX века – стал во многом переломным: старые фобии адаптировались к новой международной реальности, заложив основу для современных дискурсов, которые мы наблюдаем в постсоветскую эпоху.

Распад СССР в 1991 г. и последующая трансформация мировой системы вызвали качественно новые проявления русофобии и сербофобии, хотя и укоренённые в описанной выше исторической традиции. Конец XX – начало XXI века характеризуется всплеском антироссийских и антисербских дискурсов именно в западноевроатлантическом пространстве, что было напрямую связано с геополитическими сдвигами.

Во-первых, в 1990-е годы внимание мировой общественности было приковано к серии войн на Балканах, связанных с распадом Югославии. В этих конфликтах образ Сербии и сербов в западных медиа и политике приобрел резко негативные черты. Исследователи информационных войн отмечают, что западные СМИ создали чёрно-белую картину балканского кризиса: сербы почти единогласно представлялись агрессорами, воплощением зла, в то время как другие стороны – жертвами. Такое упрощенное противопоставление было результатом ранней демонизации сербов, подкреплённой определенными политическими интересами влиятельных стран. Как пишут Э. Херман и Д. Петерсон, медийное освещение югославских войн стало классическим примером, когда нарратив о «хороших» и «плохих» участниках утвердился очень быстро, а пропаганда стремительно усиливалась, подгоняя факты под заранее заданную схему⁸⁷. В информационном пространстве утвердилась дихотомия «жертва – злодей», где роль злодея была безоговорочно закреплена за сербами. Материалы, не вписывающиеся в эту схему (например, сведения о преступлениях других сторон или о сложности конфликта), как правило, игнорировались и маргинализировались. Одновременно активно распространялись эмоционально насыщенные образы, призванные

⁸⁷ Herman, E. S. The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics / E. S. Herman. – Evergreen Park: Alphabet Soup, 2011. – 301 p.

шокировать западного обывателя и склонить его к мысли о необходимости вмешательства: кадры так называемых «сербских концлагерей», рассказы о «этнических чистках» и геноциде и т. п. Подобная медийная стратегия не только формировала общественное мнение, но и непосредственно влияла на политику. Сама идея гуманитарной интервенции НАТО в Югославии во многом легитимировалась через риторику «остановить сербских палачей», «новый Гитлер на Балканах» (в лице Слободана Милошевича)⁸⁸. Западные политики открыто сравнивали сербские действия с нацистскими преступлениями, апеллируя к Холокосту, что создавало моральное оправдание силового вмешательства. В итоге можно констатировать, что 1990-е стали периодом кульминации сербофобии в мировом публичном дискурсе: сербов систематически демонизировали в ведущих англо-американских и европейских изданиях, а термин «сербский этнический чистильщик» вошел в обиход как символ воплощённого зла. Российский историк Е. Ю. Гуськова, изучавшая информационный аспект югославского кризиса, отмечает решающую роль западной пропаганды в разжигании антисербских настроений⁸⁹. По ее словам, в 1990-е годы в Европе наблюдалась настоящая волна сербофобии, а многие политические элиты сознательно искажали факты истории и современности, стремясь представить Сербию виновницей всех конфликтов на Балканах⁹⁰. Такая ревизия истории и одностороннее обвинение сербов, по мнению Гуськовой, были нацелены на оправдание геополитических перемен и ослабление как Сербии, так и позиции России на Балканах.

Во-вторых, постсоветская Россия в 1990-е сначала не рассматривалась Западом в категориях прямой угрозы – напротив, был период определенной

⁸⁸ Душенко, К. В. «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний. Из истории политического языка / К. В. Душенко. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – 199 с.

⁸⁹ Балканы и роль Горчакова в формировании исторических традиций русской дипломатии [Электронный ресурс] // Гуськова. – Режим доступа: <https://www.guskova.info/w/yuhis/1999-jan.html> (дата обращения: 11.01.2024).

⁹⁰ Экмечич, М. «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» / М. Экмечич. – Москва: Абрикобукс, 2023. – 263 с.

эйфории «конца холодной войны». Однако довольно скоро, по мере того как Россия пыталась восстановить свое влияние и заявляла о несогласии с некоторыми действиями НАТО (яркий пример – критика бомбардировок Югославии в 1999 г.), западный дискурс вновь вернулся к риторике настороженности и недоверия. Уже в конце 1990-х – начале 2000-х годов, с приходом к власти В. Путина и началом консолидации России, на Западе возрождаются старые клише: речь заходит о «возрождении имперских амбиций Москвы», «угрозе соседям», «откате от демократии». Иными словами, русофобия вступает в новую фазу, адаптированную к реалиям XXI века. Теперь она манифестируется через тезисы о несовместимости России с либеральными ценностями, о врожденном авторитаризме русской политической культуры и о том, что Россия якобы по самой своей природе не может не пытаться подорвать международный порядок.

Следует подчеркнуть, что решающими этапами новой волны русофобии стали события 2014 и 2022 годов, связанные с украинским кризисом. Антироссийские настроения на Западе резко усилились после воссоединения Крыма с РФ и конфликта на Донбассе (2014), а затем достигли беспрецедентной силы после начала военной операции России на Украине (2022). По сути, с 2014 г. можно говорить о формировании нового витка холодной войны в информационном пространстве. Российские официальные лица и многие эксперты открыто заговорили о «масштабной кампании дискредитации России на международной арене». Эта кампания включает в себя санкционное давление, резкое усиление негативной риторики в адрес РФ со стороны лидеров США и ЕС, дипломатическую изоляцию (исключение России из «большой восьмерки», приостановление ее прав в ПАСЕ в 2014–2019 гг. и т.п.)⁹¹, а также тотальное доминирование антироссийских нарративов в глобальных СМИ. В информационном пространстве

⁹¹ Демоническая Россия: американский профессор привел пример русофобии в СМИ США [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20180407/1114185728.html> (дата обращения: 11.01.2024).

укоренились образы России как государства-изгоя, «режима», угрожающего всей Европе, спонсора терроризма и т. п. Фактически русофобия приобрела характер своеобразной идеологической нормы в евро-атлантическом сообществе середины 2010-х – 2020-х гг.: негативное отношение к России нередко поощряется как признак «идейной правильности». Одновременно растет и официальное неприятие всего русского: фиксируются случаи дискриминации по национальному признаку (например, ограничения на въезд для россиян, скандалы вокруг отказов в участии российских деятелей культуры в международных мероприятиях и т.д.). Как отмечается в российских внешнеполитических докладах, проявления русофобии наблюдаются даже в деятельности международных организаций, прежде всего в сфере прав человека, которые все чаще допускают политически мотивированные обвинения в адрес России⁹². Российский МИД констатирует, что ряд глобальных институтов переживает «системный кризис», фактически превратившись в инструменты информационно-психологической войны, в том числе – носители русофобских клише.

Вместе с тем сербофобия в XXI веке также не исчезла, хотя после завершения войн 1991-1999 гг. проявления стали менее острыми. В 2000 г., с приходом к власти в Сербии более прозападных политиков и началом евроинтеграционных устремлений, публичная демонизация сербов несколько снизилась. Однако латентная сербофобия сохраняется в ряде форм.

Во-первых, это политические стереотипы в некоторых странах региона: например, в Хорватии, Косово и частично в Боснии продолжает бытовать исторически сложившийся негативный образ «серба-врага», питаемый

⁹² О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1988380/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000281edd59b487fd57220f33134585f79845a31ca9d2cbe7a8a580c4905a206c1b08a5c341e6143000020e888c6ed7dac685378757c2e650fef31f43a858eb1c3815c577b1233f18df572d28f3a1805552800166268162e9a6 (дата обращения: 11.01.2024).

памятью о войнах и подкрепляемый националистической риторикой⁹³. Здесь важно привести один наиболее показательный пример, который способствует закреплению сербофобских нарративов в общественном сознании. Особое место среди культурных практик, направленных на формирование негативного образа сербов в период войны в Югославии в 1991-1999 гг., занимает конкурс «Мисс Сараево», проведённый в 1993 году в осаждённом городе. Организаторы вывели на сцену девушек с плакатом «Don't let them kill us», прямо намекая на сербскую сторону как на источник угрозы. Видеозапись конкурса получила широкую международную дистрибуцию и стала одним из символов гуманитарной катастрофы, визуально закрепив ассоциацию сербов с агрессией и насилием⁹⁴. Этот визуально-эмоциональный образ был позднее интерпретирован и музыкально — фронтмен ирландской группы U2 Боно совместно с Л. Паваротти записали композицию *Miss Sarajevo*, клип к которой включал кадры разрушенного города и материалы самого конкурса⁹⁵. В дальнейшем наиболее символичным стало исполнение композиции в Сараево 23 сентября 1997 года в рамках тура *PopMart Tour*, когда песня прозвучала перед местной аудиторией на стадионе *Koševo*, вызвав сильный эмоциональный резонанс⁹⁶. Наибольшее распространение *Miss Sarajevo* получила в период *Vertigo Tour* (2005–2006), когда она вошла в постоянный сет-лист и была исполнена более чем на восьмидесяти концертах⁹⁷. По данным концертной статистики, в общей сложности песня звучала вживую свыше 190 раз, что делает её одним из важнейших музыкальных маркеров западного

⁹³ Берлинский трактат 1878 года [Электронный ресурс] // Руниверс. – Режим доступа: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6776&CENTER_ELEMENT_ID=146934&PORTAL_ID=6776 (дата обращения: 15.08.2025).

⁹⁴ *Donia R. Sarajevo: A Biography*. London: Hurst & Company, 2006. С. 325–326.

⁹⁵ U2; Паваротти Л. *Miss Sarajevo* [Музыкальная запись, клип]. Documentary version. – PolyGram Records, 1995. – URL: https://youtu.be/gdczQ2LsY0I?si=Yk6dEtf3fhz_Ks54 (дата обращения: 15.08.2025).

⁹⁶ U2songs.com. U2 Concert in Sarajevo – PopMart Tour, Koševo Stadium, 23 Sept. 1997. URL: https://www.u2songs.com/discography/passengers_miss_sarajevo_single (дата обращения: 09.04.2025)

⁹⁷ UltimatePopCulture. Miss Sarajevo. URL: https://ultimatepopculture.fandom.com/wiki/Miss_Sarajevo (дата обращения: 09.04.2025).

восприятия балканских конфликтов⁹⁸. В 2017 году композиция вновь вернулась в сет-листы U2 под названием «Miss Syria», в контексте сирийского кризиса, что подтверждает универсализацию созданного нарратива, изначально возникшего как инструмент символической демонизации сербской стороны⁹⁹.

Данный пример демонстрирует, что сербофобский дискурс закреплялся не только в политической риторике и СМИ, но и в массовой культуре, где эстетизация страдания жертв соседствовала с демонизацией сербов, формируя устойчивый негативный нарратив в глобальном информационном пространстве¹⁰⁰.

Во-вторых, на уровне западных медиа время от времени возобновляются сюжеты, изображающие Сербию как «младшего партнера России» и, следовательно, потенциально проблемное государство для Европы. В периоды обострения отношений с Россией (такие как 2014 г. и особенно 2022 г.) Сербия часто фигурирует в западном дискурсе как «троянский конь» России на Балканах, ее нежелание присоединяться к санкциям критикуется как признак врожденной пророссийской ориентации. Таким образом, старые мотивы сербофобии – подозрение в «пятой колонне Москвы», цивилизационная отчуждённость (православие против католицизма/ислама), обвинения в агрессивном национализме – остаются частью внешнеполитического нарратива, хотя и в менее явной, более политкорректной форме по сравнению с 1990-ми¹⁰¹.

Обобщенно можно сказать, что в постсоветский период русофобия и сербофобия эволюционировали, во-первых, в сторону интернационализации

⁹⁸ U2gigs.com. Miss Sarajevo – Live Performances. URL: https://www.u2gigs.com/Miss_Sarajevo-s130.html (дата обращения: 09.04.2025).

⁹⁹ U2songs.com. The Joshua Tree Tour 2017 – Setlists. URL: https://www.u2songs.com/discography/passengers_miss_sarajevo_single (дата обращения: 09.04.2025).

¹⁰⁰ Gagnon V. P. The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. – 232 p.

¹⁰¹ Бондарева, Е. А. Культурный геноцид сербского народа на территории Косова / Е. А. Бондарева // Албанский фактор кризиса на Балканах. – 2003. – №2. – С. 69-82.

(ими пропитался дискурс крупных международных объединений – НАТО, ЕС), а во-вторых, в сторону институционализации (они проявляются в конкретных политических действиях и решениях). Это уже не только слова в газетных статьях, но и реальные шаги: санкции, бомбардировки, судебные преследования. Такой симбиоз слов и дел показывает, что данные явления прочно вошли в инструментарий международной политики. В следующих разделах мы подробнее рассмотрим, как именно русофобия и сербофобия используются как инструменты идеологического давления и «мягкой силы», а также какие стратегии противодействия вырабатываются Россией и Сербией.

В научных попытках концептуализировать русофобию (как внешнее, так и внутреннее явление) предлагаются различные критерии ее дифференциации. Анализ работ 1990–2020-х годов позволяет условно выделить несколько основных форм русофобии, которые в определенной степени применимы и к феномену сербофобии:

- Цивилизационная русофобия. Это базовый пласт негативного отношения, вытекающий из противопоставления двух цивилизационных моделей – условного «Запада» и «России». Корни этой формы лежат в истории: Запад со времен Средневековья видел в Руси/России наследника «Восточной деспотии», чуждой латинско-христианскому миру. Цивилизационная русофобия основана на восприятии России как извечного «Другого», стоящего вне западных ценностей свободы, прав человека, рационализма. Дихотомия «цивилизация/варварство», сформулированная еще в колониальную эпоху, в приложении к России породила устойчивый миф об ее азиатской, варварской сущности. В новейшее время эта форма проявляется через риторики о «несовместимости» России с демократией, о цивилизационном конфликте между либеральным мировым порядком и «евразийским авторитаризмом». Примером могут служить высказывания ряда политологов и публицистов на Западе после 2014 г.: Россию объявляют антимодерном, страной, отвергшей ценности Просвещения – отсюда априорно негативное к ней отношение как к «чужаку» в семье цивилизованных

народов¹⁰². Цивилизационная русофобия носит тотальный характер: она стигматизирует не отдельные действия России, а ее сущность в целом, вплоть до отрицания принадлежности русских к европейской культуре. Аналогично, цивилизационная сербофобия проявляется в представлении о сербах как о «неевропейском» элементе Балкан – ретроградном, религиозно фанатичном, несущем хаос (в противоположность «прогрессивным» хорватам или словенцам)¹⁰³. Такие мотивы отчетливо звучали, например, в австро-венгерской пропаганде начала XX века и отголоски их можно найти даже в риторике некоторых западных политиков конца XX в. (сербы как «балканские талибы» и пр.).

- Геополитическая (политико-стратегическая) русофобия. Этот тип связан с восприятием России как конкурента или противника в борьбе государств за влияние. Геополитическая русофобия имеет более прагматичную природу: она проистекает из конфликтов интересов между странами. Классический пример – британская русофобия XIX века, обусловленная соперничеством с Россией в Европе и Азии¹⁰⁴. Британские стратеги, особенно после 1815 г., видели в укреплении России угрозу своему могуществу и разжигали в обществе страх перед «русским нашествием» (включая миф о скором захвате Индии и т.д.)¹⁰⁵. По замечанию Г. Меттана, английская русофобия того периода имела преимущественно геополитическую обусловленность: после разгрома Наполеона именно Россия осталась единственным крупным соперником Британии, что и питало

¹⁰² Тамбиянц, Ю. Г. Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений / Ю. Г. Тамбиянц // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 3. – С. 93-97.

¹⁰³ Православие и Новый Мировой Порядок [Электронный ресурс] // Грузия и мир. – Режим доступа:

<https://web.archive.org/web/20140702151406/http://geworld.ge/View.php?ArtId=2892&lang=ru> (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁰⁴ Тютчев, Ф. И. О ненависти Европы к России. Год 1830 [Электронный ресурс] / Ф. И. Тютчев // ЛибЖурнал. – 2021. – Режим доступа: https://zhurnal.lib.ru/g/gpebenchenko_j_i/323.shtml (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁰⁵ Gleason, J. The genesis of Russophobia in Great Britain / J. Gleason. – London: Geoffrey Cumberlege, 1950. – 328 p.

антироссийские настроения¹⁰⁶. Подобным образом немецкая русофобия усилилась во второй половине XIX века, когда возник германский национальный проект: расширение «жизненного пространства» на Востоке неминуемо сталкивалось с интересами России, отсюда негативный образ России как препятствия развитию Германии. В современной версии геополитическая русофобия наиболее ярко проявилась в США после окончания холодной войны. Здесь действуют уже упомянутые механизмы антироссийского лобби: определенные политические группы формируют у элит убеждение, что Россия – «главный противник», которому нельзя позволить восстановиться. Это оправдывает расширение НАТО на восток, размещение систем ПРО, экономические санкции и иные шаги, направленные на сдерживание РФ. Проще говоря, геополитическая русофобия стремится обосновать конкретный внешнеполитический курс – конфронтационный по отношению к России, изображая такой курс единственно возможным для защиты национальных интересов. Политическая сербофобия аналогично проявлялась, когда великие державы видели в Сербии препятствие своим планам на Балканах: Австро-Венгрия – яркий пример, а в конце XX в. США и НАТО рассматривали упорство Сербии (вопрос Косова, союз с Россией) как вызов своему лидерству в Европе. Следовательно, политико-стратегическая сербофобия выражалась в действиях вроде изоляции Сербии, навешивания ярлыка «мятежного государства» и применения силы – с соответствующим идеологическим сопровождением.

- Национально-этнические варианты (региональная русофобия). Под этим подразумеваются локальные формы неприязни к России, существующие у отдельных народов и обусловленные специфическими историческими обстоятельствами. Классический пример – польская русофобия, уходящая корнями в разделы Речи Посполитой, подавление восстаний и длительное противостояние Польши и России. Польская

¹⁰⁶ Меттан, Г. Запад-Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / Г. Меттан. – Москва: АСТ, 2023. – 448 с.

русофобия, как отмечает Ю. Тамбиянц¹⁰⁷, обладает глубокой исторической памятью и носит во многом почвенный характер, подпитываясь национальными мифами и травмами. В ней переплетены мотивы мести за утерянную государственность, религиозное противопоставление (католицизм/православие) и страх перед восточным соседом. Аналогично можно говорить об устойчивых русофобских традициях в странах Балтии, на Украине, в Румынии – там свою роль сыграл опыт нахождения в составе Российской империи/СССР, а также целенаправленная политика построения новой национальной идентичности через отталкивание от России. Эти национальные разновидности русофобии могут иметь как явную форму (например, официальная риторика о «российской оккупации» и законодательно закрепленная декоммунизация/дерусификация), так и латентную (бытовые предрассудки, предвзятость на уровне общества). Примечательно, что во многих случаях национальные русофобии усиливаются под влиянием геополитических игроков: так, антироссийские настроения в Восточной Европе в последние десятилетия поощрялись и поддерживались англо-американской стратегией, стремившейся создать санитарный кордон вокруг РФ. Что касается локальных форм сербофобии, то здесь яркими примерами являются хорватская и албанская ненависть к сербам¹⁰⁸. Хорватские ультранационалисты еще в XIX веке (А. Старчевич, Й. Франк) провозгласили сербов «чуждым элементом» и врагом хорватской нации¹⁰⁹¹¹⁰. В XX веке эти идеи трансформировались в государственную политику усташей (1941–1945), а затем отзвуки их были заметны в риторике

¹⁰⁷ Тамбиянц, Ю. Г. Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений / Ю. Г. Тамбиянц // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 3. – С. 93-97.

¹⁰⁸ Ващенко, М. С. Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого) / М. С. Ващенко // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – №8. – С. 1-13.

¹⁰⁹ Беляков, С. С. Сербь – «чужак» № 1 / С. С. Беляков // Вопросы национализма. – 2010. – №3 (3). – С. 128-141.

¹¹⁰ Анте Старчевич [Электронный ресурс] // DevWiki. – Режим доступа: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Ante_Star%C4%8Devi%C4%87 (дата обращения: 15.08.2025).

Хорватии 1990-х. Албанская сербофобия наиболее проявилась в Косове, где историческое противостояние сербов и албанцев за землю и власть обросло взаимной враждебностью: албанские экстремисты трактовали сербов как угнетателей, подлежащих изгнанию, что привело к этническим чисткам сербского населения в 1999 г. Аналогично, в Боснии мусульманская пропаганда демонизировала боснийских сербов, обвиняя их в стремлении к геноциду, что закрепило глубокий раскол между общинами. Таким образом, национально-специфические виды сербофобии (хорватская, албанская, боснийская) питались конкретными конфликтами и зачастую неразрывно связаны с конфессионально-культурным антагонизмом (католики/мусульмане против православных сербов)¹¹¹.

- Латентная и культурно-бытовая русофобия (сербофобия). Помимо перечисленных «больших» форм, важно упомянуть менее заметные, но оттого не менее значимые проявления. Латентная русофобия – это скрытые стереотипы и негативные клише, присутствующие в массовом сознании и культуре, которые не всегда артикулируются в политике напрямую, но влияют на восприятие. Например, в западной популярной культуре за десятилетия сложился образ «типичного русского злодея» (в кино, литературе), ассоциации русских с мафией, грубостью, примитивизмом. Эти стереотипы переносятся затем на реальное отношение – даже если человек декларирует толерантность, подсознательно они могут влиять. Латентная русофобия проявляется также в двойных стандартах: например, аналогичные действия России и западной страны оцениваются по-разному (у России априори приписываются злонамеренные мотивы). Примеры – реакция на военные операции: действия НАТО трактуются как защита демократии, тогда как любые военные шаги РФ – как агрессия. Аналогично в сфере прав человека: проблемы с правами в России преподносятся как свидетельство «дикости системы», а аналогичные проблемы в союзных Западу государствах часто игнорируются. Все это

¹¹¹ Государственный архив Российской Федерации, фонд 400, опись 1, дело 112, листы 12-24

создает фон, в котором Россия постоянно выглядит хуже. Культурная русофобия тесно связана с латентной – она выражается в пренебрежительном отношении к русской культуре, языку, вкладу России в мировую историю. Отдельные западные интеллектуалы открыто декларировали подобные взгляды (например, З. Бжезинский называл Россию «верхним волжским Улусом Орды»¹¹²). В отношении Сербии можно говорить о латентной сербофобии в некоторых международных структурах: к примеру, в работе Гаагского трибунала по бывшей Югославии сербы, по оценке ряда наблюдателей, подвергались более жесткому обращению, чем представители других народов, что объяснялось негласным предположением об их исключительной виновности в конфликтах. Кроме того, косвенным признаком скрытой сербофобии является систематическое умаление сербских жертв и односторонние обвинения сербов в исторических трудах, что отмечала Е. Гуськова как тенденцию ревизии истории в угоду нынешним политическим конъюнктурам¹¹³.

Разумеется, приведенная классификация является аналитической схемой – в реальности разные формы часто переплетены. Так, «цивилизационная» риторика служит ширмой для геополитических действий, латентные стереотипы подкрепляют официальную политику, а национальные обиды используются внешними силами для эскалации конфликтов. Тем не менее, подобное разграничение полезно для понимания сложной структуры современных русофобии и сербофобии как явлений. Они сочетают в себе идеологические доктрины, политические технологии и культурно-психологические настроения. В совокупности все это образует устойчивый

¹¹² Россия в контексте интересов США: эволюция взглядов Збигнева Бжезинского [Электронный ресурс] // Перспективы. – Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=263893> (дата обращения: 12.12.2024).

¹¹³ 10. Балканы и роль Горчакова в формировании исторических традиций русской дипломатии [Электронный ресурс] // Гуськова. – Режим доступа: <https://www.guskova.info/w/yuhis/1999-jan.html> (дата обращения: 15.08.2025).

феномен «образа врага», направленного против России и Сербии в международном сознании.

Анализ современного этапа (1990-е – 2020-е гг.) показывает, что русофобия и сербофобия проявляются на нескольких уровнях международных отношений: в официальной внешней политике, в СМИ и информационном пространстве, а также в деятельности ряда международных институтов. Они стали частью повседневной политической практики – как инструмент и как фактор, который приходится учитывать. Ниже рассмотрим ключевые сферы проявления¹¹⁴.

1. Внешнеполитический дискурс и дипломатия. В риторике многих западных государств заметно присутствие русофобских и сербофобских мотивов, особенно в кризисные моменты. Например, лидеры ряда стран Восточной Европы (Польша, стран Балтии) строят свою внешнеполитическую идентичность на жесткой антирусской позиции, постоянно акцентируя «российскую угрозу» в НАТО и ЕС. США на официальном уровне с 2014 г. периодически называют Россию главной угрозой. В Стратегии Национальной Безопасности США 2018 г. применительно к России использован термин «ревизионистская держава»¹¹⁵. Британские политики после инцидента в Солсбери (2018) заявляли о «преступном режиме Кремля» и необходимости глобальной изоляции РФ, что вполне вписывается в каноны русофобской риторики¹¹⁶. Россия отнесена к категории стратегических вызовов в официальных документах НАТО, ЕС и их стран-членов¹¹⁷.

¹¹⁴ Никифоров, К.В. Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / К.В. Никифоров. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2016. – 401 с.

¹¹⁵ United States. Department of Defense. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington, D.C., 2018. 11 p. URL: <https://media.defense.gov/2020/may/18/2002302061/-1/-1/1/2018-national-defense-strategy-summary.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

¹¹⁶ Епифанова, Т. В. Великобритания – «Глобальная Британия»: эволюция политики в отношении России (2010-2021 гг.) / Т. В. Епифанов, С. В. Воробьев // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2022. – Т. 1. – № 384. – С. 48-57.

¹¹⁷ NATO. Wales Summit Declaration, 4 September 2014. Brussels: NATO HQ, 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 30.08.2025).

Сербия также нередко подвергается внешнеполитическому давлению: так, в условиях объявленной независимости Косова (2008) многие западные дипломаты негласно обвиняли Сербию в «шовинизме» за нежелание признать потерю провинции. В 1999 г. оправданием бомбардировок Югославии служили заявления о том, что «новый Гитлер в Белграде» и что политика сербов – это геноцид. Даже в 2020-е годы, на фоне конфликта вокруг Косова, отдельные европейские политики позволяли себе сравнения сербов с агрессорами, угрожая санкциями. Все это говорит об укорененности элементов русо- и сербофобии именно в языке дипломатии и официальных документов. Данные феномены функционируют как лейтмотив: апелляция к ним сплачивает союзников, как, например, антироссийская риторика стала новой объединяющей идеей для НАТО после окончания холодной войны. Кроме того, они служат инструментом легитимации: санкции против РФ объясняются «поведением, несовместимым с цивилизованными нормами», а нежелание принимать Сербию в ЕС – «несоответствием европейским ценностям», подразумевая, что Сербия – вечный нарушитель правил. Таким образом, на уровне дипломатии русофобия и сербофобия проявляются в форме поляризующей риторики, которая все чаще находит отражение и в решениях

HM Government. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. London, 2021. 100 p. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9171/CBP-9171.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels: European External Action Service, 2016. 60 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_2019.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

Federal Government of Germany. White Paper 2016 on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr. Berlin, 2016. 140 p. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2016-White-Paper.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

French Ministry for the Armed Forces. Defence and National Security Strategic Review. Paris: Ministry of the Armed Forces, 2017. 120 p. URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/Defence%20and%20National%20Security%20Strategic%20Review%20-%202017.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

– от расширения НАТО до блокады международных проектов с участием РФ или Сербии.

2. Средства массовой информации и поп-культура. Как частично уже было отмечено, СМИ сыграли огромную роль в актуализации рассматриваемых явлений. На протяжении последних десятилетий западные медиахолдинги сформировали цельный образ врага в лице сначала Сербии в конце XX века, а затем и России в начале XXI века. Этот образ тиражируется через новости, аналитические программы, кино, сериалы, книги. К примеру, в голливудских фильмах конца XX века стало клише изображать русских мафиози, коррумпированных генералов, коварных шпионов и хакеров – все это формирует подсознательное восприятие русских как угрозы мировому порядку. В новостях каналы CNN, BBC и др. с 2014 г. практически ежедневно упоминают Россию в контексте негативных сюжетов: от обвинений во вмешательстве в выборы до рассказов о военных преступлениях. При этом используется откровенно демонизирующая лексика: «режим Путина», «имперские амбиции Кремля», «русские тролли», «дезинформация как оружие Москвы» и пр. Такая унифицированная подача привела, по данным опросов, к рекордному падению имиджа России среди населения стран НАТО к 2022 году. Что касается Сербии, то после 2000 г. она реже упоминается, однако память о балканских войнах поддерживается через документальные фильмы, статьи-воспоминания. При этом важным материалом для изучения этих нарративов служат документы личных фондов Государственного архива Российской Федерации, включающие воспоминания, дневники и переписку российских и сербских политических и общественных деятелей. Эти источники позволяют проследить, как в личных свидетельствах формировались и закреплялись оценки событий, ставших предметом современных интерпретаций¹¹⁸. Их тональность, как правило, фиксирует вину сербов как главный вывод. Например, годовщины геноцида в Сребренице

¹¹⁸ ГАРФ Фонды личного происхождения (см. «Личные фонды ГАРФ. 1917–2000», т. 5).

сопровожаются статьями о сербской ответственности, практически не упоминая преступления других сторон. Кроме того, негативный образ сербов поддерживается косвенно – через медиадискурс о союзничестве Сербии с «авторитарной Россией». В ряде западных СМИ можно встретить нарратив о том, что Сербия дрейфует в сторону автократии «по путинскому пути», апеллируя к сближению Белграда с Москвой. Это позволяет снова стигматизировать Сербию как потенциально неблагонадежную страну.

Отдельно следует упомянуть и социальные сети/цифровое пространство, где русофобские и сербофобские нарративы также весьма заметны. В 2014 и 2022 гг. англоязычный сегмент интернета наводнялся хештегами и мемами антироссийского содержания (например, #RussiaIsATerroristState). В отношении сербов в 1991-1999 подобным явлением была, например, карикатурная пропаганда, сравнивающая сербских лидеров с Гитлером и распространяемая по каналам общественных организаций. Сегодня интернет усиливает эти процессы, делая их более глобальными и неконтролируемыми, вплоть до вспышек откровенной ненависти в комментариях и постах.

3. Международные организации и правовые механизмы. Наконец, проявления русофобии и сербофобии можно усмотреть и в деятельности некоторых международных структур. Хотя формально они призваны быть нейтральными, практика показывает обратное. Совет Безопасности ООН после 2014 г. стал ареной беспрецедентно жестких обвинений: западные представители регулярно обвиняют Россию в нарушении Устава ООН, сравнивают действия РФ с действиями фашистских режимов, что выходит за рамки обычной дипломатической лексики. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в 2014 г. впервые в истории приостановила право голоса делегации одной страны – России – мотивируя это «неприемлемым поведением». Российская сторона расценила это как проявление дискриминации и русофобии, поскольку с другими государствами-членами, нарушавшими принципы, подобных мер ПАСЕ не принимала. НАТО после

охлаждения отношений с РФ официально объявила Россию противником, и в документах альянса риторика приобрела откровенно негативный окрас (в Strategic Concept 2022 Россия названа «самой значительной и прямой угрозой безопасности союзников»)¹¹⁹. Это фактически возвратило лексику времен холодной войны – теперь на уровне официальной стратегии. ЕС также все чаще использует терминологию, ранее несвойственную дипломатии: лидеры Евросоюза говорят о необходимости «бороться с российской дезинформацией», фактически подразумевая под этим любую альтернативную точку зрения Москвы. В международных судебных органах проявления сербофобии были наиболее заметны в деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ): за годы его работы подавляющее большинство обвинительных приговоров пришлось на сербских обвиняемых, тогда как представители других этносов нередко оправдывались или получали минимальные сроки. Это породило среди сербской и российской общественности стойкое убеждение, что Гаагский трибунал пристрастен и ангажирован политически. Некоторые исследователи прямо называют политику МТБЮ «предвзятой по этническому признаку», указывая, что она стала продолжением антисербской линии, заложенной еще в 1990-е годы западной дипломатией¹²⁰.

Даже в сфере международных правозащитных институтов прослеживается влияние данных фобий. К примеру, доклады некоторых неправительственных организаций (Human Rights Watch, Amnesty International) по конфликтам нередко получали от официальных лиц РФ и РС критические оценки как однобокие: фиксировалась тенденция уделять повышенное внимание нарушениям со стороны России/сербов и относительно

¹¹⁹ NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm (дата обращения: 12.12.2024).

¹²⁰ Правосудие по-гаагски [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5985808?ysclid=mdaxw9tulo555933978> (дата обращения: 12.12.2024).

смягчать оценку аналогичных действий их оппонентов. Российский МИД в специальном докладе 2024 г. о нарушениях прав россиян за рубежом отметил, что международные правозащитные механизмы переживают кризис, превратившись в инструмент политического давления и информационной войны¹²¹. В этом контексте говорится прямо о том, что значительная часть структур ОБСЕ, Совета ООН по правам человека и др. подвержены влиянию русофобски настроенных стран и фактически обслуживают их повестку.

Выводы по параграфу 1:

Анализ понятий русофобии и сербофобии в контексте международных отношений позволяет утверждать, что данные явления представляют собой сложные, многослойные конструкторы, объединяющие в себе элементы этнической ксенофобии, политической идеологии и цивилизационно-культурного антагонизма. Эволюция этих фобий — от спонтанных предубеждений и бытовой неприязни к системным идеологемам — демонстрирует их глубокую историческую укоренённость и способность адаптироваться к меняющимся внешнеполитическим условиям. Как русофобия, так и сербофобия формировались на протяжении веков под влиянием политических интересов западных держав, конкуренции за геополитическое влияние, религиозно-культурного противопоставления и медийных стратегий демонизации «инакового».

Современные научные трактовки указывают на то, что эти фобии выходят далеко за пределы частных антипатий и становятся частью международных дискурсов, отражающих более широкий конфликт ценностей, моделей развития и представлений о мировом порядке. Особое значение приобретает тот факт, что русофобия и сербофобия функционируют как политические технологии: они активно используются для легитимации

¹²¹ О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1925827 (23.06.2025).

внешнеполитических решений, таких как санкции, дипломатическая изоляция, гуманитарные интервенции и даже силовые действия. В этом контексте данные феномены выступают не как следствие, а как инструмент — они служат оправданием определённого внешнеполитического курса, а нередко и прямого вмешательства во внутренние дела соответствующих стран.

Исторические корни русофобии и сербофобии, охватывающие периоды от Средневековья до конца XX века, показывают, что негативные стереотипы о России и Сербии были не случайными, а систематически воспроизводимыми элементами западной политической и культурной мысли. Эпоха Просвещения, колониальный дискурс, антироссийские и антиславянские нарративы XIX века, идеологическое соперничество XX века — всё это стало фундаментом для формирования устойчивого образа «русской» и «сербской угрозы»¹²². В условиях постсоветского мира эти установки не только не исчезли, но и были реанимированы в новых формах, с опорой на современные информационные технологии и глобальные медиа.

В рамках международных отношений русофобия и сербофобия сегодня представляют собой институционализированные и интернационализированные феномены, оказывающие непосредственное влияние на внешнеполитическую стратегию и имиджевые позиции России и Сербии. Их анализ требует междисциплинарного подхода, сочетающего политологическую, культурологическую и историческую перспективы. Осознание политико-идеологической природы этих фобий позволяет не только точнее диагностировать механизмы их действия, но и выстраивать

¹²² Первая мировая война [Электронный ресурс] // Мультиурок. — Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/piervvaia-mirovaia-voina-11.html> (дата обращения: 12.12.2024).

более эффективные стратегии противодействия им в условиях глобальной конкуренции и идеологической поляризации современного мира¹²³.

§2. Русофобия и сербофобия как инструменты идеологического давления и «мягкой силы»

В современной научной литературе русофобия трактуется не просто как стихийная ксенофобия, а как целенаправленный политический инструмент. Многие исследователи отмечают, что русофобский дискурс постепенно эволюционировал из абстрактных стереотипов в инструмент геополитического противоборства. Так, по словам политолога С. Маркова, русофобия сегодня выступает осознанной стратегией ряда влиятельных государств, а в своей радикальной форме перерастает в своего рода «социальный расизм». Марков выделяет особенно опасный вид – «инструментальную геополитическую русофобию», которая искусственно насаждается «сверху» для консолидации борьбы против России в рамках глобального противостояния. Цель такого подхода – дискредитация России и лишение русского народа статуса самостоятельного субъекта мировой истории. Подобные оценки указывают, что русофобия перестала быть лишь предубеждением – она стала частью информационно-идеологического арсенала в международной политике.

Трансформация русофобии из бытового предрассудка в геополитический инструмент прослеживается и в официальных дискурсах. К примеру, А.П. Цыганков отмечает, что антироссийская риторика Европейского союза выступает не чередой случайных акций, а элементом целостной геополитической стратегии¹²⁴. Антироссийский дискурс целенаправленно воздействует на информационно-идеологическое пространство и служит одним из инструментов экспансии ЕС и НАТО на

¹²³ Шемякин, А. Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) / А. Л. Шемякин // Славяноведение. – 2010. – №5. – С. 3-15.

¹²⁴ Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. – New York: Macmillan, 2009. – 257 p.

Восток. Иными словами, «геополитическая русофобия» – это использование негативного образа России для оправдания внешнеполитических действий (санкций, изоляции, военного сдерживания), продвижения своих блоков и усиления влияния на сопредельные регионы.

Анализируя эволюцию понятия, можно выделить несколько этапов. Исторически русофобия коренится ещё в концептах XVIII–XIX вв., когда складывался образ «варварской России» в противовес «цивилизованному Западу». Эти стереотипы – Россия как отсталая и угрожающая сила – закрепились в европейском сознании во многом в результате геополитических столкновений (соперничество империй, холодная война и т.д.)¹²⁵. Современность же ознаменована тем, что данный дискурс приобрёл утилитарную функцию: как отмечают, например, А. Умланд и К. Хоппе, русофобия стала важным инструментом западной внешней политики, позволяющим оправдать санкции и политическое давление на Россию¹²⁶. Она активно используется в рамках глобальной информационной войны, формируя образ России как опасного «инородного элемента». В результате негативные нарративы о России (о них подробнее ниже) становятся частью официальной риторики некоторых стран и блоков, усиливая их сплочённость перед лицом «общего врага»¹²⁷.

Таким образом, концепт «геополитической русофобии» отражает переход от историко-культурного дискурса к практике идеологического давления. Русофобия превратилась в политическую технологию: её целенаправленно задействуют для легитимации внешнеполитического курса,

¹²⁵ Семиряга, В. Как ангlosаксы стали ненавидеть Россию / В. Семиряга // Армейский сборник. – 2023. – №1. – С. 18-25.

¹²⁶ Яковенко, А. В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция / А. В. Яковенко. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – 256 с.

¹²⁷ 135. Newly uncovered Charles Dickens letters reveal his true inspiration for the cruel headmaster from Nicholas Nickleby [Электронный ресурс] // MailOnline. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5514427/Charles-Dickens-letters-reveal-inspiration-cruel-headmaster.html> (дата обращения: 09.04.2025).

обоснования расширения военных блоков и санкционных кампаний. Это подкрепляется и примерами в новейшей истории. Так, российские эксперты указывают, что события украинского кризиса 2014 года и последующая конфронтация были во многом обусловлены нагнетанием антироссийских настроений – русофобия фактически стала одной из движущих сил новой «холодной войны». Аналогично, в протестных движениях на постсоветском пространстве, как отмечает философ Б. Межуев, присутствие антироссийской риторики (призывы против России, апелляции к НАТО) превращает локальные конфликты в широкомасштабные геополитические кризисы¹²⁸. Украинский «майдан» 2013–2014 гг., по сути, получил международное звучание именно благодаря ярко выраженному антироссийскому (геополитическому) подтексту, тогда как, например, протесты в Белоруссии 2020 г. изначально подобного элемента не содержали.

Русофобия сегодня – это часть «мягкой силы» Запада. Её развитие от отвлечённого дискурса к инструменту давления прослеживается в смене акцентов – от старых клише о «русской отсталости» к целенаправленной демонизации России в мировом инфопространстве ради достижения конкретных политических целей.

«Мягкая сила» (soft power) в контексте русофобии и сербофобии проявляется через комплекс идеологических механизмов, призванных формировать негативный образ России и Сербии в мировом общественном мнении. К таким механизмам относятся прежде всего международные СМИ, культурно-просветительские проекты и сети неправительственных организаций (НПО). С их помощью транслируются определённые нарративы и ценностные оценки, оказывающие давление на целевые аудитории более тонкими методами, нежели прямая сила¹²⁹.

¹²⁸ Никонов В. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир». – <https://russkiymir.ru/publications/190925> (дата обращения: 09.04.2025).

¹²⁹ Котельников, В. А. М. П. Погодин и славянофилы / В. А. Котельников // Русско-Византийский вестник. – 2021. – №2 (5). – С. 43-58.

Международные СМИ играют ключевую роль в конструировании негативных образов. В глобальном информационном пространстве западные издания и телеканалы на протяжении последних десятилетий часто преподносят новости о России и Сербии в определённой рамке, задающей тон восприятия. Например, американский аналитик С. Коэн отмечал, что в США сложился целый пласт русофобских клише в медиа: выборы в России объявляются «фиктивными», гражданское общество описывается как полностью контролируемое Кремлём, сама Россия – как «бензоколонка, прикидывающаяся страной» (выражение сенатора Дж. Маккейна), а её поведение – как заведомо злонамеренное и «террористическое»¹³⁰. Подобные высказывания тиражируются влиятельными газетами и телеканалами, создавая атмосферу презрения и страха по отношению к России. В результате, как отмечает Коэн, демонизируется не только руководство, но и страна в целом, причём русофобские настроения широко распространились среди западной политической и медиа-элиты.

Аналогичные процессы наблюдались ранее и в отношении Сербии. В 1990-е годы, во время югославских войн, ведущие западные СМИ проводили целенаправленную кампанию по демонизации сербов. Как показывают исследования Ф. Хаммонда, сербов в западном дискурсе нередко сравнивали с нацистами, обвиняли в геноциде и самых тяжких преступлениях. Медиа упрощали сложный этнополитический конфликт до морализаторского противостояния «добра и зла», где сербы отводились роли абсолютного зла, а Запад – роли спасителя. В новостных репортажах тех лет постоянно звучали параллели с Холокостом, писали о «лагерях смерти» и «новом Освенциме», хотя впоследствии выяснялось, что эти утверждения были гиперболизированы PR-агентствами в целях воздействия на общественное мнение. Такая медийная стратегия имела конкретную цель – легитимировать гуманитарную

¹³⁰ Демоническая Россия: американский профессор привел пример русофобии в СМИ США [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20180407/1114185728.html> (дата обращения: 09.04.2025).

интервенцию НАТО, представить бомбардировки Югославии как морально оправданные. В итоге в массовом сознании закрепился образ сербов как «злонамеренных агрессоров», совершивших геноцид, что позволило Западу утвердить своё право на «тюремщика и наставника» для послевоенной Сербии. Более того, эти пропагандистские бои имели долгосрочный эффект – они обеспечили давление на Сербию даже после смены власти там, когда страна оказалась под своего рода идеологической опекой Запада.

Неправительственные организации (НПО) и различные фонды дополняют медийное воздействие, работая на уровне гражданского общества. В постсоциалистических странах Восточной Европы и на Балканах с 1991 г. действует множество западных НПО, культурных центров, фондов поддержки демократии, которые продвигают определённую повестку. Официально занимаясь развитием гражданского общества, эти структуры нередко транслируют антироссийские и антисербские тезисы под видом «европейских ценностей» или «борьбы с дезинформацией». Например, в Сербии влияние на общество оказывается посредством «мягкой силы» определённых СМИ и НПО, выступающих за интеграцию в НАТО, признание Косово и присоединение к санкциям против России¹³¹. Эти организации получают значительное финансирование и информационную поддержку извне. Хотя в самой Сербии их влияние сдерживается сильными пророссийскими настроениями общества, они формируют постоянный фон идеологического давления, ориентируя часть элит и молодежи на прозападный курс. Подобную же роль играли и продолжают играть НПО на Украине, в Грузии, странах Балтии – там через образовательные и медийные проекты продвигаются образы России как исторического угнетателя, а собственная национальная идентичность строится в противостоянии к «русскому миру».

¹³¹ Развитие сербско-российских отношений в контексте европейской интеграции [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/razvitie-serbsko-rossiyskikh-otnosheniy/?sphrase_id=769432&ysclid=mdaybyi67h347342791 (дата обращения: 09.04.2025).

Культурные проекты и мягкосиловые акции также используются для укоренения нужных нарративов. К таковым можно отнести, к примеру, выборочный бойкот российской культуры (отмена гастролей артистов, исключение русского языка из программ) под предлогом политических разногласий. В прибалтийских странах и на Украине после 2014 г. наблюдалось целенаправленное вытеснение русского языка и культуры из публичной сферы – закрытие русских школ или перевод их на местный язык, демонтаж памятников советской эпохи, запрет на трансляцию российских фильмов и телеканалов. Эти меры, хотя и обосновываются соображениями национальной безопасности, на деле являются элементами идеологической кампании, призванной подорвать позитивный образ России и оторвать население от любых пророссийских симпатий. В то же время на международной арене реализуются культурные инициативы, призванные укрепить негативные нарративы: например, выставки и фильмы о войнах в Чечне, Грузии, Украине часто подаются односторонне и служат иллюстрацией тезиса о «варварстве» российской стороны. В отношении Сербии схожую функцию выполняют проекты, акцентирующие военные преступления сербов в период 1991-1999 гг. – документальные фильмы, памятные даты, поддерживаемые некоторыми западными правительствами, формируют устойчивое восприятие сербского народа как виновника всех конфликтов на Балканах¹³².

Важно подчеркнуть, что все эти механизмы «мягкой силы» действуют не изолированно, а во взаимосвязи. Медиа создает общую информационную повестку, НПО работают с местными сообществами и элитами, культурные программы влияют на эмоционально-символическом уровне. В совокупности они призваны создать среду, в которой русофобские и сербофобские установки выглядят «естественными» и оправданными. Как отмечается в аналитических докладах, такая идеологическая обработка ведётся системно:

¹³² Стоянович, Д. Сербия. Полная история страны / Д. Стоянович. – М.: АСТ, 2023. – 320 с.

например, на Украине законодательно закреплялась особая роль украинского языка и памяти, параллельно с риторикой о России как «стране-агрессоре»; а в Черногории власти переписывали исторические даты, объявляя совместное прошлое с Сербией «оккупацией». Всё это – части единой стратегии психологической войны, где образ врага (русского или серба) конструируется методично и многоканально.

Таким образом, идеологические инструменты «мягкой силы» – СМИ, НПО, культурные проекты – стали эффективным каналом распространения русофобии и сербофобии. Благодаря им негативные нарративы получают широкое распространение без прямого государственного насилия, подготавливая общественное мнение к принятию жёстких мер (санкций, изоляции, военных действий) как будто бы морально оправданных. В следующем разделе рассмотрим конкретно, какие стратегии применялись международными организациями (НАТО, ЕС, ООН) для формирования этих нарративов в 1991-2022 гг.

НАТО, Европейский союз, а также структуры ООН в последние десятилетия активно задействуют информационно-идеологические подходы для создания определённых нарративов о России и Сербии. Эти нарративы служат обоснованием политического курса и инструментом давления на международной арене.

Североатлантический альянс со времени окончания холодной войны всё больше внимания уделяет стратегическим коммуникациям и формированию общественного мнения. Официальные доктринальные документы НАТО прямо обозначают Россию в образе противника. В Стратегической концепции НАТО 2022 г. Россия названа «самой значительной и прямой угрозой безопасности союзников и миру в евроатлантическом регионе»¹³³. Этот фундаментальный нарратив – Россия как главная угроза – тиражируется в

¹³³ НАТО. Стратегическая концепция (Strategic Concept) (Мадрид, июнь 2022 г.). Принята на саммите НАТО в Мадриде, июнь 2022 г. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm (дата обращения: 01.06.2025).

заявлениях генсеков НАТО, в коммуникационных материалах и учениях. Цель его – объединить союзников перед лицом общего опасного оппонента, мобилизовать ресурсы и оправдать дальнейшее расширение НАТО на Восток. Помимо официальных документов, НАТО применяет и более тонкие механизмы: создан Центр стратегических коммуникаций (StratCom) в Риге, функционируют рабочие группы по противодействию «российской дезинформации». Они фактически формируют нарратив о том, что любая альтернативная точка зрения, исходящая из Москвы, является информационной угрозой. Через такие программы, как NATO StratCom и смежные инициативы, продвигается образ России как агрессора не только военным, но и информационным – отравляющим глобальное медиапространство¹³⁴. В отношении Сербии НАТО, формально не имея прямой юрисдикции, также продвигает выгодные себе нарративы через партнерские структуры и миссии. Например, в Косово действует миссия KFOR под эгидой НАТО, чьи пресс-релизы неизменно подчёркивают миротворчество альянса и при этом намекают на «деструктивную роль сербского национализма» в регионе. Таким образом, стратегия НАТО сводится к тому, чтобы описать Россию и связанных с ней союзников, в том числе сербов, как очаг нестабильности, против которого оправдано применение любых мер коллективной безопасности¹³⁵.

В ЕС за последние годы также сформировалась целостная стратегия информационного противоборства. Брюссельские институты запустили специализированные структуры, например East StratCom Task Force в 2015 г., которая ведет портал EU vs Disinfo – ресурс, посвящённый выявлению «российской дезинформации». Подобные инструменты не только разоблачают сомнительные сообщения, но и систематизируют нужный нарратив: Россия

¹³⁴ NATO StratCom [Электронный ресурс] // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. – <https://stratcomcoe.org> (дата обращения: 01.06.2025).

¹³⁵ *Экмечич, М.* «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» / М. Экмечич. – Москва: Абрикобукс, 2023. – 263 с.

изображается источником фейков и пропаганды, а, следовательно, генератором угрозы для европейского единства и демократических ценностей. На политическом уровне лидеры ЕС в своих резолюциях и заявлениях тоже всё чаще используют жёсткую риторику. Исследователи отмечают, что антироссийский дискурс стал частью социально-политического пространства Европы, выполняя роль идеологического сопровождения политики санкций и расширения влияния ЕС. Причём, как подчёркивает А. Цыганков, для Евросоюза антироссийская риторика – это не случайный всплеск, а элемент долгосрочной стратегии по обеспечению внутренней сплочённости и внешней экспансии. Пока образ внешнего врага в лице РФ поддерживает единство ЕС, проще продвигать такие проекты, как «Восточное партнерство» или расширение на Балканы, позиционируя их как защиту Европы от российской угрозы¹³⁶. В практическом плане это выражается, например, в резолюциях Европарламента, где регулярно выражается «озабоченность влиянием России на Балканах» и критикуется Сербия за сотрудничество с Москвой. В 2022 г. на фоне конфликта на Украине, ЕС принял ряд заявлений, прямо обвиняющих Россию в «варварском нарушении международного права» и призывающих государства-кандидаты, в том числе Сербию, присоединиться к санкциям. Таким образом, стратегия ЕС – через дипломатические демарши, медийные кампании и ценностный дискурс утвердить образ России как авторитарной угрозы европейскому порядку, а Сербии – как «пятой колонны» Москвы, от которой ждут лояльности «европейским ценностям»¹³⁷. Тем не менее, Сербия

¹³⁶ Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. – New York: Macmillan, 2009. – 257 p.

¹³⁷ European Parliament resolution of 29 November 2018 on the 2018 Commission Report on Serbia (2018/2145(INI)) (P8_TA(2018)0478) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0478_EN.html (дата обращения: 01.07.2025).

European Parliament resolution of 6 July 2022 on the 2021 Commission Report on Serbia (2021/2246(INI)) (P9_TA(2022)0284) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0284_EN.html (дата обращения: 01.08.2025).

European Parliament resolution of 10 October 2019 on foreign electoral interference and disinformation in national and European democratic processes (2019/2810(RSP)) (P9_TA(2019)0031) [Электронный ресурс]. URL:

до сих пор не санкции против России и остается единственной европейской страной не присоединившейся к санкционной политике в отношении Москвы¹³⁸.

В рамках ООН прямое продвижение чьей-либо пропаганды затруднено мандатом организации, однако и здесь проявляются элементы формирования нарративов. Во-первых, через международное право и трибуналы: создавая судебные прецеденты, мировое сообщество формирует официальную историческую оценку конфликтов. Так, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) под эгидой ООН за годы работы утвердил в массовом сознании нарратив о превалирующей вине сербов за военные преступления на Балканах. Хотя трибунал судил представителей всех сторон, именно сербские лидеры получили наиболее тяжкие приговоры и широкую огласку, что способствовало укреплению в международном дискурсе тезиса об «агрессивности сербского национализма». Многие сербские авторы расценили деятельность трибунала как инструмент идеологической кампании: по их мнению, судебная история была написана таким образом, чтобы оправдать бомбардировки Югославии 1999 г. и последующую опеку Запада над регионом, закрепив образ сербов как главных виновников конфликтов. Во-вторых, на площадке ООН западные страны используют резолюции и заявления для маркировки России как нарушителя глобального порядка. В 2022 г. Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию, осуждающую действия России на Украине, причем звучали формулировки о «ничем не спровоцированной агрессии» и даже призывы

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0031_EN.html (дата обращения: 01.07.2025).

¹³⁸ Vučić Putinu: Trudićemo se da ostanemo jedina zemlja u Evropi koja vam nije uvela sankcije [Elektronski izvor]. 02.09.2025. URL: <https://www.vijesti.me/svijet/balkan/773148/vucic-putinu-trudicemo-se-da-ostanemo-jedina-zemlja-u-evropi-koja-vam-nije-uvela-sankcije> (дата обращения: 02.08.2025).

создать трибунал для наказания виновных¹³⁹. Такие решения хотя и символичны, но вносят вклад в легитимацию нарратива о России как государстве-агрессоре на уровне международного права. Наконец, специализированные органы ООН (например, Совет по правам человека, ЮНЕСКО) также становятся ареной идеологических споров. Отдельные страны инициируют обсуждения о «языковой дискриминации» или «нарушениях прав» в Крыму, Прибалтике, на Украине – тем самым закрепляя в повестке дня концепцию системного притеснения, якобы исходящего от русских. Россия и Сербия, со своей стороны, пытаются в ООН продвигать альтернативные резолюции (о недопустимости героизации нацизма, о защите семьи и традиций и т.д.), но эти инициативы зачастую отвергаются западным блоком – что тоже становится частью противоборства нарративов.

В целом, стратегии НАТО, ЕС и связанных с ними международных институтов можно свести к следующему. Они формируют и транслируют нарративы о России и Сербии как о «проблемных акторах» мировых отношений – агрессивных, недемократичных, ревизионистских. Эти нарративы закрепляются через официальные доктрины (Россия – главная угроза безопасности НАТО), дипломатические требования (призыв ЕС к Сербии следовать санкционной политике против РФ) и даже посредством международного права (решения трибуналов по бывшей Югославии, резолюции ГА ООН по Украине). Таким образом, идеологическое давление оказывается многоуровневым: от военного блока до глобальной организации – везде прослеживается единая линия на дискредитацию образов России и Сербии.

Несмотря на различия в геополитическом статусе России и Сербии, те идеологические кампании, которым они подвергаются, имеют ряд общих черт. Главные нарративы, используемые против этих стран, можно обобщить тремя

¹³⁹ ООН. Генеральная Ассамблея. Резолюция ES-11/1 «Агрессия против Украины» [Электронный ресурс]. Принята 2 марта 2022 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3923976> (дата обращения: 05.06.2025).

ключевыми образами: «угроза», «недемократичность» и «варварство». Сравнительный анализ показывает, что эти мотивы повторяются как в отношении России, так и в отношении Сербии, хотя и с поправкой на масштаб.

1. Нарратив «угрозы». Россию последовательно представляют как военную и политическую угрозу международной стабильности. В западном дискурсе укоренилось восприятие России как экспансионистской силы, стремящейся подорвать мировой порядок – отсюда клише о «российской агрессии», «гибридной войне», «вмешательстве в выборы» и т.п. Официальные стратегии прямо называют РФ главной угрозой миру в Европе. Сербия, будучи меньшим государством, изображается как региональная угроза Балканской стабильности. Ей вменяют агрессивные намерения по отношению к соседям – идею «Великой Сербии», реваншизм за поражения 90-х. Так, косовские и некоторые западные политики обвиняют Белград в стремлении дестабилизировать Балканы, «провоцировать кризисы с соседями», вынашивать экспансионистские планы. Этот нарратив позволяет обосновывать необходимость внешнего вмешательства – от присутствия НАТО в Косово до ускорения интеграции соседних стран в ЕС «в противовес Сербии». Образ угрозы и там, и там служит для консолидации против них коалиций: против России – глобальной (НАТО, союзники по АУКУС и др.), против Сербии – региональной (как упомянутый «антисербский пакт» Хорватии, Косово, Черногории, С. Македонии). Важно отметить, что часто Сербия фигурирует как прокси-угроза, производная от России: считается, что через Белград Москва проецирует влияние на Балканы. Поэтому удары информационной кампании по сербам рассматриваются западными стратегами как часть общей русофобской политики¹⁴⁰.

2. Нарратив «недемократичности» (авторитаризма). Второй общий мотив – представление России и Сербии как отклоняющихся от демократических норм государств. В случае России это выражается в

¹⁴⁰ Громыко, А. А. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе / А. А. Громыко. – Москва: ИЕ РАН, 2023. – 196 с.

постоянном подчёркивании авторитарного характера её политической системы, несоблюдения прав человека, репрессий против оппозиции. Любые выборы или внутренние процессы в РФ, даже если они соответствуют законам, в западных медиа часто клеймятся как «фикция», «фарс», что должно продемонстрировать мировому сообществу нелегитимность российской власти. Сербия, особенно при руководстве Слободана Милошевича (1989–2000), также была объектом подобной критики – её называли «режимом, подавляющим свободы», сравнивали с диктатурами. И хотя современная Сербия демократическая страна с плюралистической системой, репутация «полуавторитарного режима» до сих пор используется оппонентами Белграда для его дискредитации. Например, сербское руководство упрекают в подавлении СМИ, коррупции, чрезмерной пророссийской ориентации – намекая, что оно «не соответствует европейским демократическим стандартам». Этот нарратив важен тем, что позволяет отстранить Россию и Сербию от морально-политического поля «цивилизованного мира». Их выставляют аутсайдерами, к которым не применимы общие правила; следовательно, против них допустимы особые меры (санкции, изоляция), которые иначе трудно обосновать. Кроме того, подобное клеймо осложняет им установление союзнических связей: например, Сербии постоянно дают понять, что для вступления в ЕС она должна дистанцироваться от «недемократичной» России, иначе её образ остается запятнанным¹⁴¹.

3. Нарратив «варварства» и цивилизационной чуждости. Самый глубокий пласт – представление русских и сербов как цивилизационно «не своих», носителей варварских или архаичных черт¹⁴². Этот дискурс имеет давние корни. В отношении России он проявляется в противопоставлении

¹⁴¹Слышкин, Г. Г. Русофобия и способы ее нейтрализации в средствах массовой информации (материалы круглого стола) / Г. Г. Слышкин // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – № 2. – С. 104-109.

¹⁴² Берлинский конгресс и Берлинский трактат 1878 года [Электронный ресурс] // История России. – Режим доступа: <https://all-russia-history.ru/congress-of-berlin> (дата обращения: 01.06.2025).

«цивилизованного Запада» и «варварского Востока». В истории он прослеживается от философов Просвещения до современных публицистов, описывающих Россию как чуждый Европе азиатско-деспотический мир¹⁴³. Даже сегодня западная риторика часто рисует РФ одновременно и отсталой, и угрожающе-звериной: «медведь, выходящий из леса», «орда», «гангстерское государство» – подобные метафоры тиражируются в СМИ. Как отмечает Г. Дизен, русофобский дискурс традиционно сочетает презрение к русским как «нецивилизованным» с паническим страхом перед ними как «орда у ворот», что создаёт парадокс двойственности. С одной стороны, Россия высмеивается как экономически отсталая – «одно лишь сырьё, размер экономики с Италией», с другой – раздувается образ всемогущего зла, которая способна захватить Европу. Этот миф о «варваре» оправдывает менторский тон Запада: Россия должна либо признать себя ученицей и «цивилизоваться» под надзором Запада, либо останется варваром-врагом, подлежащим усмирению.

В отношении сербов схожий цивилизационный нарратив проявился особо ярко в период с 1991 года: тогда некоторые западные и прозападные деятели на Балканах изображали сербский народ как «этнически склонный к насилию», носитель средневековой ненависти – в контрасте с «просвещёнными» хорватами или словенцами. Использовалась даже терминология «ближние варвары»: например, славянские мусульмане и католики Балкан представлялись более цивилизованными, европейскими, а православные сербы – «брутальными ориентальными элементами». В Хорватии идеологи вроде ещё в XIX в. именовали сербов «чужеродным телом», пропагандируя их исключение из будущей нации. В новейшее время это нашло продолжение в риторике о том, что сербы якобы не принадлежат к европейской культуре, а являются наследниками «византийско-азиатской» деспотии. Такой нарратив был удобен для оправдания жестокого обращения: во время распада Югославии сербов нередко изображали универсальными

¹⁴³ Монтексье, Ш. О духе законов / Ш. Монтексье. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.

злодеями, апеллируя к примитивистским клише о «вечных балканских жестокостях». Фактически это создавало образ сербов как «варваров Европы», против которых допустимы и бомбардировки (как «гуманитарная миссия»), и политическое покровительство извне¹⁴⁴.

Использование указанных нарративов оказывает серьёзное воздействие и на Россию, и на Сербию, хотя масштабы различаются. Для России такой идеологический фон означает длительную эрозию доверия: любые её действия на мировой арене изначально встречаются с подозрением. Даже объективно оправданные шаги (например, обеспечение безопасности границ) интерпретируются через призму «агрессии» или «реваншизма». Россия сталкивается с системным ограничением «софт-пауэра» – её культурные и информационные проекты на Западе блокируются, так как им предшествует репутация «пропаганды варваров». Кроме того, внутри самой России эти внешние нарративы приводят к росту осаждённого восприятия: российское общество, ощущая несправедливое отношение, спланивается вокруг собственной повестки, и диалог с Западом становится всё труднее. Сербия, будучи намного слабее, ощутила на себе непосредственное давление: негативный имидж существенно замедлил евроинтеграцию Сербии (скепсис в ЕС по поводу «недостаточно демократичной» и пророссийской страны), а также оправдал внешнее вмешательство – от санкций 90-х годов до натовских бомбардировок 1999 г. и последующего протектората над Косово. Сербам пришлось существовать в условиях постоянного идеологического давления: любые попытки отстоять национальные интересы, будь то непризнание Косово или защита прав сербов в БиГ, мгновенно клеймятся в международных СМИ как проявление «агрессивного национализма». Таким образом, оба народа оказались объектами стигматизации: россиян в XXI веке нередко сравнивают с «евреями XX в.» – то есть народом, против которого допустима

¹⁴⁴ ООН обеспокоена расовой дискриминацией в отношении сербов в Хорватии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20230831/oon-1893417831.html> (дата обращения: 01.06.2025).

даже дискриминация, а сербов ранее называли «новыми нацистами Балкан». В обоих случаях сложился феномен, когда негативный стереотип служит самовоспроизводящимся оправданием любых мер давления: поскольку «они варвары и агрессоры» – их можно изолировать и наказывать, а каждая их протестная реакция лишь «подтверждает» стереотип¹⁴⁵.

Резюмируя сравнительный анализ: русофобские и сербофобские кампании опираются на единый набор обвинительных образов – угроза, диктатура, варварство. Эти образы, транслируясь через мягкую силу, создали устойчивые мифы о России и Сербии в мировом сознании. В результате любые действия Москвы и Белграда приходится преодолевать фильтр предубеждений. Для внешних игроков же такие мифы удобны: они сплачивают союзников и оправдывают силовое с ними обращение. Как метко заметил М.Додик, западная политика мало изменилась со времён падения Османской империи – «где бы ни были русские или сербы, против них будет общая политическая линия – антисербская или русофобская».

Для конкретизации вышеизложенного рассмотрим ряд примеров дискриминационных практик и идеологических кампаний, имевших место в разных странах против русских и сербов в период с 1991 по 2022 годы:

Хорватия: после распада Югославии в независимой Хорватии отмечались случаи целенаправленной дискриминации сербского меньшинства. На государственном уровне была принята политика культурной унификации, в рамках которой сербы фактически стали гражданами второго сорта. Кульминацией стала операция «Буря» (1995), в ходе которой из Краины были изгнаны сотни тысяч сербов – это сопровождалось националистической пропагандой, изображавшей всех краинских сербов как «пятую колонну» и оправдывавшей их изгнание как восстановление исторической справедливости. После войны хорватские власти недостаточно обеспечивали

¹⁴⁵ Пашковский, П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П. И. Пашковский // Регионоведение. – 2025. – № 1. – С. 33-47.

возвращение беженцев, а в обществе укоренились сербофобские настроения. Так, радикальные группы развернули кампанию «Србе на врбе» («сербов – на вербы»), восходящую ещё к усташеским лозунгам, и, хотя официально экстремизм осуждался, латентная враждебность по отношению к сербам сохранялась. До сих пор в Хорватии существуют проблемы с соблюдением прав оставшихся сербов: периодически происходят акты вандализма на сербских кладбищах, ограничения в употреблении кириллицы (как официального алфавита сербского меньшинства) и т. п. Эти практики питаются идеологемой, что сербы – чуждый элемент, «исторические враги» хорватской государственности.

Косово: после одностороннего провозглашения независимости Косова в 2008 г. положение косовских сербов резко ухудшилось. Имеют место систематические случаи дискриминации: сербское население анклавов сталкивается с ограничением свободы передвижения, трудностей в получении образования и медобслуживания на родном сербском языке. Международные правозащитные организации указывают, что сербам в Косове угрожают нападения экстремистов, их культурное и религиозное наследие подвергается нападкам. При этом косовские албанские власти продвигают на международной арене нарратив, будто сербы сами виноваты и являются источником дестабилизации. Такие заявления как «Белград хочет дестабилизировать регион через сербов Косова» служат оправданием нежелания Приштины предоставлять сербским общинам широкую автономию. Более того, бывший вице-премьер т.н. Косово Э. Ходжай открыто призывал Запад поддержать «антисербский фронт» балканских стран для противодействия Сербии. Это свидетельствует о целенаправленной идеологической кампании: сербов в Косово не рассматривают как равноправных граждан, а как «агентов враждебной Сербии», против которых можно действовать любыми средствами. Результатом стали тысячи сербских

семей, покинувших край, и фактическое геттоизация оставшегося населения¹⁴⁶.

Начиная с распада СФРЮ, в германском публичном и политическом дискурсе складывались устойчивые рамки интерпретации, в которых сербы последовательно маркировались как «сторона-агрессор» и носители архаического насилия. Ранним проявлением стала поддержанная Берлином линия на скорое дипломатическое признание Словении и Хорватии в декабре 1991 г., которое в научной литературе рассматривается как односторонний шаг ФРГ, задавший тон общеевропейскому давлению и сузивший пространство для переговоров с Белградом¹⁴⁷. В 1992–1995 гг. и особенно в кампанию НАТО против СРЮ в 1999 г. немецкая внутренняя дискуссия — в том числе в среде «Зелёных» — закрепила гуманитарно-нормативное обоснование силового вмешательства, при этом медийные нарративы опирались на «балканизм» и «нацификацию» сербской стороны, что исследователи фиксируют как долговременную демонизацию. С 2008 г. элементы этой оптики воспроизводились в вопросах статуса Косова и европейской интеграции Сербии: Берлин выступал за признание косовской государственности и увязывал прогресс Белграда с «нормализацией» отношений¹⁴⁸. После 2014 г., а тем более после 2022 г., на оценочные схемы заметно повлияла эволюция германской политики в отношении России. Санкции, разрыв с прежними установками «восточной политики», дискурс «*Zeitenwende*» (Наступление новой эры); в результате Сербия нередко представляется как «проводник» российской влияния на Балканах, что усиливает сопряжение сербофобских и русофобских стереотипов¹⁴⁹. При этом

¹⁴⁶ Булыко, И. П. Перевод статьи Г. А. Острогорского «Стефан Душан и сербская знать в борьбе с византией» / И. П. Булыко // Труды и переводы. – 2022. – №1 (5). – С. 115–122.

¹⁴⁷ Crawford B. Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia // *World Politics*. – 1996. – Vol. 48, № 4. – P. 482–521.

¹⁴⁸ Miskimmon A. Falling into line? Kosovo and the course of German foreign policy // *International Affairs*. – 2009. – Vol. 85, № 3. – P. 561–573.

¹⁴⁹ Hammond P. The Serbs in Western Political and Media Discourse: Othering, Demonisation and Tutelage // In: Hearn-Branaman J. O., Bergman T. (eds.). *Journalism and Foreign Policy: How the US and UK Media Cover Official Enemies*. – Abingdon: Routledge, 2023.

истоки подобной перцептивной предвзятости укоренены глубже: ещё в годы Первой мировой войны австро-германское общественное мнение воспроизводило устойчивые антисербские клише, вплоть до лозунга «Serbien muss sterbien» (Сербия должна умереть), задавшие долгую культурную память конфликта. Таким образом, речь идёт не об универсальной «политике ненависти» Германии, а о повторяющихся волнах нормативно-морализирующих рамок, в которых сербский фактор интерпретировался через призму безопасности и гуманитарной ответственности, а после 2014/2022 гг. — ещё и через логику противостояния с Россией¹⁵⁰.

В контексте исследования идеологических кампаний в отношении русских и сербов стоит выделить особую динамику русофобии и сербофобии в Болгарии. Исторически Болгария выступала как союзник России, но в отдельных периодах западные дискурсы проникали в болгарскую публичную сферу, способствуя трансформациям восприятия. Так, исследование С.А.Агуреева фиксирует восприятие болгарской русофобии среди русских дипломатов и военных агентов в 1912–1915 гг., свидетельствуя о влиянии внешнеполитических факторов на формирование враждебного восприятия русской роли в регионе¹⁵¹. В современности, несмотря на русофильские традиции, болгарские СМИ часто транслируют западные нарративы, способствующие распространению антироссийских стереотипов под соусом «опасности Кремля». Что касается сербофобии, её истоки глубоки и многомерны: в идеологическом дискурсе региона она выступала как продолжение антисербских позиций соседских национализмов, видимых,

¹⁵⁰ *Siddi M. German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New 'Ostpolitik'?* // *Europe-Asia Studies*. – 2016. – Vol. 68, № 4. – P. 665–677.

¹⁵¹ *Агуреев С. А., Болтаевский А. А. «Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2021. – № 2. – С. 66–82.*

например, в идеологизации сербофобии в Болгарии в составе усташского влияния и других реакционных режимов в регионе. Таким образом, несмотря на исторические связи, влияние союзнического мифа и православного единства, Болгария нередко выступает ареной перекрёстного воздействия русофобских и сербофобских нарративов — воздействий, которые подкрепляются как внешней мягкой силой, так и внутренними политическими стратегиями.

Украина: после государственного переворота в 2014 г. на Украине началась активная декоммунизация и дерусификация. Были отменены законы, дававшие русский язык в некоторых регионах статус регионального, введён новый закон о государственном языке, фактически запретивший публичное использование русского в образовании, СМИ и сфере услуг. Эти законодательные шаги сопровождались массовой информационной кампанией, выставившей русский язык «языком оккупантов», а русскоязычных граждан — носителями чуждой идентичности. Российская культура и история подверглись стигматизации: были отменены общие праздники (День Победы фактически заменён на европейские мемориальные даты), снесены памятники, переименованы города и улицы, связанные с Россией. Официально Российская Федерация обозначается в украинских документах как «государство-агрессор», что закрепляет образ врага на институциональном уровне. Эти меры привели к ущемлению прав миллионов русскоязычных украинцев, которые вдруг оказались «не коренным народом» - 2021 г. вышел закон, признающий коренными только крымских татар и некоторые малые этносы, но не русских. Москва расценивает такие шаги как русофобию на государственном уровне и подала жалобу в Европейский суд по правам человека за дискриминацию русскоязычных. Со стороны же украинских властей эти действия преподносятся как укрепление национальной безопасности — то есть вновь-таки через призму нарратива об «угрозе от всего русского». В обществе за последние годы русофобские настроения достигли такой точки, что нередки случаи бытовой ненависти,

изгнания всего российского из публичного пространства (вплоть до запретов на книги и музыку). Война 2022 г. ещё сильнее радикализировала ситуацию, и теперь данная идеологическая кампания получила поддержку значительной части населения под лозунгом борьбы с агрессором¹⁵².

Страны Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва): здесь русофобские тенденции имеют давнюю основу через воспоминания о советском периоде, но после восстановления независимости они подкрепились государственной политикой. В Латвии и Эстонии до сих пор сохраняется институт «неграждан» – десятки тысяч русскоязычных жителей, чьи семьи живут там поколениями, не получили автоматически гражданства и должны были проходить унижительные экзамены на знание языка. Это явление – прямая дискриминация по этническо-языковому признаку, во многом основанная на убеждении, что русские – потенциально нелояльное население. В школах Балтийских стран проводилась постепенная латышизация/эстонизация образования, вытеснение русского языка из обучения. В последние годы власти Латвии вовсе приняли решение полностью перевести школы на латышский язык, ликвидируя русские классы. Одновременно на уровне риторики русская община зачастую необоснованно ассоциируется с «рукой Москвы». Например, дискуссии вокруг использования русского языка описываются как вопрос национальной безопасности, а любые протесты русскоязычных против ущемления их прав – как инспирированные Кремлём. Литва, не имея большой русской диаспоры, проявляет русофобию больше на международном уровне – будучи одним из самых голосистых критиков Москвы в ЕС, она продвигает жёсткие санкции и запреты. Так, Литва одной из первых закрыла транзит в Калининград, мотивируя это противодействием «агрессивной политике РФ». Кроме того, в Прибалтике сносятся памятники советским воинам-освободителям – причём этот процесс сопровождается

¹⁵² Пашковский, П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П.И. Пашковский // Регионоведение. – 2025. – № 1. – С. 33-47.

нарративом о «деокупации общественного пространства», что прямо ставит знак равенства между Россией/русскими и оккупантами/варварами. Итогом подобных кампаний стало формирование в прибалтийских обществах устойчивого предубеждения против всего русского – вплоть до бытовых инцидентов и охладевших межэтнических отношений.

Приведённые примеры подтверждают: идеологическое давление в форме русофобии и сербофобии выходит за рамки риторики и воплощается в конкретных практиках – дискриминационных законах, акциях устрашения, переписывании истории, ущемлении культурных прав. Эти практики, с одной стороны, наносят прямой ущерб затрагиваемым общинам (лишая их прав, безопасности, уважения), а с другой – служат сигналом остальному миру о нерукопожатности России и Сербии. Ведь если внутри тех или иных стран отношение к русским/сербам как к «низшим» или «опасным» стало нормой, то тем легче международным структурам обосновывать изоляцию целых государств.

Важно отметить, что такие кампании ненависти и страха часто подогреваются геополитически мотивированными силами. В случае сербофобии на Балканах прослеживается, как Запад поддерживал определённые нарративы, чтобы ослабить исторического союзника России – сербский народ. Русофобские же практики в Восточной Европе во многом стимулировались желанием вписаться в новую систему альянсов, показать лояльность НАТО и ЕС через отмежевание от России.

Ксенофобские кампании против целых народов опасны для международной стабильности. Они угрожают скатиться к открытому расизму и нацизму XXI века, когда дискриминация по национальному признаку пытается обрести моральное оправдание. Русофобия стала новой формой нацизма, угрожающей уже не только России, но и принципам мирового устройства. Когда ненависть возводится в ранг политики, это противоречит базовым ценностям толерантности и прав человека, декларируемым тем же Западом.

Вывод по параграфу 2:

Рассмотрение русофобии и сербофобии в качестве инструментов идеологического давления и «мягкой силы» позволяет выявить, что в современных международных отношениях данные феномены функционируют как сознательно сконструированные средства воздействия, используемые преимущественно западными политическими и медийными структурами для формирования негативного образа России и Сербии. Эти образы — не случайный продукт общественного мнения, а результат целенаправленной работы транснациональных институтов, СМИ, неправительственных организаций и культурных программ. Русофобия и сербофобия обретают черты стратегических нарративов, подкрепляющих внешнеполитические действия: от санкционной политики и дипломатической изоляции до информационных кампаний и оправдания силовых интервенций.

Особенность этих идеологических конструкций заключается в том, что они действуют не напрямую, а через технологии «мягкой силы», завуалированной под гуманистические и демократические дискурсы. Через медиа, НКО и культурные инициативы формируются устойчивые мифы: Россия и Сербия представляются угрозой, несовместимой с «европейскими ценностями», носителями архаичных, авторитарных и агрессивных моделей поведения. Эти представления оказывают значительное влияние как на восприятие данных стран в международной среде, так и на внутреннюю легитимность их внешнеполитических курсов.

Анализ показывает, что русофобия и сербофобия эксплуатируют общие нарративные шаблоны — образы угрозы, диктатуры и варварства. Они не только стигматизируют соответствующие государства, но и создают у общественности и политиков моральное обоснование для применения к ним двойных стандартов. Таким образом, русофобия и сербофобия становятся элементами глобального идеологического противоборства, где слово, образ и символ играют роль не меньшую, чем вооружённые средства. Их институционализация через НАТО, ЕС, международные правозащитные и

судебные органы свидетельствует о глубоком проникновении этих фобий в систему международной легитимации. Это делает их не просто проявлением враждебности, а устойчивым фактором, влияющим на внешнеполитическую реальность России и Сербии.

§3. Историография и подходы к исследованию внешнеполитического противостояния ксенофобским дискурсам

В российской исторической науке и политологии феномены русофобии и сербофобии рассматриваются преимущественно как элементы идеологического и геополитического противостояния между Россией и Западом. Ещё в XIX веке русские мыслители отмечали наличие враждебных стереотипов о России на Западе. Например, Ф. И. Тютчев в 1867 г. употребил термин «русофобия» для описания такой ненависти¹⁵³. В советский период понятие «русофобия» практически не использовалось в официальном дискурсе, говорилось об «антисоветизме», хотя сам феномен враждебности к России трактовался через призму классовой идеологии и «образа врага» эпохи Холодной войны. Лишь в конце 1980-х – 1990-е годы тема русофобии вышла из тени: как отмечает О. Б. Неменский, раньше она была де-факто табуирована, но в постсоветское время термин прочно вошёл и в научный обиход, и в политическую риторику¹⁵⁴. Публицисты, например, И. Р. Шафаревич в эссе «Русофобия» 1989 года¹⁵⁵ и учёные начали осмысливать исторические корни негативного отношения к русским, сравнивая его с другими формами ксенофобии. В частности, с антирусскими

¹⁵³ Тарасов Б.Н. Проблема русофобии в историософии Ф.И. Тютчева // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 145-171.

¹⁵⁴ Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1(13). С. 26-65.

¹⁵⁵ Шафаревич И.Р. Русофобия [Текст] / И. Р. Шафаревич. Москва: Эскимо. 2005. 94 с.

настроениями в Европе XIX–XX вв., отразившимися в образе «жандарма Европы» и риторике «холодной войны»¹⁵⁶.

В 1990-е гг. российские аналитики также столкнулись с явлением сербофобии – волной негативного образа сербов во время югославских конфликтов. Уже к концу десятилетия в отечественных работах появились критические оценки того, как западные СМИ и международные институты демонизировали сербскую сторону во время Балканских войн 1990-х¹⁵⁷. Это заложило основу для сравнения русофобских и сербофобских дискурсов в дальнейшем.

Начальный постсоветский период ознаменовался всплеском интереса к теме образа России за рубежом. На фоне кризиса в бывшей Югославии и расширения НАТО российские историки и международники анализировали, как негативные стереотипы о русских и сербах влияли на политику. Так, Е. Ю. Гуськова описывала информационную кампанию против сербов на Западе, отмечая использование исторических аналогий, в том числе сравнение сербов с нацистами, для оправдания вмешательства НАТО¹⁵⁸. В её работах акцентируется внимание на системности подобных дискурсов и на их функциональной роли в легитимации политики двойных стандартов в отношении Сербии. В свою очередь, Е. Г. Пономарёва в исследованиях,

¹⁵⁶ Чубарьян А.О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2010. № 6(14). С. 53-75.

¹⁵⁷ Сквозников А.Н. «Историческое право» и борьба балканских государств за территорию в последней четверти XIX начале XX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. №1 (15). С. 3-20.

¹⁵⁸ Гуськова Е.Ю. Сербь в необъявленной войне в конце XX века. «Сохраняйте улыбку - это стиль Белграда» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. Т. 10. С. 136-145.

Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. — М.: Индрик, 2013. — 432 с.

Гуськова Е. Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 33–47.

Гуськова Е. Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Религия и политика. — 2015. — № 1. — С. 77–90.

Гуськова Е. Ю. Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 2(29). — С. 52–60.

Гуськова Е. Ю. Ревизия истории: сербы виноваты во всех войнах // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 101–118.

посвящённых политике Балкан в постбиполярный период, рассматривала феномен сербофобии в более широком контексте трансформации международных отношений. Она отмечала, что антиславянские нарративы в западной политике 1990-х гг. были направлены не только против Белграда, но и против Москвы, что свидетельствует о тесной взаимосвязи русофобии и сербофобии в стратегическом восприятии Запада¹⁵⁹. В то же время формируется и научный понятийный аппарат: даются определения русофобии как разновидности ксенофобии. Например, публицист и политик А.Н. Савельев определил русофобию как «неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку, истории и культуре»¹⁶⁰. Схожее определение предложил социолог С.Г. Кара-Мурза, трактуя западную русофобию как широкий спектр негативных установок — «от страха до ненависти»¹⁶¹. Эти авторы подчёркивали, что феномен имеет глубокие исторические корни, уходящие в европейскую политику XIX–XX вв. от «теории русской угрозы» в Британской империи до риторики времён Рейгана об «империи зла». Общий вывод работ конца XX века.: русофобские мотивы в западном дискурсе реально существуют, но часть российских авторов допускала, что негативное

¹⁵⁹ Пономарёва, Е. Г., Младенович, М. Сербия: многовекторность как выход из тупика стратегической уязвимости // Сравнительная политика. — 2020. Т. 11. № 2. С. 32–45.

Пономарёва, Е. Г. Сербия в современном мире: экономика vs политика // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1. С. 15–28.

Пономарёва, Е. Г., Арляпова, Е. С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересов // Сравнительная политика. 2023. Т. 14. № 3. С. 110–125.

Арляпова, Е. С., Пономарёва, Е. Г., Пророкович, Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия Балканы // Вестник международных исследований. 2022. № 2. С. 77–93.

Пономарёва, Е. Г., Арляпова, Е. С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, ресурсы, масштабы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2(65). С. 143–159.

Пономарёв, Е. Г. НАТО–Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник МГИМО-Университета. — 2004. — № 1. — С. 23–38.

¹⁶⁰ Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. Москва: Белые альвы. 2007. 603 с. (Библиотека расовой мысли).

¹⁶¹ Кара-Мурза С.Г. Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. №1 (39). С. 6-14.

отношение могло объясняться и объективными факторами – кризисом в России, её слабостью и внутренними проблемами тех лет.

В начале XXI века, на фоне укрепления России и роста её внешнеполитической активности, русофобская риторика на Западе, приобрела системный характер. Отечественные исследования этого периода сосредоточены на нескольких направлениях. Во-первых, доктринально-геополитический анализ: в работах политологов С. А. Караганова¹⁶², А.И. Уткина¹⁶³ и др. отношения России и Запада рассматривались сквозь призму концепции «новой холодной войны», отмечая возрождение риторики сдерживания России. Во-вторых, историко-культурный анализ: ряд О.Б. Неменский, 2013 выделил русофобию как цельную идеологию, сравнимую по структуре с антисемитизмом¹⁶⁴. О.Б. Неменский в статье «Русофобия как идеология» проследил эволюцию этого явления на Западе от религиозных корней до современных светских стереотипов, подчёркивая, что русофобия превратилась в комплекс идей и мифов, воспроизводимый в политике и СМИ. В-третьих, развивается тематическое разнообразие исследований. Российские учёные изучали проявления антирусских настроений в различных сферах: медиа, например, анализ карикатур и публикаций о России, международное право – критика двойных стандартов Гаагского трибунала и оценка дискриминации русскоязычного населения за рубежом, культурная дипломатия – стремление противодействовать русофобии через популяризацию русской культуры и поддержку соотечественников.

При сопоставлении русофобии и сербофобии российскими авторами отмечалось, что негативный образ Сербии на Западе во многом формировался по аналогии с образом России: исторически оба народа воспринимались как

¹⁶² Караганов С.А. От не-запада к мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. №5 (117). С. 6-18.

¹⁶³ Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций [Текст] / А.И. Уткин. М.: Гардарики. 2000. 574 с.

¹⁶⁴ Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. №1 (13). С. 26-65.

«восточные», чуждые Западу, особенно в периоды конфликтов (Балканы конца XX века и постсоветское пространство). Так, Е.В. Крыжко и П.И. Пашковский отмечали параллели в восприятии: образ «сербского врага» создавался одновременно с образом «русского врага», и всплески сербофобии шли рука об руку с антироссийскими кампаниями. Например, охлаждение отношений Югославии с СССР при Тито и одновременная западная пропаганда против обоих¹⁶⁵. Таким образом, к 2014 г. отечественная историография пришла к пониманию, что русофобия и сербофобия – схожие идеологические конструкции, служащие инструментом давления на внешнюю политику.

С 2014 года, после воссоединения Крыма с Россией и начала конфликта на Донбассе, тема противостояния русофобии вышла на передний план как в политике, так и в науке. Российские исследователи констатировали беспрецедентный всплеск антирусской риторики на Западе и стремились осмыслить его причины и последствия. Характерной чертой работ этого периода стал анализ русофобии в контексте гибридной войны. В частности, группа авторов во главе с П. И. Пашковским¹⁶⁶ в 2025 г. охарактеризовала современную западную русофобию как одно из «орудий гибридной войны», направленное против России. В их исследовании русофобия представлена компонентом геополитического противоборства, проявляющимся на глобальном уровне – в отношениях России и НАТО/США и на региональном – в постсоветских странах и Восточной Европе. Анализ официальных документов и речей позволил им показать, что негативная риторика о России закреплена даже в стратегических установках ряда западных государств, превращаясь в часть их внешнеполитической доктрины. Существенный вклад

¹⁶⁵ Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Крыжко Л.А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения // Регионоведение . 2025. №1. С. 33-47.

¹⁶⁶ Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Крыжко Л.А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения // Регионоведение . 2025. №1. С. 33-47.

внёс и Крымский федеральный университет, где после 2014 г. активно изучаются проявления русофобии в новых условиях. П.И.Пашковский отдельно подчёркивает, что современные проявления русофобии носят комплексный характер, затрагивая философско-ценностный, международно-правовой, экономический, военный, культурно-психологический и религиозный аспекты. То есть в российской науке укрепилось понимание многоплановости данной проблемы. Практически все авторы сходятся во мнении, что рост русофобии на международной арене несёт прямые угрозы национальной безопасности России. Поэтому большое внимание уделяется поиску средств противодействия. Например, предлагаются меры гуманитарного реагирования – от информационных кампаний до правовой защиты соотечественников за рубежом. Что касается сербофобии в 2014–2022 гг., то российские историки рассматривали её в основном через призму событий вокруг Косова и отношений Сербии с Евросоюзом. Отмечалось, что после 2014 г. Запад, усиливая давление на Россию, одновременно продолжал поддерживать односторонний нарратив о конфликтах конца XX века, где сербы по-прежнему фигурируют как главные виновники. Это подтверждает вывод о единой природе русофобских и сербофобских клише. Одновременно появляются и новые темы исследований: например, Т. В. Каширина и коллеги из Дипломатической академии обратились к истокам явления, проанализировав западноевропейские путевые заметки XVII века как ранние примеры русофобских стереотипов¹⁶⁷. В одной из работ показано, что уже в XVII столетии в записках иностранных путешественников закрепился образ России как «отсталой» и «варварской» страны, хотя тогда ещё не фигурировал мотив прямой военной угрозы от неё. Продолжение этой идеологической традиции прослеживается вплоть до

¹⁶⁷ Каширина Т.В. Экономический фактор и его влияние на политику советско-американской разрядки в 1970-е гг // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. №4 (31). С. 210-215.

XXI века, поэтому подобные исторические исследования обосновывают глубину корней современного негативного дискурса.

Обобщая отечественную историографию, можно сказать, что российские учёные выработали целостное понимание русофобии и сербофобии как инструментальных нарративов, с помощью которых внешние силы создают образ врага и обосновывают давление на Россию и её союзников. Важной чертой российского подхода является подчёркивание взаимосвязи «жёстких» и «мягких» методов: силовое противоборство посредством санкций и интервенций сопровождается информационно-идеологическими кампаниями, распространяющими негативные мифы. Такая гибридная природа угроз требует комплексного ответа – от укрепления дипломатии до продвижения правдивого образа страны через культуру. Отдельно фиксируются проблемные зоны в историографии: ведутся дискуссии о терминологии и границах понятия. Некоторые российские авторы критикуют термин «русофобия», считая его излишне эмоциональным и широким; они призывают различать собственно иррациональную ненависть к русским и обыкновенную политическую критику или конкуренцию. Так, отмечается, что не всякую критику политики Москвы корректно называть русофобией – нужен анализ мотивов и контекста. Наличие таких дискуссий демонстрирует зрелость отечественной историографии, стремящейся избежать односторонности и дать научно выверенное определение феномену. В то же время преобладающий консенсус российских учёных таков: русофобия и сербофобия – реально существующие явления международных отношений, имеющие долгую историю и представляющие вызов, на который внешняя политика должна отвечать системно.

В целом на Западе понятие «русофобия» долгое время не являлось общепринятым научным термином – многие исследователи избегали его, предпочитая говорить об «угрозе со стороны России» или об «антисоветизме» в годы Холодной войны. Тем не менее, задним числом западные историки и политологи отмечали наличие устойчивого комплекса негативных

стереотипов о России. До 1991 г. в западной мысли сложился определённый исторический нарратив относительно России как «Другого» в Европе. Ещё в XIX веке выходили труды, формировавшие образ России как отсталой деспотии (знаменитый труд маркиза А. де Кюстина «Николай I и его двор», 1843¹⁶⁸), а в XX веке подобные представления усилились в ходе противостояния демократий с СССР. В период Холодной войны политическая риторика в США и Европе открыто противопоставляла «цивилизованный Запад» «тоталитарному Востоку». Хрестоматийным примером является речь Р. Рейгана (1983)¹⁶⁹, назвавшего СССР «империей зла» – хотя термин «русофобия» не звучал, суть представляла собой тот же образ врага. Западные публицисты временами демонстрировали и откровенно этнические предубеждения: так, генерал Дж. Паттон ещё в 1945 г. писал, что «русские – монголы... от Чингисхана до Сталина они не изменились»¹⁷⁰. Этот расистский стереотип (отождествление русских с азиатской ордой) – яркий пример давно укоренившихся предрассудков. Однако западная академическая историография в целом не рассматривала системно феномен русофобии до конца XX века. Скорее, он присутствовал имплицитно в работах, посвящённых образу России в западном сознании. Классические работы, фиксирующие «ориентализацию» Восточной Европы и прежде всего России в западной оптике: Л. Вольф демонстрирует, как в эпоху Просвещения формировались устойчивые представления о «восточном» Другом¹⁷¹, а И. Б. Неуман показывает, как образ России как «иного» воспроизводился в

¹⁶⁸ *Высочков Л.В.* Император Николай I на улицах Санкт-Петербурга и дорогах Санкт-Петербургской губернии // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 287-313.

¹⁶⁹ *Безруков В.А.* Риторические приемы создания негативного имиджа СССР в политическом дискурсе (на примере речей Р. Рейгана) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 171-188.

¹⁷⁰ *Илиевский Н.В.* СССР во Второй мировой войне: вопросы и ответы / Н. В. Илиевский, А. М. Соколов, Д. Н. Филипповых. – Санкт-Петербург: Научное издательство, 2025. 286 с.

¹⁷¹ *Wolff L.* *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford: Stanford University Press, 1994. 419 p.

многовековом корпусе западных описаний и путешествий¹⁷²; подробные источниковедческие обзоры по британским путешественникам содержатся также у А. Кросса¹⁷³.

Ситуация начала меняться после 1991 года. Период с 1991 года по 2000 год ознаменован поиском нового врага для Запада после распада СССР, и в этом контексте в западной прессе и экспертном сообществе вновь активизировались старые клише. Значительная часть западных публикаций того времени фокусировалась на внутренних проблемах России. Западные СМИ писали об экономическом хаосе, преступности, ядерной угрозе из-за слабости контроля – то есть образ России оставался негативным, хотя и без идеологического противостояния коммунизму. Одновременно развернулись события на Балканах, где информационная кампания против Сербии стала, по сути, первым крупным примером постсоветской «демонизации» целого народа. Западные СМИ и политики периода войн в Хорватии, Боснии и Косово изображали сербов как главных виновников конфликтов, часто используя исторические аналогии с нацистами. Так, британский журналист Э. Литтл называл сербов «палачами, добровольно выполняющими волю Милошевича», навязывая читателям мысль о коллективной вине всего сербского народа¹⁷⁴. По наблюдению медиа-исследователя Ф. Хаммонда, в освещении югославских войн применялись две основные рамки: «балканизм» – представление Балкан как вечно отсталого и «племенного» региона и «нацификация» – уподобление сербов нацистам¹⁷⁵. Первая рамка рисовала конфликт как результат древней этнической вражды, вторая – как целенаправленный геноцид со стороны одного народа. Хотя эти объяснения

¹⁷² Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London; New York: Routledge, 1996. 268 p.

¹⁷³ Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 472 p.

¹⁷⁴ Милошевич З. Социальные технологии и политическое сознание // Ноосферные исследования. 2013. №2 (4). С.73-83.

¹⁷⁵ Семкин М.А. Дискурс политического комментария в современной информационной войне: тема «российской военной угрозы» / М. А. Семкин // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 2. С. 12.

противоречили друг другу, на практике они сочетались для создания однозначно негативного образа сербов: их одновременно представляли и варварами, и воплощением абсолютного зла. Итогом стала консолидация общественного мнения на Западе в пользу жёстких мер – бомбардировок и санкций против Сербии. Такие исследования, как работа П. Хаммонда, опубликованная в 2000 г., и эссе С. Паренте 1999 года, критиковали эту односторонность, отмечая дискурс «дьяволизации» сербов как инструмент оправдания военного вмешательства¹⁷⁶. Что касается образа России в тот же период, он в целом был мягче. Россия при Ельцине считалась скорее слабой, чем агрессивной. Однако такие западные стратеги как З. Бжезинский, 1997¹⁷⁷, М. Тэтчер¹⁷⁸ и др. уже тогда предупреждали о потенциальной «российской угрозе», например, осуждая попытки Москвы сохранить влияние на постсоветском пространстве. Это свидетельствует, что определённый уровень настороженного или враждебного отношения к России сохранялся.

2000–2014 гг. стали периодом, когда на Западе возродилась риторика конфронтации с Россией, теперь уже в связи с именем В. В. Путина. Расширение НАТО, война в Грузии 2008 г., газовые споры – всё это сопровождалось жёсткой критикой России. Многие западные аналитики, например, Э. Лукас в книге «Новая холодная война» 2008 года, открыто писали о необходимости сдерживания «реваншистской России»¹⁷⁹. В публичном дискурсе все чаще звучали тезисы об «авторитаризме» и «неоимпериализме» Москвы. Хотя эти высказывания подавались как обоснованная критика политики Кремля, ряд исследователей отмечал их стереотипный характер. Так, американский историк Д. Фоглсонг в книге

¹⁷⁶ P. Hammond: Dryden and the Traces of Classical Rome . Pp. x + 305. April 2000. The Classical Review 50(01).

¹⁷⁷ Бжезинский З.К. Великая шахматная доска [Текст] / З. К. Бжезинский. Москва: Международные отношения. 1998. 447 с.

¹⁷⁸ Явнова И.И. Маргарет Тэтчер - «Железная леди» Великобритании // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. №13. С. 18-22.

¹⁷⁹ Лукас Э. Новая Холодная война: Как Кремль угрожает России и Западу [Текст] / Лукас Эдвард. СПб: Новая Холодная война: Как Кремль угрожает России и Западу. 2009. 320 с.

«The American Mission and the «Evil Empire»»¹⁸⁰ 2007 года проследил, как в США исторически формировался образ России как врага, начиная ещё с XIX в. и особенно во время Холодной войны. Он иронично отмечал, что даже после распада СССР многие в Вашингтоне не смогли избавиться от ментального шаблона «Россия - зло». Профессор А. Цыганков в монографии «Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy»¹⁸¹ 2010 года прямо ввёл термин «русофобия» в научный оборот, описав влияние антироссийских настроений на выработку политики США. Цыганков показал, что в американском истеблишменте существует группа интеллектуалов и чиновников, исходящих из предвзятой негативной оценки любых действий России и лоббирующих жёсткий курс по отношению к Москве. Подобные работы свидетельствуют о постепенном признании на Западе самой возможности иррационального или идеологически мотивированного неприятия России. В Европе также появились исследования, переосмысливающие отношения с Россией: например, швейцарский публицист Г. Меттан в книге 2015 года «Creating Russophobia» назвал русофобию «привилегированным мифом Запада», культивируемым веками на высоком уровне¹⁸². Г. Меттан проследил развитие этого «мифа» от схизмы XI века и вплоть до современной «антироссийской истерии» вокруг событий на Украине. Он утверждает, что образ России как врага стал частью западной политической мифологии и периодически используется для консолидации западного общества перед лицом «угрозы с Востока». В целом, в начале XXI века зарубежная историография раскололась в оценках: с одной стороны, многие влиятельные издания и эксперты поддерживали негативный нарратив, обвиняя Россию в агрессии, особенно после конфликта в Грузии в августе

¹⁸⁰ The American Mission and the Evil Empire: The Crusade for a Free Russia since 1881. By David S. Foglesong. April 2009. Journal of Interdisciplinary History.

¹⁸¹ Andrei P. Tsygankov Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy by January 2010. Europe-Asia Studies 62(5):853-854.

¹⁸² Guy Mettan Creating Russophobia: From the Great Religious Schism to Anti-Putin Hysteria / Guy Mettan.: Clarity Press, Incorporated, 2015. 390 c.

2008 года, с другой – появился небольшой, но заметный сегмент авторов, критически осмысляющих эту тенденцию и говорящих о русофобии как факторе политики. Так, американский политолог С. Ф. Коэн в статьях 2014–2015 гг. прямо упрекал американские элиты в «новой русофобии», приводя в пример высказывания вроде заявления сенатора Дж. Маккейна, назвавшего Россию «бензоколонкой, притворяющейся страной»¹⁸³. Коэн и ему подобные считали такие стереотипы опасным упрощением, мешающим объективной дипломатии. Тем временем на Балканах западный консенсус относительно сербов после 2000 г. несколько смягчился. После смены режима С. Милошевича Сербия стала партнером Запада. Однако ключевые установки, такие как вина сербов за войны и правомерность отделения Косово остались прежними. Многие сербские интеллектуалы в эмиграции, например, журнал «Новая сербская политическая мысль», критиковали западный «двойной стандарт»: те же страны, которые бомбили Югославию, объявляли недопустимым отделение Крыма от Украины. Таким образом, вплоть до 2014 г. западный академический мейнстрим избегал осуждения собственных действий и редко признавал наличие антироссийской и антисербской предвзятости.

2014–2022 гг. ознаменованы резкой эскалацией напряжённости между Россией и Западом, что незамедлительно отразилось и в зарубежных исследованиях. На передний план вышла тема «новой холодной войны». Большинство западных авторов, лояльных своему истеблишменту, объясняли обострение исключительно «агрессивной политикой Путина». Однако параллельно ряд мыслителей и журналистов заговорили о русофобии как о явлении, влияющем на оценку этих событий. В СМИ появилось слово «Russophobia» – чаще всего в русле полемики: одни утверждали, что критика

¹⁸³ Stephen Cohen Warns that Russophoia Sets Us Up for Nuclear War / Stephen Cohen [Электронный ресурс] // www.paulcraigroberts.org : [сайт]. —URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2019/11/14/stephen-cohen-warns-that-russophoia-sets-us-up-for-nuclear-war/> (дата обращения: 31.07.2025).

Кремля оправданна и никакой иррациональной русофобии нет, другие указывали на откровенную демонизацию всего русского. Точку зрения о несуществовании русофобии разделяли некоторые восточноевропейские аналитики, считавшие, что негативное отношение к России – это реакция на её внешнюю политику, а не предвзятый стереотип. Но в академической среде на Западе всё чаще признавалось, что образ врага формируется не только действиями России, но и через призму исторических страхов и мифов. Признаком такого сдвига стало, например, появление исследований о роли медиа. В американском журнале *The Nation* в 2018 г. С. Коэн привёл впечатляющую подборку высказываний западных политиков: от заявления Д. Клэппера о том, что «русские генетически склонны к обману и вербовке» до слов советника Ф. Бридлова о том, что «нам противостоит не просто Путин, а сама Россия»¹⁸⁴. Эти примеры он квалифицировал как открытую русофобию на высшем уровне, сравнимую по накалу с риторикой эпохи Д.Маккарти. Одновременно вышли новые издания упоминавшегося труда А. Цыганкова, где детально разобрано, как западная пресса конструирует образ «тёмной, ненормальной России». В Европе, особенно в странах Восточной Европы, политический дискурс также радикализировался: в Польше, странах Балтии официальные лица открыто называли Россию цивилизационным противником, а борьбу с «российским влиянием» возвели в ранг государственной политики. Российские авторы расценивали это как институционализацию русофобии на уровне национальных идеологий. Сами же западные специалисты объясняли такую позицию исторической памятью о советском доминировании и страхом перед потенциальной экспансией Москвы – хотя, как указывают критики, подобные страхи питаются и риторикой лидеров, сознательно рисующих карикатурный образ «медведя-агрессора». Что касается сербофобии в новейший период, то на уровне

¹⁸⁴ *The Nation* (США): война с Россией? / [Электронный ресурс] // ИНОСМИ : [сайт]. — URL: <https://inosmi.ru/20181204/244154256.html> (дата обращения: 31.07.2025) (дата обращения: 01.12.2024).

западных исследований она почти не фигурировала как отдельный термин. Запад после 2000-х предпочитает говорить о «сербском национализме» и т.п. Однако сербские учёные и публицисты продолжали рефлексировать на эту тему. В самой Сербии вышло несколько работ, систематизировавших исторические проявления ненависти к сербам – от османских времён до НАТО. Сербский историк М.Экмечич подчёркивал, что современное противостояние Запада и сербского народа во многом обусловлено искажённым освещением балканских событий на Западе¹⁸⁵. Он даже выдвинул гипотезу, что очередной всплеск сербофобии на Западе может предвещать новые глобальные потрясения, ещё более серьёзные, чем войны конца XX века. Хотя эта точка зрения спорна, она отражает глубоко укоренившееся в сербском обществе восприятие себя как жертвы чужой предвзятости. Сербские публицисты обличали «двуличие» международного сообщества: по их словам, те, кто закрывал глаза на преступления против сербов, сегодня готовы демонизировать и Россию теми же словами – «агрессор», «геноцид», «империя». Таким образом, зарубежная историография к 2022 г. подошла с противоречивыми трактовками. С одной стороны, доминирующий западный дискурс по-прежнему не использует термин «русофобия» официально и объясняет враждебность к России рациональными причинами – угрозой со стороны Москвы. С другой – в интеллектуальных кругах признаётся наличие иррациональной компоненты в этом противостоянии.

Таким образом, историография вопроса демонстрирует, что феномены русофобии и сербофобии изучались разными школами по-разному: от отрицания самой проблемы до её абсолютизации. Между этими крайностями лежит обширное поле научных исследований, выявивших объективное существование данных дискурсов и их влияние на политику. Анализ литературы показывает и научные лакуны. Во-первых, отсутствует единая терминология и согласие, где проходит грань между оправданной критикой

¹⁸⁵ Милорад Экмечич История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала [Текст] / Милорад Экмечич. — Москва: Экмечич, 2023 — 582 с.

государства и ксенофобской риторикой. Это усложняет выработку международно-правовых мер против подобной риторики. Во-вторых, сравнительный анализ русофобии и сербофобии до сих пор проводился эпизодически – не было комплексного сопоставления двух кейсов в рамках единого исследования. В-третьих, хотя идеологические аспекты изучены неплохо, мало внимания уделялось прикладному измерению: насколько эффективны те или иные стратегии противодействия (дипломатические демарши, создание положительного имиджа, информационные кампании и т.п.) – здесь наблюдается недостаток эмпирических исследований. Наконец, литературой отмечены и противоречия в подходах: одни авторы настаивают, что русофобия – это лишь инструмент российской пропаганды для консолидации общества, т.е. явление скорее мнимое, другие убеждены в объективном существовании многовекового предубеждения против России, третьи пытаются занять середину, говоря об определённых рациональных основаниях западной критики, которые, однако, гипертрофируются до иррациональной фобии. Такие расхождения только подтверждают актуальность темы и необходимость её дальнейшего исследования.

Выводы по параграфу 3:

Анализ историографии и подходов к исследованию внешнеполитического противостояния ксенофобским дискурсам позволяет выявить как сильные стороны накопленного научного знания, так и его методологические и концептуальные ограничения. Современная академическая литература демонстрирует богатство подходов — от цивилизационного и геополитического до дискурс-аналитического и культурологического. Вместе с тем, значительная часть работ страдает односторонностью, тематической фрагментацией и избыточной идеологической ангажированностью.

Во-первых, большинство исследований сосредоточены либо исключительно на феномене русофобии, либо на сербофобии, не рассматривая их в сравнительной перспективе как взаимосвязанные дискурсы с общей

исторической логикой. Такой подход препятствует выработке целостного понимания ксенофобии как системного инструмента международной политики.

Во-вторых, западная историография часто демонстрирует латентную апологетику антироссийских и антисербских нарративов, игнорируя роль собственных государств и институтов в формировании негативного образа «Другого». Это проявляется в избирательном подходе к источникам, нормализации двойных стандартов и попытках представить ксенофобию как естественную реакцию на внешнюю политику России и Сербии, а не как целенаправленную стратегию демонизации.

В-третьих, отечественная научная традиция, несмотря на глубину концептуального анализа, часто не выходит за рамки реактивной парадигмы: исследования ориентированы на опровержение обвинений и защиту имиджа, но не всегда предлагают продуктивные аналитические рамки для понимания феномена ксенофобии как части глобальной идеологической борьбы.

Таким образом, системная критика историографии показывает, что для полноценного анализа русофобии и сербофобии как внешнеполитических вызовов необходимо преодоление односторонности, расширение сравнительной базы, а также выработка интегративной методологии, способной объединить политологический, культурный, информационный и историко-цивилизационный уровни анализа. Это позволит не только точнее диагностировать угрозы, но и сформировать более эффективные стратегии международного реагирования.

Вывод по главе 1:

Проведенное в первой главе теоретико-методологическое исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Прежде всего, подтверждено, что русофобия и сербофобия представляют собой сложные, системные и исторически устойчивые явления, формировавшиеся на протяжении веков под влиянием религиозных, цивилизационных и геополитических факторов. Эти феномены укоренены глубоко в историческом

развитии отношений Запада с той частью, православно-славянского мира, которая не шла в его фарватере на протяжении истории, и выступают важным элементом идеологического противоборства между ними. Иными словами, антироссийские и антисербские настроения – это не случайные всплески предрассудков, а долговременные идеологемы, питаемые в том числе устоявшимися тезисами о «чуждой» восточно-православной цивилизации.

Кроме того, установлено, что на современном этапе международных отношений проявления русофобии и сербофобии не являются стихийными или спонтанными актами ксенофобии. Напротив, они выступают частью целенаправленных стратегий идеологического давления на Россию и Сербию. Эти стратегии включают комплекс информационных, дипломатических и культурных инструментов, нацеленных на подрыв международного имиджа обеих стран. По сути, русофобия и сербофобия сегодня функционируют как своего рода «мягкая сила» наоборот – особый вид идеологического оружия. В научном дискурсе всё большее распространение получает взгляд на эти феномены именно как на политико-идеологические конструкции, умышленно создаваемые и используемые в определённых кругах для достижения геополитических целей. Подобный подход трактует русофобию не просто как совокупность бытовых предубеждений, а как элемент продуманной идеологии, эксплуатирующей негативный образ России и аналогично Сербии в больших геополитических играх. Таким образом, современные русофобия и сербофобия – это не иррациональная боязнь, а сознательно конструируемый дискурс демонизации, призванный маргинализировать Россию и Сербию на международной арене.

Анализ исторических и содержательных параллелей между русофобией и сербофобией выявил их тесную взаимосвязь. Логика формирования образа «врага» в обоих случаях сходна, что позволяет говорить об единой природе данных явлений. Антироссийские и антисербские нарративы эволюционировали в русле общего западного дискурса: от философских трактатов эпохи Просвещения, противопоставлявших «просвещенную

Европу» «отсталой деспотичной России», до современных геополитических клише о «российской/сербской угрозе». Важно отметить, что сербофобия во многом исторически проистекала из русофобии как элемента более широкого антиславянского дискурса, традиционно ассоциируемого в западной политической мысли с Россией. В то же время следует подчеркнуть, что иные славянские и православные государства региона — такие как Болгария, Румыния или Греция — не стали объектами сопоставимой политики дискриминации, что во многом объясняется их большей степенью политической адаптации к западным интеграционным структурам и готовностью согласовывать свою внешнюю политику с установками евроатлантического сообщества.

В англо-американском политическом и медийном дискурсе образ сербов зачастую конструировался по аналогии с образом русских: Сербия воспринималась как «балканский аватар» российской угрозы. Схожим образом и на европейском континенте XIX–XX вв. укоренились стереотипы, рисующие и русских, и сербов как «варварские» и «опасные» народы. Эта историческая и идеологическая общность подтверждает, что русофобия и сербофобия являются во многом двумя гранями одного цивилизационно-политического феномена, функционально используемого Западом для маркирования «чужого» и оправдания своей дискриминационной политики на разных геополитических направлениях.

Следующим важным выводом явилось понимание того, что русофобские и сербофобские установки со временем получили прочную институционализацию в международной практике. Антироссийские и антисербские стереотипы закрепились в политической риторике, медиадискурсе, дипломатии и даже образовательных системах западных государств. Это означает, что предвзятые клише о России и Сербии воспроизводятся не только в массмедийном поле, но и на уровне официальных политических документов, учебников истории и выступлений лидеров мнений, формируя устойчивый негативный фон восприятия. Более того,

данные фобии отразились и в конкретных практических шагах: информационные кампании, санкции, односторонние обвинительные резолюции, военные акции и судебные преследования нередко подкрепляются риторикой, демонизирующей образ России или Сербии. Такой симбиоз слов и дел убедительно демонстрирует, что русофобия и сербофобия прочно вошли в инструментарий международной политики. Иными словами, они превратились в устойчивый фактор, влияющий на внешнеполитическую реальность, сказываясь на решениях, принимаемых в отношениях с Россией и Сербией.

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что русофобия и сербофобия являются объективно существующими вызовами и угрозами, с которыми вынуждены считаться Россия и Сербия. Несмотря на наличие скептических точек зрения, пытающихся отрицать системный характер этих явлений или трактовать их исключительно как реакцию на действия самой России и Сербии, подавляющее большинство исследователей признаёт реальность и глубину исторических корней этих фобий. Уже тот факт, что на Западе и в Восточной Европе ведутся дискуссии и предпринимаются многочисленные попытки теоретического осмысления данной проблематики, служит доказательством объективного существования феноменов русофобии и сербофобии в мировом дискурсе.

В ходе проведенного анализа литературы выявлен и ряд научных лакун, затрудняющих полноценное понимание и противодействие рассматриваемым феноменам. Во-первых, до сих пор отсутствует единый подход к разграничению допустимой, обоснованной критики тех или иных действий государства от иррациональной ксенофобской риторики, нацеленной против самого народа или страны. Это теоретическое размывание границ затрудняет выработку международно-правовых механизмов противодействия проявлениям русо- и сербофобии. Во-вторых, на сегодняшний день практически отсутствуют комплексные сравнительные исследования русофобии и сербофобии: имеющиеся работы изучают эти явления

разрозненно, тогда как сопоставление двух кейсов в рамках единой исследовательской модели до сих пор не предпринималось. Данный пробел подчёркивает научную новизну и актуальность выбранного подхода, предполагающего одновременный анализ обоих феноменов. В-третьих, недостаточно изученным остаётся прикладной аспект проблемы — эффективность тех или иных стратегий противодействия (дипломатических демаршей, усилий по формированию позитивного образа страны, информационных кампаний и др.) до сих пор освещена слабо. Выявление этих лакун подтверждает необходимость дальнейших исследований в избранном направлении и прокладывает путь для выработки новых рекомендаций.

Наконец, понимание природы и эволюции русофобии и сербофобии, достигнутое в первой главе, позволяет наметить общие подходы к противодействию данным явлениям. Очевидно, что противостоять столь системному идеологическому давлению возможно лишь при объединении усилий затрагиваемых стран. В то же время необходимо учитывать стратегический курс Сербии на интеграцию в Европейский союз, а в перспективе — и возможное сближение с НАТО, что объективно ограничивает рамки разработки единой российско-сербской концепции противодействия русофобии и сербофобии. Тем не менее сохраняется значительный потенциал для взаимодействия на гуманитарном и экспертном уровне: развитие инструментов культурной дипломатии, осуществление совместных образовательных инициатив, координация в медиасфере и правозащитная деятельность на международной арене могут рассматриваться как реалистичные и востребованные направления сотрудничества. Такой формат не только подчёркивает общность исторических вызовов, но и открывает возможность для формирования устойчивых экспертных и культурных платформ, способных нивелировать негативное влияние ксенофобских дискурсов на международную репутацию России и Сербии.

Итоги анализа первой главы формируют прочный теоретико-методологический фундамент для дальнейшего исследования.

Сформулированы базовые дефиниции и раскрыта историческая эволюция русофобии и сербофобии, определены их функциональные роли как инструмента идеологического противоборства, а также показаны масштабы институционализации – закрепления этих явлений. Данные выводы создают необходимую основу для перехода к рассмотрению практических аспектов проблемы – анализа того, как русофобия и сербофобия проявлялись как внешнеполитический вызов для России и Сербии в период 1991–2022 гг., и какие конкретные механизмы противодействия были выработаны двумя странами.

Глава 2. Русофобия и сербофобия как вызов внешней политике России и Сербии (1991–2022)

§1. Влияние русофобии на формирование внешнеполитической доктрины России с 1991 по 2014 гг.

Распад СССР в 1991 году поставил новую Россию в условия внешнеполитического вакуума. Прежняя биполярная система рухнула, а вместе с ней – идеологические ориентиры и союзнические связи Москвы. В этих условиях российское руководство первоначально стремилось интегрироваться в западное сообщество, рассчитывая на партнёрство с США и Европой. Провозглашались идеи «общего европейского дома» и стратегического сотрудничества с НАТО и ЕС. Президент Борис Ельцин и его окружение в ранние 1991-1994 демонстрировали проатлантический курс: министр иностранных дел Андрей Козырев проводил политику, ориентированную на сближение с США и Европой. На Западе эти шаги приветствовались, однако реальных механизмов полноценного включения России в западные институты создано не было. Более того, по мере стабилизации положения на Западе стали проявляться старые стереотипы и опасения в отношении России, которые в Москве воспринимались как проявления русофобии – предубеждённого, враждебного отношения к русским и России. В сознании российской элиты укрепилось ощущение, что даже после окончания холодной войны Запад не готов видеть в России равноправного партнёра и стремится воспользоваться её слабостью для геополитического доминирования.

Одним из первых тревожных сигналов для Москвы стала перспектива расширения НАТО на восток. Уже в 1993 г. в российской Военной доктрине было отмечено, что планы продвижения НАТО к границам РФ создают военную опасность¹⁸⁶. Эти опасения подкреплялись общей атмосферой 1994-1999 годов: западные СМИ и политики нередко жёстко критиковали Россию –

¹⁸⁶ Военная доктрина Российской Федерации: Основные положения. Указ Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833.

достаточно вспомнить международную реакцию на первую чеченскую кампанию 1994–1996 гг. и на события в самой России, например, силовой разгон Верховного Совета в 1993 г.¹⁸⁷. В российском общественном мнении рождалось чувство, что любое действие Москвы встречает на Западе предвзято негативную оценку. Формируется представление о «двойных стандартах» Запада и о том, что за декларациями партнёрства скрываются старые стереотипы о «русской угрозе». В то же время во внешнеполитическом курсе России начала нарастать коррекция: от безоговорочного курса на Запад к более сбалансированному подходу. Уже в 1996 г. президент Б. Ельцин, испытывая давление «государственнически» настроенной элиты и снижающуюся популярность, заменил прозападного А. Козырева на посту министра иностранных дел на Евгения Примакова, известного своей более жёсткой позицией. Е.М.Примаков сделал акцент на защите национальных интересов и требовании учитывать мнение Москвы при решении международных проблем. Так, зарождалась доктрина многополярности – идея о формировании миропорядка, где Россия – один из самостоятельных центров силы, а не младший партнер Запада.

Таким образом, уже к концу 1990-х проявились контуры будущей внешнеполитической доктрины России как реакции на нараставшую на Западе русофобию. В ходе 1991–2014 гг. эволюция этой доктрины прошла несколько этапов: от надежд на равноправное сотрудничество – к разочарованию и поиску альтернатив, от попыток дипломатического диалога – к более жёсткому противостоянию и, наконец, к стратегической автономии и готовности к конфронтации. Ниже анализируются ключевые периоды этого процесса.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось эйфорией конца холодной войны. Россия стремилась вписаться в новую систему международных отношений,

¹⁸⁷ Указ Президента РФ от 02.11.1993 № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ», 08.11.1993, № 45, ст. 4329.

рассчитывая на помощь и понимание Запада. Однако уже в первые годы появились признаки идеологического отчуждения. На Западе распространялись опасения относительно будущего России – от страхов перед утратой контроля над ядерным арсеналом до критики в адрес «имперских амбиций» Москвы. Западные медиа формировали образ России как нестабильной, коррумпированной державы, подверженной авторитарным рецидивам – по сути, продолжая риторику времен холодной войны, но в новых условиях¹⁸⁸. Такой дискурс воспринимался в Москве как русофобский, закладывавший фундамент недоверия.

Особенно болезненной темой стало расширение НАТО. В ноябре 1990 г. на саммите в Париже НАТО и Организация Варшавского договора провозгласили окончание конфронтации, но уже вскоре начала обсуждаться возможность приема в НАТО стран Восточной Европы. Российское руководство на разных уровнях давало понять, что подобный шаг станет ошибкой, подрывающей доверие¹⁸⁹. По словам И. С. Иванова (заместителя, а затем министра иностранных дел РФ в 1994–2004 гг.), Россия решительно выступала против восточного расширения Альянса, многократно излагая свои возражения на всех переговорах¹⁹⁰. Тем не менее, США и их союзники взяли курс на расширение. В 1994 г. Польша, Венгрия и Чехия получили гарантии будущего вступления в НАТО, а официальное приглашение было оформлено в 1997 г. В Москве этот процесс расценили как нарушение духа договоренностей о построении «единого пространства безопасности без разделительных линий». Российские дипломаты пытались убедить западные

¹⁸⁸ Воробьев, С. В. Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX-XXI веков / С. В. Воробьев и др. – М.: Дашков и К, 2023. – 278 с.

¹⁸⁹ Бруз, В. В. Организация Варшавского Договора и чехословацкие события 1968 года: историографический аспект / В. В. Бруз // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 21-22.

¹⁹⁰ Стенограмма интервью Министра иностранных дел России И.С.Иванова межаарабскому телевизионному каналу «Аль-Арабия», Москва, 20 февраля 2004 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1673013/?ysclid=mdbq38wiq0578762734 (дата обращения: 01.06.2025).

страны отказаться от расширения НАТО, указывая, что у Европы есть уникальный шанс создать новую архитектуру безопасности с участием России на равных. Однако эти аргументы не были услышаны.

Параллельно Москва, осознавая слабость своей переговорной позиции, старалась минимизировать ущерб. В 1997 г. был подписан Основополагающий акт Россия–НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности¹⁹¹. Документ декларировал отказ сторон от применения силы и стремление к партнерству. Ельцин надеялся, что этим соглашением удастся притормозить расширение НАТО и закрепить хоть какие-то гарантии безопасности России. Однако уже в 1999 г. НАТО приняла в свой состав первых восточноевропейских членов, невзирая на протесты Москвы. В российском восприятии это стало подтверждением худших ожиданий: Запад игнорирует интересы России, руководствуясь недоверием и историческими страхами. Как отмечалось впоследствии, к 1999 г. лозунги открытости и разрушения барьеров, унаследованные от периода «перестройки», сменились в российской риторике тезисом об укреплении границ и восстановлении внимания к вопросам безопасности. Фактически, расширение НАТО закрепило разделительные линии, которых Россия стремилась избежать.

Другим ключевым эпизодом, закрепившим мнение о русофобских тенденциях Запада, стал конфликт вокруг бывшей Югославии. Москва с тревогой восприняла вооруженное вмешательство НАТО в Боснии в 1995 г., а затем особенно болезненно – бомбардировки Союзной Республики Югославии в марте 1999 г. без санкции Совета Безопасности ООН. Война в Косово обострила отношения: Россия резко осудила военную операцию НАТО, усмотрев в ней не только гуманитарную акцию, но и пренебрежение мнением Москвы. Демонстративным жестом стал марш-бросок российского

¹⁹¹ Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/?ysclid=mdbq4men36511416140 (дата обращения: 01.06.2025).

миротворческого батальона в аэропорт Приштины в июне 1999 г., опередивший натовские силы. Хотя прямого столкновения не произошло, контакты Россия–НАТО были заморожены; как вспоминал И. Иванов, агрессия НАТО против Югославии нанесла тяжёлый удар по отношениям, фактически свернув диалог¹⁹². В России эти события подтвердили убеждение: в глазах части западных элит она по-прежнему враг или по крайней мере «чужой», и никакой аванс лояльности, вплоть до участия в коалиции против Ирака в 1991 г., не способен развеять глубоко укоренённую русофобию.

Наконец, важным фактором стала реакция Запада на внутренние проблемы России, прежде всего на войну в Чечне. Кампания по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике (1994–1996 гг.) сопровождалась резкой критикой со стороны западных правительств и правозащитных организаций. В Москве складывалось впечатление, что критикуют не только конкретные действия, но и саму идею сохранения целостности Российского государства. Некоторые международные медиа прямо демонизировали российские силы, сравнивая их действия с «геноцидом». Между тем Запад одновременно закрывал глаза на террористические аспекты сепаратизма. В российских политических кругах возник нарратив о «двойных стандартах»: например, жесткие действия НАТО в Югославии подавались как борьба за демократию, а аналогичные по сути действия России против сепаратизма – как проявление «имперской жестокости». Такой дисбаланс объяснялся именно предвзятым отношением – русофобскими клише, унаследованными от холодной войны.

Реакция России в 1994-1999 гг. сочетала вынужденную гибкость с нарастающим внутренним сопротивлением. С одной стороны, Россия была слишком слаба экономически и политически, чтобы открыто противостоять

¹⁹² Игорь Иванов: Ситуация в Европе сейчас даже сложнее, чем она была в 90-е [Электронный ресурс] // Российская газета. – <https://rg.ru/2022/02/02/igor-ivanov-situaciia-v-evrope-sejchas-dazhe-slozhnee-chem-ona-byla-v-90-e.html?ysclid=mdbq5kttgf240320894> (дата обращения: 11.11.2024).

Западу. Она продолжала декларировать приверженность партнерству. Так, даже после начала расширения НАТО Ельцин не выходил из рамок дипломатии: в 1997 г. он посетил саммит НАТО, Россия присоединилась к программе «Партнёрство ради мира», в 1998 г. был создан совместный Постоянный совет Россия–НАТО¹⁹³. С другой стороны, внутри страны росло влияние сил, настаивавших на более жёстком курсе. В Государственной Думе сильными были позиции коммунистов и националистов, обвинявших правительство в «сдаче национальных интересов». В общественной риторике все чаще звучала мысль, что Запад понимает только силу, а потому надо восстановить военный потенциал и проводить независимую линию. В телефонном разговоре с президентом США в апреле 1999 г. Б. Ельцин прямо заявил, что «в России продолжают лавинообразно расти» антиамериканские и антинатовские настроения, а на него давят генералы и депутаты Государственной Думы с требованием военной помощи Югославии. Он призвал: «Не втягивайте Россию в эту войну»¹⁹⁴. Практическим шагом в этом направлении стало, например, активное сближение России с Китаем и Индией во второй половине 1990-х гг. – то самое «стратегическое треугольник Примакова», призванное уравновесить влияние США. Уже в 1996 г. Россия вместе с КНР выступила с совместной декларацией о формировании многополярного мира, а в 1998–1999 гг. участвовала в создании Шанхайской организации сотрудничества, которая была оформлена в 2001 г. на базе более ранней «Шанхайской пятёрки»¹⁹⁵. Таким образом, к концу XX века внешняя политика РФ приобрела черты переходного периода: внешне сохранялась

¹⁹³ Об отношениях Россия-НАТО [Электронный ресурс] // Российская газета. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/?ysclid=mdbq6h5qcu511405022 (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁹⁴ Memorandum of Telephone Conversation between President Clinton and President Yeltsin, April 19, 1999. National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32239-document-16-memorandum-telephone-conversation-subject-telephone-conversation-russian> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁹⁵ История отношений России и КНР [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20070326/62607849.html?ysclid=mdbq99fy8610444117> (дата обращения: 11.11.2024).

риторика партнерства с Западом, но закладывались основы для альтернативной доктрины, учитывающей разочарование в Западе и ответ на русофобские вызовы. Это было зафиксировано в первых программных документах новой эпохи.

В марте 2000 г. Президентом РФ стал Владимир Путин, обещавший восстановление государственной мощи. Почти одновременно, в июне 2000 г., была утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации – первый всеобъемлющий документ подобного рода за постсоветский период¹⁹⁶. В Концепции прямо отражалось переосмысление опыта 1991-1999 гг.: констатировалось, что расчёты на интеграцию с Западом на основе равноправия и взаимной выгоды «не оправдались», несмотря на то что такие надежды были заложены ещё в Основных положениях внешней политики 1993 г. Это признание означало официальное разочарование в курсе односторонней ориентации на Запад. Российское руководство пришло к выводу, что прежняя модель – фактически внешнеполитическая зависимость от западных центров силы – себя исчерпала.

Концепция 2000 года провозгласила курс на обеспечение независимости и суверенитета России во внешних делах. Высшим приоритетом объявлялась защита национальных интересов и безопасности страны. Документ закрепил стремление России занять достойное место в мире как великая держава и влиятельный центр, обладающий прочными позициями на международной арене. Значимым новшеством стало официальное провозглашение цели формирования многополярной системы международных отношений, отражающую разнообразие интересов и обеспечивающую стабильный и справедливый миропорядок. По сути, тем самым Россия заявила о неприятии однополярной модели под доминированием США, открыто выступив против

¹⁹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 июня 2000 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1759935/ (дата обращения: 11.11.2024).

глобальной гегемонии Запада. В Концепции прямо указывалось на опасность тенденции к однополярности при силовом и экономическом превосходстве США, которая ведёт к дестабилизации и нарушению принципов международного права. Это было явным отголоском событий конца 1999 г., таких, как агрессия НАТО против СФРЮ, продемонстрировавших Москве склонность Вашингтона действовать в обход ООН.

Доктрина 2000 года ознаменовала отказ от внешнеполитической зависимости и переход к более прагматичному, самодостаточному курсу. Россия больше не видела себя просителем у порога западных организаций, а позиционировала как самостоятельный центр силы. Важной частью доктрины стало стремление развивать отношения на принципах равноправия и невмешательства. В частности, среди основных целей названы создание благоприятных условий для развития России и защита прав соотечественников за рубежом. Последний пункт имел особое значение: после распада СССР миллионы русских оказались за пределами РФ, и их нередко затрагивали националистические тенденции и дискриминация в странах Балтии, Средней Азии и др. Включение темы защиты соотечественников свидетельствовало, что Москва намерена противодействовать проявлениям русофобии в ближнем зарубежье дипломатическими и иными средствами, сделав это частью официальной политики.

Несмотря на более твёрдый тон новой концепции, первые годы президентства Путина характеризовались достаточно осторожным внешнеполитическим поведением. Россия всё ещё стремилась наладить конструктивные отношения с Западом, если это было возможно на приемлемых условиях. Путин заявлял о готовности строить сотрудничество на прагматичной, деидеологизированной основе. Более того, в одном из интервью в 2000 г. он даже не исключил гипотетически вступление России в

НАТО, если та будет рассматриваться как равноправный партнёр¹⁹⁷. В 2001 г., после террористических атак 11 сентября, Москва продемонстрировала добрую волю, поддержав США в глобальной войне с терроризмом: Россия не возражала против размещения американских баз в Центральной Азии, предоставила своё воздушное пространство для полётов коалиции в Афганистан, закрыла собственные советские военные объекты во Вьетнаме и на Кубе. На встречах с Дж. Бушем В. Путин говорил о «преодолении наследия холодной войны» и декларировал курс на сотрудничество в построении «единого мирного евроатлантического сообщества»¹⁹⁸. Кульминацией стало создание в 2002 г. Совета Россия–НАТО в новом формате «20» (включив Россию на правах практически равного участника) и подписание Московской декларации о стратегическом партнёрстве¹⁹⁹. Казалось, что взаимные обиды 1990-х могут быть преодолены.

Однако уже в этот период в самой России постепенно росло влияние силы, противодействующей чрезмерным иллюзиям. Экономический подъём 2000-х придал элитам уверенность: зазвучали речи о том, что «Россия встаёт с колен». В обществе набирал популярность русский национализм, ностальгия по статусу великой державы. Президент Путин, оставаясь прагматиком, начал учитывать эти настроения. К середине 2000-х он всё чаще делал акцент на суверенитете и недопустимости диктата извне. В 2006 г. на совещании послов Путин заявил о возвращении России статуса глобального игрока²⁰⁰. Таким

¹⁹⁷ Путин В. В. «Почему нет? Я не исключаю такой возможности...» — интервью в телепрограмме Breakfast with Frost, BBC. 29 февраля 2000 г. URL: https://lenta.ru/news/2000/03/05/putin_bbc/

¹⁹⁸ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21397>.

¹⁹⁹ О подписании соглашения о создании нового совета Россия-НАТО [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1641582/?ysclid=mdbqekvmtt371211383.

²⁰⁰ О совещании Президента России В.В.Путина с послами и постоянными представителями Российской Федерации, Москва, 27 июня 2006 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1696537/?ysclid=mdbqf7i864236093421.

образом, уже вскоре после принятия Концепции 2000 проявились первые признаки сопротивления русофобии: Россия больше не собиралась безропотно принимать моделирование мировой политики исключительно Западом и готова была отстаивать собственное видение мирового порядка, где к её интересам прислушиваются.

В целом 2000-е годы стали для России временем нарастающей переоценки отношений с Западом. Если первое постсоветское десятилетие закончилось разочарованием, то второе десятилетие – переходом к более активной защите своих позиций. Это проявилось особенно отчётливо во второй половине 2000-х, на фоне ряда острых кризисов.

Во второй половине 2000-х годов отношения России с Западом претерпели несколько драматических поворотов. С одной стороны, был период кратковременной «перезагрузки» и надежд на улучшение, с другой – нарастал идеологический конфликт, вспыхнули открытые кризисы, прежде всего война 2008 г. в Грузии. Ключевым фоном этих событий стала усиленная критика Москвой складывающегося однополярного мира. Российское руководство всё громче заявляло о несогласии с ролью единственной сверхдержавы, которую узурпировали США после холодной войны. На практике это означало критику конкретных шагов Запада, воспринимаемых как угроза интересам и безопасности РФ.

Одним из таких шагов стало дальнейшее расширение НАТО. В 2004 г. Альянс принял сразу семь восточноевропейских и прибалтийских стран, включая три бывшие советские республики Прибалтики. Восприятие этого в Москве было резко негативным: ведь вплотную к российским границам продвинулась военная инфраструктура НАТО, что прямо противоречило духу обещаний о непродвижении на восток. В российских оценках звучало, что у ряда новых членов НАТО – у прибалтийских государств и Польши политика в Альянсе продиктована отнюдь не вопросами безопасности, а стремлением удовлетворить свои исторические обиды на Россию, нередко в русофобском ключе. Как отмечалось, новые члены привнесли в НАТО и ЕС «дух

первобытной русофобии», во многом осложнив диалог Москвы с Брюсселем. Спецпредставитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским союзом Сергей Ястржембский в 2004 г. прямо заявлял, что политика прибалтийских стран в европейских структурах пронизана русофобией²⁰¹. Такое восприятие усиливало убежденность России, что расширение НАТО носит скорее враждебный идеологический характер, нежели продиктовано объективными потребностями безопасности.

Другим раздражителем стала стратегия США в области противоракетной обороны (ПРО). В 2002 г. Вашингтон вышел из Договора по ПРО 1972 г.²⁰², а вскоре объявил о планах разместить элементы ПРО в Восточной Европе – радар в Чехии, перехватчики в Польше. Российское руководство восприняло это как попытку подорвать стратегический паритет и создать угрозу ядерному потенциалу РФ²⁰³. В ежегодных посланиях и выступлениях В.Путин жёстко критиковал эти планы, называя их дестабилизирующим фактором, подрывающим доверие²⁰⁴. В декабре 2007 г. Россия в ответ приостановила участие в Договоре об обычных вооруженных

²⁰¹ Ястржембский: Проблема русских в Прибалтике сохранится на 50 лет [Электронный ресурс] // Росбалт. – <https://www.rosbalt.ru/news/2004-09-28/yastrzhembskiy-problema-russkih-v-pribaltike-sohranitsya-na-50-let-3332023?ysclid=mdbqghypza585852451> (дата обращения: 11.05.2025).

²⁰² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762352/?ysclid=mdbqhfhurt357843402 (дата обращения: 11.05.2025).

²⁰³ Дмитриев, Л. В. Ракетные войска стратегического назначения в период поддержания ракетно-ядерного паритета: историографические аспекты (70-80-е годы XX века) / Л. В. Дмитриева, Д. С. Миргородский, Е. Ю. Штанько // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 6. – С. 72-79.

Курылев, К. П. Современная внешняя политика России в контексте нового миропорядка: учебно-методическая программа курса для студентов-международников. / К. П. Курылев. – М.: РУДН, 2004. – 16 с

²⁰⁴ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.05.2025).

силах в Европе²⁰⁵. Таким образом, на военном треке нарастала конфронтация, вызванная ощущением прямой угрозы со стороны НАТО.

Кроме военных аспектов, резко обострилось идеологическое противоборство. В 2003–2005 гг. в постсоветских Грузии, Украине и Киргизии произошли так называемые «цветные революции» – смены власти в результате массовых протестов. Москва усмотрела в этих событиях руку Запада: поддержку оппозиции через НПО, информационные кампании и т.д. Восприятие было такое, что США и ЕС целенаправленно поощряют смену режимов на постсоветском пространстве, чтобы привести к власти проамериканские силы и ослабить влияние России. Такие действия напрямую трактовались как антироссийская, русофобская стратегия. Например, после «оранжевой революции» 2004 г. на Украине ряд российских политиков заявляли, что Запад стремится окружить РФ поясом враждебных режимов. Более того, в самой России власть опасалась экспорта этой модели: в 2005 г. Владимир Путин назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой» и дал понять, что не допустит повторения украинского сценария в Москве²⁰⁶. Был принят ряд мер для нейтрализации внешнего влияния: ужесточили контроль над иностранным финансированием НПО, усилили патриотическую риторику. Появилось понятие «суверенная демократия» – концепция, разработанная Владиславом Сурковым – по сути, обоснование особого пути России, где внешнее вмешательство в политический процесс неприемлемо. Этот идеологем был ответом на западную критику: Россия утверждала право на собственную модель демократии, требуя уважения своего суверенитета. Как отмечают исследователи, Москва стала продвигать альтернативные ценности – консервативные и традиционалистские – в

²⁰⁵ Указ Президента РФ от 13.07.2007 № 872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных Договоров» // «Собрание законодательства РФ», 16.07.2007, № 29, ст. 3681.

²⁰⁶ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 11.05.2025).

противовес западному либерализму. Фактически, к концу 2000-х формировалась культурно-ценностная компонента внешней политики: защита традиционных устоев, православной культуры и т.п., которая подавалась как ответ на агрессивное насаждение западных норм, нередко трактуемых в России как чуждые и русофобские.

Внешнеполитическая риторика Москвы ужесточилась. Кульминацией стал знаменитое выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года²⁰⁷. В присутствии лидеров западных стран российский Президент открыто обвинил США и НАТО в попытке навязать миру свою волю: «Однополярный мир не состоялся... его модель неприемлема не только для современного мира, но и для самой США» – заявил Путин, подвергнув критике идею американской исключительности. Он указал, что НАТО обманула ожидания, начав расширение вплотную к границам России, и назвал абсурдной саму логику расширения: «против кого расширяется НАТО, если эпоха противостояния закончилась?» – риторически спрашивал он. Особо Путин раскритиковал политику Запада по использованию силовых акций вне рамок международного права, упомянув бомбардировку Югославии 1999 г. и войну в Ираке 2003 г. Он отметил, что принижается роль ООН, ОСБЕ превращается в инструмент обслуживания чьих-то интересов, финансируются подконтрольные «неправительственные организации» для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. «Нас пытаются загнать в угол, потому что мы проводим независимую политику и называем вещи своими именами», – подчеркнул Путин, намекая, что Запад не приемлет самостоятельности России. По сути, эта речь была квинтэссенцией накопившихся за 15 лет претензий Москвы к односторонним действиям Запада, рассматриваемым ею как проявление глубинной русофобии – нежелания видеть в России равного партнёра и стремления ослабить её роль

²⁰⁷ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.05.2025).

в мире. Мюнхенская речь стала поворотным моментом, ознаменовавшим публичное оформление новой внешнеполитической доктрины РФ. Многие аналитики расценили выступление Путина как начало новой холодной войны, или по крайней мере как декларацию того, что Россия больше не будет играть по навязанным правилам. Символично, что уже через месяц после Мюнхена, в марте 2007 г., по инициативе В. Путина Госдума ратифицировала соглашение о военном сотрудничестве с НАТО, допускавшее даже военное присутствие Альянса на территории РФ²⁰⁸. Казалось бы, этот парадокс – сначала резкая речь, затем кооперативный шаг – отражал двойственную тактику Москвы: с одной стороны, предостеречь Запад, с другой – оставить дверь для диалога открытой. Однако, по сути, Мюнхен 2007 показал: Россия психологически готова к конфронтации, если Запад продолжит политику, воспринимаемую как русофобскую.

В апреле 2008 году противоречия достигли опасной черты. На саммите НАТО в Бухаресте США настояли на заявлении о том, что Украина и Грузия «станут членами НАТО» в будущем²⁰⁹. Хотя План действий по членству им тогда не дали, так как против выступили ФРГ и Франция, сам принцип вызвал крайне негативную реакцию Москвы. Путин прямо предупреждал, что попытка втянуть Украину и Грузию в НАТО может привести к серьёзным последствиям. Ситуация усугубилась летом: 8 августа 2008 г. грузинские войска атаковали Южную Осетию, где находились российские миротворцы, – начался короткий, но интенсивный вооруженный конфликт между Россией и Грузией. Россия ответила жёстко, в течение пяти дней разгромив вооружённые силы Грузии и отразив попытку силового возвращения отколовшихся

²⁰⁸ Федеральный закон от 07.06.2007 № 99-ФЗ «О ратификации Соглашения между государствами - участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их сил от 19 июня 1995 года и Дополнительного протокола к нему» // «Собрание законодательства РФ», 18.06.2007, № 25, ст. 2976.

²⁰⁹ Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization – https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru

регионов. Этот конфликт стал первым за постсоветский период прямым применением Россией военной силы за рубежом, причём против прозападного государства, открыто поддерживаемого США. В глазах российского общества такая твёрдость была оправдана: по данным ВЦИОМ, большинство россиян поддержало войну с Грузией²¹⁰. Запад же обвинил Россию в «непропорциональном применении силы» и агрессии против суверенной Грузии. В российских официальных заявлениях, в свою очередь, звучало, что произошедшее – результат долгой провокации: мол, «республиканцы в Белом доме», желая поднять рейтинг своего кандидата, подбодрили Тбилиси на авантюру. Так или иначе, доверие было подорвано окончательно.

Сразу после войны в августе 2008 г. Россия пошла на беспрецедентный шаг – признала независимость Абхазии и Южной Осетии²¹¹. Этот шаг в Москве обосновывали необходимостью защитить народы, пострадавшие от грузинской агрессии, и ссылались при этом на прецедент Косово, признанный Западом в феврале 2008 г. Западные страны отказались признать новые республики, обвинив Россию в реваншизме. Тем самым контуры конфронтации проявились ещё отчётливее: на информационном фронте развернулась настоящая битва интерпретаций, где обе стороны обвиняли друг друга. Российские СМИ и официальные лица говорили о грузинском руководстве как об ультранационалистах и русофобах, действовавших с одобрения Вашингтона. В западном медиадискурсе Россию описывали как «агрессора», бросившего вызов международному правопорядку. По сути, август 2008 г. стал моментом истины: Россия показала готовность силой пресечь вступление соседней страны в враждебный блок, так как считает это

²¹⁰ ВЦИОМ. 86 % россиян считают, что Россия действовала в августе 2008 г. правильно или скорее правильно // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/157523>.

ВЦИОМ. 60 % россиян поддержали оказание военной помощи Южной Осетии. Пресс-обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yuzhnaya-oseiya-abkhaziyakto-sleduyushhij>. (дата обращения: 10.05.2024).

²¹¹ Как Россия признавала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 году [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — <https://www.kommersant.ru/doc/5228408?ysclid=mdbqv304jq816987836> (дата обращения: 10.05.2024).

экзистенциальной угрозой. Это означало окончательный отказ Москвы ориентироваться на мнение «международного сообщества», если речь идёт о базовых интересах безопасности и защите своих граждан и соотечественников. Подобный сдвиг трудно представить без многолетнего опыта разочарований и убеждённости в русофобских мотивах политики НАТО.

Парадоксально, но сразу после этих драматических событий последовала попытка частичного восстановления отношений – так называемая «перезагрузка» 2009–2010 гг. С уходом администрации Дж. Буша-мл. и приходом в Белый дом Б. Обамы, а в Москве – победой Д. Медведева на выборах в 2008 г., возникла пауза для переоценки. Обе стороны сделали ряд символических шагов навстречу. Был заключён новый Договор о стратегических наступательных вооружениях СНВ-III (подписан в 2010 г.)²¹², создан двусторонний Президентский комитет по сотрудничеству. С ЕС тоже предпринимались шаги: велись переговоры о новом базовом соглашении Россия–ЕС (взамен соглашения 1994 г.), достигнуты договорённости об упрощении визового режима с рядом стран Европы. Казалось, что после «точки кипения» 2008 г. стороны попробуют наладить прагматичный диалог. Д. Медведев даже публично говорил, что полоса сложных отношений с НАТО преодолена. Этот этап породил определённые надежды: его кульминацией стал визит Б. Обамы в Москву и символическая кнопка «Reset», презентованная госсекретарем Х. Клинтон. Вашингтон отменил многолетнюю дискриминационную поправку Джексона–Вэника декабрь 2012 г.²¹³, Россия вскоре вступила в ВТО при поддержке США.

²¹² Федеральный закон от 28.01.2011 № 1-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» // «Собрание законодательства РФ», 31.01.2011, № 5, ст. 667.

²¹³ Б.Обама объявил об отмене поправки Джексона–Вэника [Электронный ресурс] // РБК. – <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2012/570401539a7947fcbd443de1?ysclid=mdbs9kmc4d262420426> (дата обращения: 10.05.2024).

Однако, как выяснилось, эти сдвиги носили поверхностный характер. Уже к 2011–2012 гг. стало ясно, что разногласия носят системный характер. Хотя сотрудничество продолжалось по ряду направлений (например, по Афганистану, Ирану, КНДР – Россия участвовала в международных переговорах, предоставляла транзит для НАТО), накопленные противоречия никуда не делись. ЕС и РФ так и не смогли заключить новое соглашение о партнёрстве – диалог буксовал, в том числе из-за разногласий по энергетике и правам человека. Отношения с Советом Европы оставались напряжёнными: Россию регулярно критиковали за права человека, что она воспринимала как вмешательство. Более того, в 2011 г. на Ближнем Востоке произошла «Арабская весна», и Ливийский кризис вновь разделил Москву и западные столицы: Россия возмутилась, что НАТО превысило мандат ООН, фактически поддержав смену режима в Ливии. В 2012–2013 гг. конфликт в Сирии углубил раскол: Москва встала на сторону правительства Б. Сада, заблокировав в СБ ООН резолюции, которые могли открыть дверь иностранной интервенции²¹⁴. Когда в 2013 г. США и их союзники всерьёз обсуждали военный удар по Сирии, Россия направила в Восточное Средиземноморье эскадру своих кораблей – явный сигнал о готовности защитить союзника²¹⁵. Такой решительный шаг многие расценили как возвращение России к глобальному противоборству, типичному для холодной войны²¹⁶.

В самой России с 2012 г. с возвращением В. Путина на пост Президента усиливается консервативно-патриотический курс. В ответ на массовые протесты оппозиции 2011–2012 гг. были приняты меры по «закручиванию гаек». Государственная риторика обогатилась жёсткими выпадами против

²¹⁴ Российская резолюция по Сирии расколола Совбез ООН [Электронный ресурс] // ИноТВ. – <https://ru.rt.com/lvgl> (дата обращения: 10.05.2024).

²¹⁵ Воробьев, С. В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений / С. В. Воробьев, Т. В. Каширина // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2017. – Т. 4. – № 327. – С. 44-50.

²¹⁶ Матвеев, О. В., Военная помощь Сирии в разрешении внутреннего конфликта / О. В. Матвеев, А. Н. Рыбалкин // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – Т. 2. – № 385. – 2022. – С. 32-49.

США. Тогдашний председатель Правительства РФ Д. Медведев в 2012 г. прямо обвинял Госдепартамент США во вмешательстве во внутренние дела, имея в виду критику выборов в Госдуму. МИД РФ и государственное телевидение заговорили о «расцвете русофобии» на Западе. Под этим подразумевались и визовые «черные списки» – закон Магнитского 2012 г. в США, и поддержка западными фондами оппозиционных НПО, и общая негативная тональность в иностранных СМИ в адрес России. Российское руководство стало всё чаще описывать поведение западных партнёров как «параноидальное увлечение русофобией», мешающее нормальному диалогу. Министр иностранных дел С. Лавров указывал, что в США и Европе возник «тренд русофобии», который самовоспроизводится и отравляет атмосферу. Эти заявления демонстрировали восприятие: любые претензии Запада, будь то по вопросам коррупции, демократии или внешней политики, объяснялись не реальными проблемами, а именно предвзятым отношением к России как таковой.

К концу 2013 г. Россия фактически подошла к рубежу: формально диалог с Западом ещё продолжался, но доверие было минимальным, противоречия – колоссальными. Любое резкое движение грозило новым кризисом. Таким движением стали события на Украине зимой 2013–2014 гг., окончательно расколовшие Россию и западные страны.

Февраль 2013 г. – за год до украинского кризиса – ознаменовался утверждением Концепции внешней политики РФ в новой редакции²¹⁷. Этот документ стал логическим развитием идей 2000 года в условиях изменившейся обстановки. В нём Россия еще более уверенно декларировала приверженность принципам многополярности, суверенитета и защиты своих ценностей. Концепция отмечала, что главной чертой современного этапа развития

²¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

международных отношений являются «глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте», усиливающие многополярную систему международных отношений. Указывалось на «рассеивание мирового потенциала силы и развития» и смещение центра мировой активности в Азиатско-Тихоокеанский регион. Иными словами, документ констатировал ослабление доминирования «исторического Запада» и выход новых игроков – тем самым обосновывая легитимность стремления России к роли одного из центров нового мира. При этом прямо отмечалось, что попытки некоторых государств строить «оазисы безопасности» вне общего контекста бесперспективны, а единственным надёжным способом предотвратить потрясения является соблюдение принципов неделимой безопасности – прозрачный намёк на тезис Москвы о недопустимости укрепления безопасности одних государств за счёт других. Именно этот принцип Россия продвигала, предлагая заключить всеобъемлющий договор по безопасности в Европе в 2008–2009 гг., хотя безуспешно.

Концепция 2013 сфокусировалась на необходимости защищать национальную идентичность и культурные ценности России в условиях глобальной турбулентности. Среди основных целей внешней политики значилось «укрепление позиций русского языка в мире, популяризация культурных достижений народов России». Отдельно подчёркивалось намерение противодействовать дискриминации российских граждан и соотечественников за рубежом, а также продвигать диалог между цивилизациями, культурное и религиозное взаимопонимание. По сути, Россия заявляла о себе не просто как об отдельном государстве, а как о самобытной цивилизации, требующей уважения. Этот акцент имел двойное дно: с одной стороны, позитивная программа «русский мир» – поддержка русского языка, образования, церкви за рубежом; с другой – готовность противостоять тем странам, где, по мнению Москвы, ущемляются права русских и русскоязычных, будь то прибалтийские ограничения русского языка или рост национализма на Украине. Фактически, борьба с русофобией была заложена

имплицитно: не случайно официальные лица РФ нередко обвиняли соседей в «русофобских кампаниях», критикуя Эстонию и Латвию за положение неграждан или Украину за героизацию Бандеры. Концепция 2013 придала этой проблематике официальный статус: защита соотечественников за рубежом – теперь безусловный приоритет, а значит, русофобские явления вне России рассматриваются как угроза, на которую страна будет реагировать.

Другой важный аспект – Концепция подчеркнула роль «мягкой силы» и информационной работы во внешней политике. Это отражало осознание того, что противостояние с Западом идёт не только на уровне танков и ракет, но и в сфере идей, образов, пропаганды. Россия к тому времени уже серьёзно инвестировала в создание альтернативных западным медиа: телекомпания Russia Today с 2005 г. вещала на иностранных языках, агентство «Спутник» и другие каналы доносили российскую точку зрения за рубежом. Министерство иностранных дел активно осваивало социальные сети. Все эти инструменты должны были бороться с русофобскими стереотипами и формировать более благоприятный имидж России за рубежом. Руководство страны открыто говорило о информационном противоборстве: так, министр С. Лавров в 2014 г. отмечал, что западные СМИ целенаправленно демонизируют Россию, и призывал увеличивать усилия по донесению объективной картины. В Концепции даже появился термин «информационное сопровождение внешней политики», что указывало на институционализацию этого направления.

Наконец, Концепция 2013 вновь вернулась к идее широкой коалиции с незападными державами. Отмечалось снижение возможностей «исторического Запада» доминировать и возрастание роли новых центров – Китая, других стран Азии. Это отразило курс России на диверсификацию внешних связей, снижение зависимости от Европы и США. Подобный подход был понятен: к тому времени отношения с Западом оставались сложными, зато на Востоке Россия успешно развивала партнерство с КНР. В 2012 г. с Китаем подписан огромный контракт в энергетике, вели переговоры по газовой

сделке. Закрепление многовекторности было призвано показать: Россия не изолирована, у неё есть альтернативы взаимодействия, и попытки Запада давления могут подтолкнуть её к более тесным союзам на Востоке. Впоследствии так и произошло, но в тот момент это была скорее декларация.

Можно сказать, что к 2013 г. внешнеполитическая доктрина России окончательно сформировалась как доктрина многополярности и суверенности, включающая ответ на русофобию. Под «русофобией» понимался широкий комплекс явлений: военные угрозы – расширение НАТО, политические – цветные революции, информационные – очернение образа РФ, культурные – ущемление позиций русского языка и искажение истории. Во всех этих измерениях Москва готовилась дать отпор. В речи В.Путина на Валдайском форуме осенью 2013 г. прозвучали слова о ценностях: он раскритиковал «неолиберальную» модель Запада, подчеркнул приверженность России традиционным ценностям и суверенитету²¹⁸. Это фактически заявило о новом идеологическом разрыве: Россия предъявила себя как альтернативный центр силы не только геополитически, но и идейно.

Оставался вопрос: насколько далеко зайдет эта конфронтация? Ответ дала Украина в 2014 году. В Концепции 2013, впрочем, предупреждения уже содержались. В разделе о региональных приоритетах отмечалось, что Россия будет стремиться к интеграции на постсоветском пространстве и недопущению новых очагов напряженности у своих границ. Украина упоминалась как ключевое направление. Она фигурировала в планах Евразийского экономического союза. Когда в конце 2013 г. начался кризис вокруг курса Украины, Россия отреагировала крайне болезненно, расценив поддержку Евромайдана со стороны США и ЕС как прямой вызов. В начале 2014 г. стало ясно, что назревает крупнейший разрыв в отношениях России и Запада за весь постсоветский период.

²¹⁸ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 10.05.2024).

Февраль 2014 года принёс тектонический сдвиг: в Киеве произошла смена власти в результате протестов Майдана, поддержанных западными странами. Пророссийски настроенный Президент В. Янукович бежал, к власти пришли оппозиционные силы, среди которых значительную роль играли националистические и антироссийские элементы. В Москве эти события были восприняты как незаконный государственный переворот, инспирированный Западом. Российское руководство публично заявило, что главными выгодоприобретателями в Киеве стали «националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты», которые теперь определяют политику Украины. Так резко и откровенно в Кремле ещё не высказывались о соседней стране – фактически новые украинские власти были немедленно делегитимированы в глазах российского общества.

Особое возмущение вызвали шаги новой власти, затрагивающие права русского и русскоязычного населения. Первым же решением Верховной Радой после смены режима стала попытка отменить закон о региональном статусе русского языка в феврале 2014 года²¹⁹. Хотя этот законопроект в итоге не был утверждён, сам факт послужил «триггером»: для миллионов жителей Юго-Востока Украины и Крыма он стал свидетельством того, что в Киев пришли люди с откровенно русофобскими намерениями. В Крыму и русскоязычных регионах прокатилась волна протестов против новой власти. В своем обращении 18 марта 2014 г. Владимир Путин напомнил об этом: «первые же шаги так называемых новых властей – скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, прямо ущемлявший права национальных меньшинств»²²⁰. По его словам, хотя под давлением западных спонсоров эта инициатива была отложена, всем стало ясно, «что именно намерены делать украинские идейные наследники Бандеры». В России понимали, что на

²¹⁹ Верховная рада Украины лишила русский язык статуса регионального <https://www.rbc.ru/politics/23/02/2014/5704180e9a794761c0ce700c?ysclid=mdbsrqb0ks977824467> (дата обращения: 10.05.2024).

²²⁰ Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 10.05.2024).

Украине установился режим, угрожающий русским людям – а значит, требуется защита от русофобии на самом высоком уровне, вплоть до вмешательства.

Крым, имея свыше 60% русских в населении и особый статус, стал эпицентром противодействия Киеву. Население полуострова, напуганное перспективой украинизации и радикального национализма, выразило стремление воссоединиться с Россией. Москва, как известно, не оставила эти призывы без ответа. В конце февраля – начале марта 2014 г. российские войска, включая силы Черноморского флота, дислоцированные по соглашению, взяли под контроль ключевые объекты в Крыму. Был организован срочный референдум, на котором, по официальным данным, подавляющее большинство жителей высказалось за воссоединение с РФ. 18 марта 2014 г. в Георгиевском зале Кремля Президент Путин подписал договор о принятии Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, выступив с программной речью, которая фактически закрепила новую внешнеполитическую реальность²²¹.

В этой речи Владимир Путин дал развёрнутое обоснование своим действиям, апеллируя и к исторической справедливости, и к необходимости защитить людей от русофобии. Он подчеркнул глубинные исторические связи Крыма с Россией, назвал произошедшее восстановлением порушенной в 1991 г. справедливости. Однако не меньшее место уделил описанию ситуации на Украине: по словам В.Путина, власть в Киеве узурпировали радикалы, которые «ничего не контролируют, а сами находятся под контролем боевиков Майдана». Он заявил, что сопротивлявшимся путчу сразу же начали грозить репрессиями, и «первым на очереди был, конечно, Крым – русскоязычный Крым». Жители полуострова обратились к России за помощью, и Москва не

²²¹ «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // «Собрание законодательства РФ», 07.04.2014, № 14, ст. 1570.

могла их бросить: «мы не могли оставить Крым и севастопольцев в беде, иначе это было бы предательством»²²². В этих словах – квинтэссенция объявленного курса: Россия берет на себя ответственность защищать своих, где бы они ни находились, от угрозы националистического произвола. Путин прямо охарактеризовал новые киевские власти как русофобские силы – с упоминанием неонацистов – и указал, что они уже показали своё истинное лицо в первых решениях. Не доверять их дальнейшим обещаниям у Москвы оснований не было. Таким образом, воссоединение Крыма с Россией обосновывалась гуманитарными мотивами – защитой от русофобии и насилия и, безусловно, волеизъявлением жителей полуострова.

Кроме того, президент РФ вновь обратился к обвинениям в адрес Запада. Он указал на двойные стандарты: Запад признавал Косово без разрешения Белграда законным, а крымчанам отказывает в праве на самоопределение. Он процитировал изречения западных юристов и официальных лиц: мол, одностороннее провозглашение независимости может нарушать внутренние законы, но не является нарушением международного права. «Сами написали, раструбили на весь мир, а теперь возмущаются. Почему можно албанцам в Косово, а русским, украинцам и крымским татарам в Крыму нельзя?» – спрашивал Путин. И выводил: дело не в праве, а в политике, в примитивном цинизме и подходе «друзьям – всё, врагам – закон». Эти слова одобрительно встретили в России: они легли на благодатную почву общественного мнения, долгие годы убеждаемого в несправедливом и русофобском отношении Запада к РФ. Крымская речь Путина получила широкий резонанс. В ней многие увидели окончательное оформление новой доктрины: Россия не уступит в вопросах, затрагивающих её существующие или исторические границы и людей, которых считает своими; в случае угрозы она готова действовать в обход западных институтов, опираясь на собственное понимание справедливости и международного права.

²²² Путин В. В. Обращение Президента России В. В. Путина (Крымская речь). 18 марта 2014 г. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/39444> (дата обращения: 10.05.2024).

Реакция Запада на крымские события была крайне жёсткой. Уже в марте 2014 г. США и ЕС ввели первые санкции против ряда российских должностных лиц, а затем – экономические секторальные санкции. Россия была исключена из G8²²³. Сотрудничество с НАТО вновь полностью прервано. В западной прессе Россию называли агрессором и нарушителем послевоенного порядка. В свою очередь, российские официальные лица заговорили о начале «новой холодной войны». Отношения ухудшились стремительно и, как казалось, надолго. В конце 2014 г. Россия утвердила новую редакцию Военной доктрины, в которой прямо указала в числе главных внешних опасностей «приближение военной инфраструктуры НАТО к границам РФ» и общую дестабилизацию у российских границ. Отдельно отмечалась растущая угроза применения информационно-коммуникационных технологий в военных политических целях – фактически речь о развязанной против России информационной войне. Закреплялась готовность применять ядерное оружие при угрозе самому существованию государства. Эти положения отражали новое реалистичное понимание ситуации: конфронтация с Западом стала фактом, и русофобия – не просто риторика, а реальный фактор политики, от которого следует защищаться всеми средствами.

События 2014 г. имели и значимое культурно-идеологическое измерение. Российские СМИ развернули масштабную кампанию по дискредитации новых украинских властей и их западных покровителей. Центральными образами стали «фашисты» и «русофобы» в Киеве, марионетки Запада. Одновременно в западном мире поднялась волна антироссийской риторики – рейтинги одобрения России в США и Европе рухнули до минимальных значений с 1991 г.²²⁴ Русскоязычные эмигранты в некоторых

²²³ Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine [Электронный ресурс] // Federal Register. – <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine> (дата обращения: 10.05.2024).

²²⁴ Каширина, Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений / Т. В. Каширина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 390-397.

странах столкнулись с проявлениями бытовой враждебности. Всё это взаимно подпитывало обличения: Москва говорила о «шкале русофобии» на Западе, западные столицы – о «пропаганде кремлёвской машины». Произошло резкое размежевание ценностей: если раньше разногласия касались в основном геополитики, то после 2014 г. они обрели характер цивилизационного раскола. Российские официальные лица стали продвигать тезис о «Русском мире» – наднациональном сообществе, объединённом русской культурой и православием, противостоящем агрессивному либеральному глобализму. Запад же всё чаще обвинял Россию в реваншизме и империализме, а её разговоры о защите соотечественников называл прикрытием экспансии. Иными словами, произошла окончательная доктринальная консолидация конфронтации: каждая сторона очертила другую в крайне негативных тонах. Для российской доктрины понятие «русофобия» стало своего рода объяснительной схемой: ухудшение отношений – следствие русофобии элит Запада, которые не хотят допустить усиления РФ как конкурента, поэтому прибегают к давлению и изоляции России. В свою очередь, ответом России заявлялась стратегическая автономия – опора на собственные силы и союзников вне Запада, развитие Евразийского экономического союза, расширение связей с Китаем, Индией, странами БРИКС. Путин в 2014–2015 гг. провозгласил «поворот на Восток», констатируя, что рассчитывать на прежние отношения с Западом более не приходится.

Итак, присоединение Крыма в 2014 г. можно рассматривать как точку не только политического, но и концептуального перелома. Россия закрепила на практике положения, зревшие в её доктрине последние два десятилетия: она готова бросить вызов однополярному порядку, силой остановить продвижение НАТО, защитить русских людей от русофобски настроенных режимов. Все элементы, рассмотренные ранее – военные, включая силовое сдерживание НАТО, дипломатические – создание альтернативных союзов и культурно-идеологические – противостояние ценностям Запада – сошлись воедино в украинском кризисе. После него внешняя политика России приобрела чётко

выраженную конфронтационную направленность, которую сами российские идеологи объясняли многолетним давлением и враждебностью Запада. В этом смысле русофобия – сколь бы спорным ни был этот термин – стала в глазах Москвы не эпизодической риторикой, а структурным фактором, определившим всю эволюцию отношений с 1991 по 2014 гг.²²⁵.

Рассмотренный период 1991–2014 гг. демонстрирует поступательную эволюцию внешнеполитической доктрины России под воздействием комплекса факторов, объединяемых понятием «русофобия». В начале 1990-х годов Россия надеялась на вхождение в западный мир, однако столкнулась с недоверием и стремлением Запада воспользоваться ее слабостью. Расширение НАТО и другие шаги, игнорировавшие интересы безопасности РФ, заложили основу для разочарования. Это разочарование постепенно оформилось в новое доктринальное видение: Россия должна опираться на собственные силы, отстаивать свой статус и противостоять любым проявлениям враждебности, исходящим от внешнего мира.

Фундаментальные документы – Концепции внешней политики 2000, 2008, 2013 гг. – зафиксировали переход от внешнеполитической адаптации к внешнеполитической эмансипации. Уже в Концепции 2000 прямо констатировано крушение надежд на равноправное партнерство с Западом, а в Концепции 2013 утверждено, что мир движется к многополярности, где Россия будет самостоятельно защищать свои национальные интересы и ценности. Эти программные заявления стали ответом на то, что Россия воспринимала как системную русофобию – стремление исключить её из числа влиятельных держав, окружить военными базами, подвергнуть идеологическому и информационному давлению. Реакция России последовательно усиливалась: от мягкой дипломатии 1990-х – к более твёрдой

²²⁵ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 26 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

линии 2000-х и, наконец, к решительным действиям в 2014 г., включая применение силы и резкий разрыв с прежними международными правилами игры.

На каждом этапе военные, дипломатические и культурные ответы России на внешнее давление приобретали всё более жёсткий характер. В военной сфере пройден путь от сокращения вооружений и односторонних уступок начала 1990-х до демонстрации силы, как в 2007 г., когда возобновились патрули стратегической авиации, или в 2008 г. в ходе конфликта с Грузией, и дальнейшего наращивания обороноспособности. К 2014 г. Россия сделала ставку на модернизацию армии, усилила военное присутствие в ключевых точках. В Крыму после его воссоединения с РФ был развернут мощный межвидовой контингент. Военная доктрина жёстко предупредила о готовности России применить любые средства для защиты своего существования. Все эти меры – ответ на приближение НАТО и на те риски, которые сулит русофобская стратегия Запада.

В дипломатической сфере Россия от попыток встроиться в западные структуры перешла к созданию собственных международных объединений и углублению связей с незападными державами. Уже с конца XX века в качестве противовеса западным «разделительным линиям» выдвигались идеи евразийской интеграции. К 2014 г. сформировался Евразийский экономический союз, активизировалась деятельность БРИКС и ШОС, позиционируемых как альтернативные площадки сотрудничества. Одновременно Россия не отказывалась от участия в глобальных форумах – ООН, «двадцатке» – но использовала их для отстаивания своих принципов, например, блокируя в СБ ООН решения по Сирии, которые считала навязанными прозападной коалицией²²⁶. По сути, российская дипломатия выработала двойной подход: там, где возможно – сотрудничество, но без

²²⁶ Рудницкий, А. Ю. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии: история и современность / А. Ю. Рудницкий, В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Конфликтология. – 2020. – № 2. – С. 26-34.

ущерба суверенитету; там, где требуется – жёсткое противодействие, вплоть до применения права вето или выхода из соглашений, как было с ДОВСЕ. К 2014 г. дипломатический ландшафт вокруг РФ кардинально изменился: отношения с Западом фактически деградировали до уровня обмена санкциями и обвинениями, зато взаимодействие с Китаем, Индией, многими развивающимися странами достигло беспрецедентной глубины. В Кремле это объясняли именно русофобской политикой США и ряда союзников, которая, с точки зрения Москвы, вынудила Россию «развернуться на Восток» и искать там компенсации потерянных связей на Западе.

На культурно-идеологическом направлении Россия также перешла от обороны к наступлению. Если в 1990-е она пыталась «понравиться» Западу, перенимая его дискурс, то с середины 2000-х началась идеологическая контратака²²⁷. Были артикулированы особые ценности «Русского мира», подчеркнута роль православия, традиционной семьи, суверенной демократии. Российское руководство выставило себя хранителем «истинных» или «традиционных» ценностей, противопоставляя их западному либерализму, объявленному лицемерным и упадочным²²⁸. Такая риторика, с одной стороны, консолидировала общество внутри страны на патриотической почве, с другой – нашла отклик у определённых политических сил на Западе. В 2013 г. Россия приняла закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних – шаг, вызвавший резкую критику Запада, но внутри РФ и в некоторых других государствах приветствуемый как защита

²²⁷ Laruelle, M. Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: An Ideology at the Lowest Cost // Russian Analytical Digest. 2013. No. 138. P. 2–4. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD138.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

²²⁸ О создании фонда «Русский мир»: Указ Президента РФ от 21.06.2007 № 796 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102114109> (дата обращения: 23.05.2024). Сурков, В. Ю. Мы строим суверенную демократию // Российская газета. 29.06.2006. URL: <https://rg.ru/2006/06/29/kreml.html> (дата обращения: 06.09.2025); см. также: Сурков, В. Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43. (републ.: <https://surkov.info/nacionalizaciya-budushhego-polnaya-versiya/>) (дата обращения: 23.05.2024).

морали. Внешнеполитическая концепция 2013 г. отразила эти тенденции, указав на необходимость диалога цивилизаций, уважения культурного многообразия и недопустимости навязывания ценностных ориентиров. По сути, Москва предъявила Западу встречное обвинение: не только вы нас геополитически давите, но и пытаетесь разрушить нашу идентичность – а это и есть проявление глубинной русофобии, с которой мы не смиримся.

Таким образом, к 2014 г. внешнеполитическая доктрина России эволюционировала от попыток вписаться в существующий мировой порядок – к стремлению этот порядок перекроить на своих условиях. Русофобия сыграла в этом ключевую роль «инверсивного катализатора»: чем больше в Москве ощущали враждебность и непризнание со стороны Запада, тем более независимым и твердым становился внешнеполитический курс. От дипломатических нот и увещаний конца XX века Россия перешла к формированию собственных интеграционных проектов, информационных сетей и военных контрмер. Итогом стало фактическое восстановление стратегической автономии – возможности действовать вне оглядки на Запад. Конечно, это сопровождалось ростом конфронтации и новыми рисками, вплоть до санкций и изоляции, но к 2014 г. в Москве были готовы принять эти издержки. Как отмечал И. Иванов, бывший глава МИД РФ: при всех негативных последствиях конфликтов 2008 и 2014 годов, следует помнить, что виновником кризиса безопасности стало «недальновидное разрушение хрупких основ отношений Россия–НАТО» Западом, и что в обоих случаях России пытались навязать угрозу ее интересам, поставив перед свершившимся фактом²²⁹. Такая оценка, разделяемая российским руководством, оправдывала поворот к более конфронтационной, но суверенной политике.

²²⁹ Игорь Иванов: Ситуация в Европе сейчас даже сложнее, чем она была в 90-е [Электронный ресурс] // Российская газета. – <https://rg.ru/2022/02/02/igor-ivanov-situaciia-v-evrope-sejchas-dazhe-slozhnee-chem-ona-byla-v-90-e.html?ysclid=mdbsxt2zmm574995954> (дата обращения: 23.05.2024).

После 2014 г. тенденции, описанные выше, лишь усилились. Однако выходят за рамки данного исследования. Можно констатировать, что в 1991–2014 гг. российская внешнеполитическая доктрина прошла сложный путь адаптации к новой международной среде, где элемент враждебности со стороны части западного истеблишмента стал одним из определяющих факторов. Ответом Москвы стало последовательное усиление самостоятельности – от мягкой силы к жёсткой силе, от диалога к отпору. Русофобия превратилась в зеркальное понятие, через которое Россия объясняет и оправдывает свою внешнюю политику: сначала как попытку защититься, а затем – как право на активные действия во имя своей безопасности и самобытности.

Выводы по параграфу 1:

Вывод по данному параграфу позволяет отметить, что феномен русофобии стал одним из ключевых факторов трансформации внешнеполитического курса России в период с 1991 по 2014 гг. На первом этапе, в начале 1990-х гг., руководство РФ воспринимало западные нарративы скорее, как досадное недоразумение, стараясь компенсировать их демонстрацией лояльности и готовности к сотрудничеству. Однако опыт расширения НАТО, военных действий на Балканах, критики в адрес российской внутренней политики и «цветных революций» в постсоветском пространстве постепенно сформировал у российской элиты представление о системном характере антироссийской риторики. В этой связи русофобия перестала восприниматься как фон, а стала трактоваться как устойчивая составляющая международной среды, требующая ответных мер.

С исторической точки зрения, это привело к постепенной эволюции российской внешнеполитической идентичности. Если в 1990-е гг. Москва стремилась встроиться в западнцентричный порядок, то к середине 2000-х годов началось движение к формированию самостоятельной стратегии, в которой ключевым стало стремление к защите суверенитета и национальной идентичности. Русофобские установки, выразившиеся как в официальной

риторике западных акторов, так и в медийных дискурсах, в России стали интерпретироваться как угроза не только текущей политике, но и исторической субъектности страны. В ответ усилилось обращение к концептам «многополярности», «Русского мира», «традиционных ценностей», что в свою очередь закреплялось в доктринальных документах — от военной и внешнеполитической доктрины до президентских выступлений.

Таким образом, феномен русофобии способствовал консолидации внешнеполитического курса России, трансформировав его из реактивного в проактивный. Россия стала всё более активно позиционировать себя как самостоятельный центр силы, готовый не только защищаться, но и предлагать альтернативные модели развития и международного сотрудничества. Историческая динамика 1991–2014 гг. свидетельствует, что именно восприятие русофобии как структурного вызова подтолкнуло Москву к выстраиванию долгосрочной стратегии сопротивления, основанной на сочетании военных, дипломатических и культурно-идеологических инструментов.

В этом смысле можно утверждать, что внешнеполитическое поведение России в начале XXI века неразрывно связано с осознанием необходимости преодоления дискриминационных дискурсов. Русофобия, будучи продуктом более широкой цивилизационной конфронтации, стала катализатором укрепления российской субъектности и самостоятельности на международной арене. С историко-научной точки зрения это отражает закономерный процесс формирования нового этапа российской внешней политики — перехода от адаптации к западным нормам к созданию собственных стратегических ориентиров, что и определило характер международного курса России в последующие годы.

§2. Стратегия Сербии по противостоянию сербофобии в международных конфликтах 1991 – 2014 гг.

Период с начала 1991 г. до середины 2010-х для внешней политики Сербии был временем крайней напряженности, системных международных

вызовов и репутационного давления. Крушение Социалистической Федеративной Республики Югославия сопровождалось не только распадом союзных структур, но и резкой деградацией международного имиджа Сербии, которая в западной политической риторике и СМИ последовательно представлялась в образе главного агрессора, виновника войн и гуманитарных катастроф. Сербобобия в этом контексте выступала не только как культурный или идеологический предрассудок, но как инструмент внешнеполитической изоляции и моральной делегитимации Белграда²³⁰.

С началом гражданских войн в Хорватии в 1991 г. и особенно в Боснии и Герцеговине в 1992 г. в международной среде закрепился стереотип о Сербии как о государстве, поддерживающем вооружённую экспансию и этнические чистки. Такие оценки усиливались постоянной медийной репрезентацией сербской стороны как безусловно виновной и жестокой. Европейские и американские издания систематически воспроизводили материалы, в которых сербские действия подавались как акты насилия, а политическое руководство Белграда — как недемократичное, реваншистское и ретроградное. Эта картина редко учитывала сложный этнополитический контекст, в том числе факты насилия и дискриминации против сербов в Хорватии, Боснии или Косово.

Формирование негативного образа Сербии сопровождалось институциональной реакцией на международном уровне. Уже в 1992 году Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 757, вводившую широкие экономические санкции против Союзной Республики Югославия²³¹. Впоследствии были установлены ограничения на международные контакты, участие в спортивных и культурных мероприятиях, а также заморозка активов. Всё это усиливало международную изоляцию и символически подчеркивало

²³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 5, опись 5, дело 123, листы 32-45.

²³¹ Резолюция СБ ООН 757 [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — <https://m.bigenc.ru/vault/76dc7db20197b37fa5a18ac502c75d59.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

статус Белграда как «государства-изгоя». Однако за рамками формальных решений скрывалась политическая и культурная подоплёка: санкции сопровождались демонизирующей риторикой, в которой сербы как народ ассоциировались с войной, насилием и «балканским варварством».

Кульминацией процесса международной изоляции и усиления негативного восприятия сербского государства стал Косовский кризис, разворачивавшийся с 1998 года и достигший апогея в 1999 году. Эскалация насилия в Косово между сербскими военными и полицией, с одной стороны, и боевиками Армии освобождения Косово (АОК), с другой, сопровождалась масштабной кампанией в западных СМИ, где происходящее трактовалось исключительно через призму жестокости сербской стороны. Риторика «гуманитарной интервенции» начала формироваться задолго до начала военной операции НАТО: в западных столицах происходило последовательное наращивание дискурсивного давления, в котором действия Белграда сравнивались с геноцидом и этнической чисткой. Убийство 45 человек в деревне Рачак в январе 1999 года было мгновенно интерпретировано как преднамеренное массовое уничтожение албанских гражданских лиц. Несмотря на отсутствие международного расследования, эти события стали непосредственным поводом для начала бомбардировочной кампании, хотя дипломатические инструменты урегулирования кризиса к тому моменту ещё не были исчерпаны.

24 марта 1999 года НАТО начала операцию «Союзная сила» (Operation Allied Force) без мандата Совета Безопасности ООН, что вызвало споры о её правомерности даже среди западных правоведов. Впервые со времён Второй мировой войны авиация Альянса нанесла удары по европейскому государству, не находящемуся в состоянии международного конфликта с его членами. Операция сопровождалась разрушением инфраструктуры, гибелью мирных жителей и разрушением объектов, не имевших военного значения. Тем не менее в риторике западных лидеров подобные действия оправдывались необходимостью предотвращения «нового Холокоста» в Косово. Такие

заявления не только драматизировали ситуацию, но и окончательно формировали Сербию как образ абсолютного зла в международном восприятии.

Таким образом, сербофобия в этот период приобрела функциональный характер: она стала не просто следствием политического конфликта, а его инструментом. Демонизация сербов на уровне политической риторики, медийных интерпретаций и экспертных комментариев легитимировала внешнеполитические действия, которые в ином контексте могли быть признаны нарушением международного права. Фактически, Белград оказался не только в статусе международного изгоя, но и в роли «удобного врага» для формирования солидарности внутри евроатлантического сообщества.

На этом фоне дипломатическая стратегия Сербии приобретала оборонительный характер. Белград стремился использовать все возможные форматы международного диалога для демонстрации своей позиции. Несмотря на крайне ограниченные ресурсы, сербская дипломатия продолжала участвовать в работе ООН, где последовательно подчёркивала приверженность резолюции 1244²³², утверждавшей территориальную целостность Югославии и, соответственно, Сербии. Даже после фактической утраты контроля над Косово и размещения там международной администрации, сербские представители настаивали на незаконности военной интервенции и недопустимости провозглашения независимости края.

Значительную роль в дипломатической стратегии Белграда играло взаимодействие с традиционными партнёрами, прежде всего с Российской Федерацией. Москва, как постоянный член Совета Безопасности, выступала с резкой критикой односторонних действий НАТО, рассматривая их как нарушение основополагающих принципов международных отношений. Поддержка со стороны России позволяла Белграду сохранять минимальный

²³² Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.05.2024).

уровень международной субъектности и блокировать попытки полной легитимации отделения Косово. Это сотрудничество было не только политическим, но и символическим: оно демонстрировало, что Сербия не осталась в международной изоляции, несмотря на попытки маргинализации со стороны ведущих западных держав.

Серьёзным вызовом для внешнеполитической линии Сербии стала трансформация подхода к международным институтам после 2000 года. Политические изменения, последовавшие за свержением режима Слободана Милошевича, сопровождались не только внутренними реформами, но и попытками переосмысления дипломатического курса. Новое руководство стремилось переориентировать внешнюю политику с конфронтационного на прагматичный вектор, при этом одновременно стараясь сохранить исторические и национальные интересы, в том числе в вопросе Косово. Однако это сближение с западными структурами не означало устранения имиджевых последствий десятилетия сербофобской кампании: негативные образы, закреплённые в международном восприятии, продолжали оказывать влияние на двусторонние и многосторонние отношения.

Особое место в этом процессе заняла стратегия по восстановлению дипломатических отношений и демонстрации приверженности международному праву. Белград делал ставку на активное участие в работе международных организаций, включая Организацию Объединённых Наций, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы, а позднее — в программах Европейского союза. При этом сербские представители последовательно поднимали вопрос о политизированности подхода к интерпретации югославских конфликтов, подчеркивая, что в международной практике укрепился асимметричный нарратив, в котором действия Сербии изначально трактовались как заведомо нелегитимные. На дипломатических площадках Белград выступал с инициативами, направленными на необходимость соблюдения принципа территориальной

целостности, защиты прав национальных меньшинств и необходимости комплексной оценки трагедии 1990-х годов.

Центральным звеном в попытке восстановления утраченного международного доверия стала политика «европейской интеграции». Уже в 2003 году, в ходе саммита в Салониках, Сербия получила официальную перспективу членства в Европейском союзе²³³. С этого момента дипломатическая риторика Белграда всё чаще включала ссылки на европейские ценности, верховенство права, реформирование судебной системы и прозрачность в международном сотрудничестве. Однако продвижение по пути интеграции оказалось сопряжено с рядом внешнеполитических компромиссов, к которым общественное мнение внутри страны относилось крайне неоднозначно. Одним из таких шагов стало вынужденное сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), деятельность которого в сербском обществе рассматривалась как олицетворение институционализированной сербофобии²³⁴.

Сотрудничество с МТБЮ стало неотъемлемым условием европейской политики соседства, что прямо фиксировалось в документах Европейской комиссии и резолюциях Европейского парламента²³⁵. Выдача лиц, обвинённых в военных преступлениях, в том числе Р. Караджича и

²³³ The Delegation of the European Union to the Republic of Serbia [Электронный ресурс] // EU u Srbiji. – <https://web.archive.org/web/20160304200950/http://europa.rs/eng/serbia-and-the-european-union> (дата обращения: 23.05.2024).

²³⁴ Public Opinion Poll: Attitudes towards war crimes issues, ICTY and the national judiciary [Электронный ресурс] / OSCE Mission to Serbia. 10.05.2012. URL: <https://www.osce.org/serbia/90422> (дата обращения: 23.05.2024).

²³⁵ European Commission. Serbia 2011 Progress Report: Commission Staff Working Document SEC(2011) 1208 final [Электронный ресурс]. Brussels, 12.10.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=SEC:2011:1208:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 23.05.2024).

European Parliament. Resolution of 19 January 2011 on the European integration process of Serbia (TA-7-2011-0014) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0014_EN.html (дата обращения: 23.05.2024).

Р. Младича, сопровождалась глубокой поляризацией в сербском обществе²³⁶. С одной стороны, этот шаг рассматривался как необходимый для преодоления международной изоляции, с другой — как акт внешнего давления и отказ от национального достоинства. Более того, при всей демонстрации формальной нейтральности, практика работы Трибунала продолжала вызывать критику за избирательность и юридическую необоснованность ряда обвинений. Сербские дипломаты в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН, а также в специальных комиссиях Совета Европы не раз высказывали сомнения в объективности МТБЮ и указывали на несоблюдение процедурных норм, что фактически закрепляло представление о сербском факторе как о «виновнике по умолчанию»²³⁷.

На этом фоне внешнеполитическая стратегия Белграда включала не только институциональное присутствие, но и активную работу по формированию альтернативной версии событий в международном экспертном и информационном пространстве. Правительство Сербии и связанные с ним учреждения последовательно выпускали англоязычные издания, рассчитанные на зарубежную академическую и экспертную аудиторию. Так, Министерство культуры подготовило иллюстрированный том «March Pogrom in Kosovo and Metohija, March 17–19, 2004», фиксирующий разрушения и нападения на православные святыни и сербское население²³⁸. Сербская

²³⁶ Većina protiv hapšenja Mladića [Электронный ресурс] // B92, Beta. 14.03.2004. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?dd=14&mm=03&nav_category=64&nav_id=162868&yyyy=2004 (дата обращения: 23.05.2024).

Beogradski centar za ljudska prava. Haške nedoumice (drugo izdanje) [Электронный ресурс]. — Beograd, 2013. URL: https://bgcentar.rs/bgcentar/wp-content/uploads/2013/12/Ha%C5%A1ke_nedoumice_drugo_izdanje_2013.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

²³⁷ General Assembly, in Thematic Debate, Hears that International Criminal Justice Is an Important Tool in Combating Atrocities; Reconciliation Requires Truth [Электронный ресурс] // UN Meetings Coverage and Press Releases (GA/11355), 10.04.2013. URL: <https://press.un.org/en/2013/ga11355.doc.htm> (дата обращения: 23.05.2024).

²³⁸ March Pogrom in Kosovo and Metohija, March 17–19, 2004 / Ministry of Culture of the Republic of Serbia; Museum in Priština. — Belgrade: Ministry of Culture of the Republic of Serbia; Museum in Priština, 2004. — 432 p. — ISBN 86-7263-096-1. — URL: <https://www.koreni.rs/march-pogrom-in-kosovo-and-metohija-march-17-19-2004/> (дата обращения: 23.05.2024).

православная церковь выпустила документальный альбом «Crucified Kosovo» с систематизацией данных о разрушенных храмах летом–осенью 1999 г., а перечень уничтоженных и осквернённых объектов был официально направлен в Совет Безопасности ООН (S/1999/1263)²³⁹. Внешнеполитическое ведомство СРЮ представило англоязычный сборник «NATO Crimes in Yugoslavia: Documentary Evidence»²⁴⁰. Академическое сопровождение темы обеспечили, в частности, английские издания Белградского университета по правовому режиму охраны православного наследия. Для фиксации преступлений против сербского населения в Хорватии и в ходе операции «Буря» использовались англоязычные досье и отчёты правозащитных организаций²⁴¹. Масштабы насилия и ущерба культурному наследию в Косово в 1999–2004 гг. дополнительно отражены в аналитических материалах ОБСЕ²⁴². Хотя эффект от них был ограничен, они стали частью более широкой стратегии

²³⁹ Crucified Kosovo: Destroyed and Desecrated Serbian Orthodox Churches and Monasteries in Kosovo and Metohija (June–October 1999) / Serbian Orthodox Church, Diocese of Raška and Prizren, Information Service. — Belgrade, 1999. — 79 p. — URL: <http://www.kosovo.net/crucified/default4.htm> (дата обращения: 03.06.2024).

United Nations Security Council. Letter dated 30 December 1999 from the Chargé d'affaires a.i. of the Federal Republic of Yugoslavia addressed to the President of the Security Council: Annex — Destroyed and desecrated churches and monasteries in Kosovo and Metohija, June–October 1999. — S/1999/1263. — New York, 30.12.1999. — URL: <https://undocs.org/en/S/1999/1263> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴⁰ NATO Crimes in Yugoslavia: Documentary Evidence / Federal Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Yugoslavia. — Belgrade: FMFA FRY, 1999. — 443 p. — URL: <https://archive.org/details/nato-crimes-in-yugoslavia> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴¹ Human Rights Watch. Impunity for Abuses Committed during “Operation Storm” and the Denial of the Right of Refugees to Return to the Krajina. — New York: HRW, 01.08.1996. — URL: <https://www.hrw.org/report/1996/08/01/impunity-abuses-committed-during-operation-storm-and-denial-right-refugees-return> (дата обращения: 03.06.2024).

Amnesty International. Croatia: Impunity for killings of Serbs and lack of justice for war crimes. — London: Amnesty International, 1998. — (EUR 64/04/98). — URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/eur640041998en.pdf> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴² OSCE/ODIHR. Kosovo/Kosova: As Seen, As Told. An Analysis of the Human Rights Findings of the OSCE Kosovo Verification Mission, October 1998 – June 1999. — Warsaw: OSCE/ODIHR, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/odihr/17772> (дата обращения: 06.09.2025).

OSCE Mission in Kosovo. Human Rights in Kosovo: As Seen, As Told. Volume II, 14 June – 31 October 1999. — Pristina: OSCE, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/kosovo/17781> (дата обращения: 03.06.2024).

символического восстановления правды и борьбы с дискриминационными нарративами.

Ключевым направлением внешнеполитической стратегии Сербии в рассматриваемый период стала борьба за международное непризнание односторонне провозглашённой независимости Косово. 17 февраля 2008 года парламент в Приштине, при поддержке США, Великобритании, Франции и Германии, объявил о независимости края, что стало кульминацией многолетнего давления на Белград и консолидации западного курса по переформатированию Балканского пространства. Для сербской дипломатии данный акт стал не только нарушением резолюции 1244 СБ ООН²⁴³, но и фундаментальным вызовом основам международного права, закрепляющим суверенитет и территориальную целостность государств.

Реакция Белграда последовала незамедлительно: было принято решение о дипломатической кампании, направленной на недопущение признания Косово как независимого субъекта. Правительство Сербии сформировало специальные внешнеполитические миссии, которые в координации с МИД и аналитическими центрами проводили переговоры с десятками стран в Азии, Африке и Латинской Америке, разъясняя правовую и политическую подоплёку конфликта²⁴⁴. Центральное место в аргументации Белграда занимал тезис о недопустимости прецедента, который может подорвать глобальную стабильность, спровоцировав цепную реакцию сепарационных заявлений в других регионах, таких как Каталония, Палестина и др.

В этом контексте особенно активизировалась работа на площадке ООН, где сербская делегация, опираясь на поддержку России и Китая, заблокировала любые попытки придать одностороннему акту Приштины международную

²⁴³ Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴⁴ Бочарова, З. С. Внешнеполитическая ориентация Республики Сербия на современном этапе / З. С. Бочарова, Б. Нацзыкэ // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика – 2023. – № 3. – С. 43-60.

легитимность. Значимым шагом стало обращение Сербии в Международный суд ООН с запросом о правомерности провозглашения независимости Косово. Несмотря на то, что в 2010 году суд постановил, что сам акт провозглашения не нарушает международного права, указав при этом, что не оценивает последствий признания, Белград использовал это решение для продолжения своей кампании, акцентируя внимание на политических, а не только юридических аспектах ситуации²⁴⁵.

На фоне ограниченной поддержки со стороны западных стран Сербия выстраивала коалиции с государствами глобального Юга, где её позиция находила гораздо большее понимание. В частности, более 90 стран мира на 2014 год не признали Косово, а часть из них даже отозвали свои признания, сославшись на нарушение международных процедур и давление со стороны западных столиц. Такая ситуация была воспринята в Белграде как дипломатическая победа, позволившая приостановить ползучую легализацию сепаратизма. Важную роль в этом процессе сыграло стратегическое партнёрство с Российской Федерацией, которая не только предоставляла политическое прикрытие в Совете Безопасности, но и содействовала переговорам с государствами СНГ, ШОС, ОДКБ и другими региональными объединениями.

Сербское руководство активно использовало формат Генеральной Ассамблеи ООН для продвижения своей позиции. Представители Белграда выступали с заявлениями, в которых подчёркивали, что Косово является неотъемлемой частью сербского суверенного пространства, и что любые попытки его легализации будут рассматриваться как нарушение фундаментальных норм Устава ООН²⁴⁶. Параллельно велась работа в Совете Европы, ОБСЕ и других структурах, где Белград стремился блокировать

²⁴⁵ О ситуации в Косовском урегулировании [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1749258/?ysclid=mdbt5h6eoc152719918 (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴⁶ Backing Request by Serbia, Генеральная Ассамблея ООН, 8 октября 2008 г. / Press release. — New York: United Nations, 2008. — URL: <https://press.un.org/en/2008/ga10764.doc.htm> (дата обращения: 03.06.2024).

участие Косово в качестве независимого субъекта. Особое значение имела работа с ЮНЕСКО, где Сербия отстаивала права на защиту сербского культурного наследия в Косово, включая православные монастыри, подвергшиеся разрушению или захвату после 1999 года²⁴⁷. Апелляции к культурному и историческому континуитету стали важной частью символической дипломатии Сербии в этот период.

Помимо работы в официальных дипломатических каналах, сербская стратегия включала и так называемую «народную дипломатию». Использовались ресурсы сербской диаспоры в Северной Америке, Европе и Австралии, создавались неправительственные организации, целью которых было освещение сербской позиции в местных медиа, университетах и экспертных сообществах. Эти структуры взаимодействовали с лоббистами, политиками, учёными и правозащитниками, добиваясь создания альтернативных нарративов, противостоящих глубоко укоренившимся образам «сербского милитаризма» и «этнической нетерпимости». Постепенно формировалась сеть аналитических платформ, выпускавших материалы по вопросам нарушения прав сербского меньшинства в Косово, дискриминации в Хорватии, репрессий в Боснии, включая проблему централизованной власти в Сараево и ущемления интересов Республики Сербской.

Несмотря на сохраняющееся давление и устойчивые стереотипы, после 2010 г. в международной политической и академической среде начали проявляться признаки постепенного пересмотра одностороннего восприятия конфликтов конца XX века. В ряде научных исследований стали появляться голоса, указывающие на необходимость более беспристрастного подхода к событиям на Балканах. Так, Х.Доннан в коллективной монографии «A Companion to Border Studies» 2012 года подчёркивает важность

²⁴⁷ UNESCO in Serbian Foreign Policy. Protection of Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija / Ministry of Foreign Affairs of Serbia. — Belgrade: MFA RS, [s.a.]. — URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/serbia-international-organizations/unesco/serbia-unesco> (дата обращения: 10.09.2024).

межграничного и межэтнического понимания конфликтов²⁴⁸. Хотя попытки взглянуть на конфликт более объективно предпринимались и ранее, но в единичных случаях. Так, М.Мандельбаум в статье «A Perfect Failure: NATO's War against Yugoslavia» 1999 года критикует одностороннюю трактовку действий НАТО и указывает на сложность конфликта²⁴⁹. А также в публикации «A Perfect Polemic: Blind to Reality on Kosovo» акцентирует внимание на необходимости признания жертв всех сторон²⁵⁰. Появление альтернативных трактовок событий, в которых признавались жертвы всех сторон и осуждались акты насилия независимо от этнической принадлежности, стало важным фактором в стратегии Сербии по нормализации своего образа в глобальной политике.

Одним из главных направлений внешней политики Сербии после 2008 года стало позиционирование себя как ответственного и прагматичного партнёра, способного к диалогу даже в условиях глубоких противоречий. Белград активно участвовал в многосторонних инициативах, связанных с региональной стабильностью, антикризисным управлением, борьбой с организованной преступностью и терроризмом. Эти действия носили не только прагматичный характер, но и имели символическую нагрузку: они демонстрировали отказ от политической изоляции и стремление интегрироваться в архитектуру европейской безопасности.

Примером такой политики стала активная роль Сербии в процессе нормализации отношений с соседними государствами, несмотря на

²⁴⁸ Donnan, H. (ed.) *A Companion to Border Studies*. — Malden: Wiley-Blackwell, 2012. — 640 p. — URL: <https://download.e-bookshelf.de/download/0000/5947/78/L-G-0000594778-0002385682.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁴⁹ Mandelbaum, M. *A Perfect Failure: NATO's War against Yugoslavia*. // *Foreign Affairs*. — Vol. 78, No. 5 (Sep.–Oct., 1999). — P. 2–8. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1999-09-01/perfect-failure> (дата обращения: 05.03.2025).

²⁵⁰ Mandelbaum, M. *A Perfect Polemic: Blind to Reality on Kosovo*. // *Foreign Affairs*. — Vol. 78, No. 6 (Nov.–Dec., 1999). — P. 150–156. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/kosovo/1999-11-01/perfect-polemic-blind-reality-kosovo> (дата обращения: 05.03.2025).

сохраняющиеся исторические травмы и отсутствие урегулированных территориальных и правовых вопросов. Так, в 2013 году при посредничестве Европейского союза был подписан Брюссельский договор между Белградом и Приштиной, ставший попыткой институционализации диалога и постепенного размывания конфронтационного подхода²⁵¹. Хотя этот документ вызвал серьёзную дискуссию в сербском обществе, он стал внешнеполитическим сигналом о готовности к компромиссу при сохранении принципиальных позиций. Белград подчеркнул, что участие в диалоге не означает признания независимости Косово, но позволяет избегать эскалации и продвигать интересы сербского меньшинства на территории края.

Также стоит отметить дипломатические усилия, предпринятые Сербией для укрепления своей роли в движении неприсоединившихся государств. Белград последовательно наращивал контакты с Индией, Индонезией, Египтом, Южной Африкой, Кубой и рядом государств Латинской Америки, апеллируя к общему опыту антиколониальной борьбы, суверенитета и неприятия однополярной модели мира. В рамках этих инициатив сербская дипломатия проводила конференции, выставки, культурные мероприятия, направленные на гуманизацию международного имиджа страны и продвижение альтернативной оценки событий конца XX века. Особое значение придавалось демонстрации собственной жертвенности, страданий сербского народа, разрушения культурных объектов, изгнания беженцев — элементов, систематически игнорировавшихся в западной версии балканских конфликтов.

Примечательно, что даже в условиях сближения с Европейским союзом и выполнения требований по реформированию правовой системы, Сербия сохраняла лояльность принципам многовекторности. Контакты с Россией, Китаем, Индией, арабскими странами продолжали рассматриваться как стратегически значимые для поддержания дипломатического баланса. Это

²⁵¹ Brussels Agreement [Электронный ресурс] // The Government of the Republic of Serbia. — <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394>. (дата обращения: 10.09.2024).

позволяло Белграду маневрировать между центрами силы, не допуская полного втягивания в военно-политические альянсы, и одновременно удерживать репутационные риски под контролем. В этом контексте сохранялось последовательное неприятие санкционной политики против России, отказ от членства в НАТО и сохранение нейтралитета, что подтверждало устойчивую приверженность линии политического реализма и прагматизма.

Выводы по параграфу 2:

Анализ внешнеполитической стратегии Сербии в условиях сербофобии с начала 1991 до 2014 гг. позволяет утверждать, что в этот период Белград оказался перед лицом масштабной информационной и институциональной изоляции, в основе которой лежала целенаправленная демонизация сербского государства и народа. Сербофобия в международной политике использовалась не как побочный эффект конфликтов, а как инструмент моральной делегитимации, оправдывающий интервенции, санкции и политическое давление. Это сопровождалось формированием устойчивого образа «государства-агрессора», который оказывал длительное воздействие на дипломатические и репутационные возможности Сербии.

Ответом на этот вызов стала многовекторная и гибкая внешнеполитическая стратегия, ориентированная на восстановление международной субъектности, защиту правовой позиции по Косово, и продвижение альтернативного нарратива о югославских конфликтах. Сербия задействовала весь спектр дипломатических ресурсов: от апелляций в международные организации (ООН, МС, ОБСЕ, ЮНЕСКО), до сотрудничества с Россией, странами глобального Юга и Движением неприсоединения. При этом акцент делался не только на официальной дипломатии, но и на «народной», культурной и экспертной коммуникации, направленной на преодоление одностороннего восприятия.

Особое внимание уделялось борьбе за непризнание Косово, что стало одним из ключевых направлений внешнеполитического сопротивления

сербофобским дискурсам. Эта деятельность сопровождалась как юридическими инициативами, так и символической дипломатией, нацеленной на консолидацию поддержки в странах, чувствительных к вопросам территориальной целостности. Важным элементом стратегии стало позиционирование Сербии как миролюбивого и ответственного международного партнёра, стремящегося к диалогу и интеграции при сохранении принципиальных национальных интересов.

В условиях идеологического давления, сформированного на основе сербофобии, Сербии удалось выработать устойчивую модель внешнеполитической адаптации, которая, несмотря на ограничения, позволила сохранить пространство для дипломатического манёвра, укрепить связи с рядом государств и сместить международное восприятие с образа «виновного» к образу конструктивного участника глобального диалога.

§3. Общее и особенное в противодействии России и Сербии ксенофобским установкам в международной среде

В системе международных отношений на рубеже XX и XXI веков концепт ксенофобии трансформировался из этико-ценностной категории во внешнеполитический маркер, позволяющий государствам не только легитимировать собственную гуманитарную повестку, но и выстраивать стратегические альянсы на основе общности историко-культурных угроз. Для Российской Федерации и Республики Сербия противодействие ксенофобским установкам приобрело статус устойчивого внешнеполитического вектора, оформленного как через официальные дипломатические каналы, так и посредством участия в международных институтах, интеграционных блоках, а также посредством инструментов гуманитарной дипломатии и медиаполитики. Однако специфика политико-исторического развития, различия в позициях на международной арене, а также вариативность союзнических форматов обуславливают как наличие общей методологии, так и выраженную специфику внешнеполитического инструментария указанных государств.

В научной и нормативной традиции под ксенофобией понимается устойчивая негативная установка по отношению к чужим этническим, религиозным или культурным группам, сопровождающаяся стремлением ограничить их участие в общественной или политической жизни. Согласно определению Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (OHCHR), ксенофобия выступает одной из форм проявления расовой и этнической ненависти, нарушающей принципы международного права в части равенства и недискриминации²⁵². В контексте внешней политики данный термин приобретает дополнительный смысл как инструмент обозначения идеологической предвзятости, особенно в форме русофобии и сербофобии — категорий, которые в современной дипломатической практике стали использоваться для обозначения системного давления на соответствующие государства под предлогом соблюдения демократических норм.

Ведущей особенностью политической практики обеих стран в рассматриваемый период (1991–2022 гг.) стало формирование дискурса «исторической обороны» — обращения к прошлому как к обоснованию настоящей позиции на международной арене. Для России, правопреемницы СССР, данный подход реализуется, прежде всего, в рамках антиксенофобской риторики, сопряжённой с борьбой против героизации нацизма, а также противопоставлением «русофобской» политики Запада международному праву и базовым принципам суверенитета. В этом аспекте Российская Федерация развивает системную линию в рамках ООН, где, начиная с 2005 года, выносит на голосование Генеральной Ассамблеи ежегодные резолюции «О борьбе с героизацией нацизма», апеллируя к необходимости консолидированного осуждения любой формы расовой, этнической и культурной нетерпимости²⁵³. Примечательно, что данные инициативы

²⁵² Racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance [Электронный ресурс] / OHCHR. — URL: <https://www.ohchr.org/en/racism> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁵³ О принятии в Третьем комитете 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. —

получают поддержку абсолютного большинства стран Глобального Юга, включая и Республику Сербия, тем самым формируя устойчивую коалиционную ось, ориентированную на сохранение исторической памяти как фактора глобальной стабильности.

Сербия, не будучи обладательницей глобального политического ресурса, реализует сопоставимую внешнеполитическую линию через адаптивную стратегию баланса — по сути, «гуманитарного нейтралитета», — которая позволяет ей сохранять одновременно дружественные отношения с Российской Федерацией и сотрудничество с институтами Европейского Союза²⁵⁴. Эта сбалансированность проявляется, в частности, в устойчивом голосовании Белграда против антироссийских резолюций, касающихся конфликта на территории Украины, начиная с 2014 года, при одновременном участии в инициативах Совета Европы и ОБСЕ по мониторингу соблюдения прав человека, этнической терпимости и равенства. Таким образом, несмотря на геополитические различия, обе страны демонстрируют институционализированную приверженность борьбе с проявлениями ксенофобии как на уровне универсальных международных форумов, так и в рамках специфических региональных форматов.

Наряду с резолюционной дипломатией, важную роль играет активность обеих стран в рамках структур международной безопасности и сотрудничества. Россия, используя потенциал ОДКБ и СНГ, выстраивает многоуровневую систему интеграционного взаимодействия, где наряду с военно-политической и экономической повесткой представлена и гуманитарно-культурная составляющая. В частности, на регулярных заседаниях Совета министров иностранных дел государств – участников СНГ принимаются совместные декларации, осуждающие проявления

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1913451/?ysclid=mdbt8j82wu603634227 (дата обращения: 10.09.2024).

²⁵⁴ Кобельков Р.А., «Многовекторность внешней политики Сербии: содержание, значение, перспективы» // «Дипломатическая служба» №6, 2022. С. 449-458.

дискриминации, расовой и этнокультурной ненависти, при этом акцент делается на недопустимости фальсификации итогов Второй мировой войны. В доктринальных документах МИД РФ (в том числе в Концепции внешней политики РФ от 2023 г.) вопрос борьбы с русофобией формулируется как приоритетное направление деятельности страны на внешнем контуре.

Сербия, не обладая формальным членством в СНГ или ОДКБ, тем не менее, транслирует поддержку аналогичных гуманитарных установок через механизмы Движения неприсоединения. Белград неоднократно принимал участие в сессиях этого форума, на которых высказывал приверженность международно-правовым принципам равенства, осуждения дискриминации и насильственного навязывания идеологических матриц. Здесь важна символическая составляющая: Сербия, как правопреемница бывшей Югославии — одного из основателей Движения неприсоединения, — сохраняет идею суверенного международного взаимодействия вне рамок военно-политических блоков, что делает её позицию особенно восприимчивой к риторике России, апеллирующей к отказу от «однополярного мира» и «неоколониального подхода» Запада. Сотрудничество Белграда с НАТО ограничено «Резолюцией о защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного порядка Республики Сербия», принятой Народной Скупщиной Сербии в декабре 2007 года. В пункте 6 этой резолюции прописано, что страна будет придерживаться военного нейтралитета, отмена которого возможно только на государственном референдуме²⁵⁵.

Сравнение внешнеполитических подходов России и Сербии в контексте борьбы с ксенофобией выявляет еще один значимый компонент — использование гуманитарной дипломатии как средства формирования благоприятного имиджа государства и трансляции ценностных установок в

²⁵⁵ Резолуција Народне скупштине Републике Србије о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије: «Службени гласник РС», број 125 од 26. децембра 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/rezolucija/2007/125/1/reg> (дата обращения: 10.09.2024).

международной среде. Под гуманитарной дипломатией понимается системная деятельность государства, направленная на продвижение своей культуры, языка, исторических нарративов и идеологических конструкций через культурные, научные, образовательные и религиозные каналы. В условиях усиливающейся конкуренции в информационно-символической сфере гуманитарная дипломатия становится важным компонентом внешнеполитического инструментария, позволяющим смягчать негативные эффекты от деструктивных нарративов, в том числе русофобского и сербофобского характера.

Россия в данной области обладает значительным институциональным и ресурсным потенциалом. С начала 2000-х годов в РФ функционирует Федеральное агентство «Россотрудничество», координирующее сеть культурных центров за рубежом, организующее международные гуманитарные миссии, а также продвигающее проекты в сфере образования и сохранения исторического наследия²⁵⁶. Примером практической реализации гуманитарной дипломатии России служат международные программы фонда «Русский мир», в рамках которых в Сербии при поддержке Института русского языка и культуры при Белградском университете реализуются мероприятия по популяризации русской истории, языка и православной культуры. Помимо этого, на постоянной основе проводятся совместные историко-патриотические форумы, такие как конференции по итогам Второй мировой войны и защите культурного наследия. Важнейшим направлением гуманитарной дипломатии РФ стало противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны и формирование альтернативной повестки на фоне доминирующих западных интерпретаций. В числе реализуемых инициатив — поддержка международных конференций,

²⁵⁶ Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1315 (ред. от 26.05.2022) «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества «(вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству») // «Собрание законодательства РФ», 15.09.2008, № 37, ст. 4181.

выставок, переводов и изданий, демонстрирующих вклад Советского Союза в победу над нацизмом. Эти действия представляют собой часть системной стратегии по нейтрализации ксенофобских установок, основанных на ревизии исторической ответственности.

Сербия, обладая более ограниченными ресурсами, реализует гуманитарную дипломатию в формате точечного культурно-исторического присутствия. Ключевым направлением такой деятельности является сохранение и популяризация памяти о жертвах югославских войн 1991-1999 гг., а также работа с сербской диаспорой, прежде всего в странах Западной Европы и Северной Америки. Институционально такую деятельность координирует Управление по сотрудничеству с диаспорой и сербами в регионе при Министерстве иностранных дел Республики Сербия, а также ряд неправительственных организаций, ориентированных на продвижение позитивного образа Сербии²⁵⁷. В гуманитарной дипломатии Белград активно использует культурные каналы — в частности, поддержку сербских культурных центров, православной миссии за рубежом, проведение фестивалей сербской культуры и памятных мероприятий. Особое значение придаётся формированию диалога о примирении и толерантности, что позволяет Сербии позиционировать себя как актора, способного преодолевать последствия этнических конфликтов на основе уважения к памяти и идентичности различных общностей.

Характерным отличием сербской гуманитарной политики от российской является также отсутствие идеологической конфронтационности: если Россия нередко выстраивает внешнюю гуманитарную стратегию в противовес «агрессивным» западным идеологиям, то Сербия демонстрирует умеренный, адаптивный подход, акцентируя внимание на универсальных гуманитарных

²⁵⁷ Directorate for Cooperation with the Diaspora and Serbs in the Region, Управа за сарадњу с дијаспором и Србима у региону. Министерство иностранных дел Республики Сербия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Directorate_for_Cooperation_with_the_Diaspora_and_Serbs_in_the_Region (дата обращения: 10.09.2024).

ценностях и диалоге культур. Это связано с особым положением Сербии как страны-кандидата в члены Европейского союза, где от государств ожидается соответствие западным критериям демократии, прав человека и верховенства закона.

Тем не менее, несмотря на данные различия, обе страны прибегают к использованию исторического опыта как базового ресурса гуманитарной дипломатии. Россия формирует собственный «канон исторической памяти» — борьба с фашизмом, роль Красной армии в освобождении Европы, трагедия мирного населения в годы Второй мировой войны. Сербия, в свою очередь, акцентирует внимание на геноциде сербов в годы Второй мировой войны в Независимом государстве Хорватия, репрессиях в послевоенный период, а также интерпретации военных действий 1990-х годов как борьбы за национальное самоопределение и территориальную целостность. Уже в первые месяцы после окончания войны советские дипломатические представительства в Югославии фиксировали сложную внутривнутриполитическую ситуацию, отражённую в информационном письме советского посла И.В. Садчикова В.М. Молотову от 18 декабря 1945 г. В нём подробно описывались настроения в югославском обществе, конфликты между различными политическими группами и вызовы, стоявшие перед новым государственным руководством²⁵⁸. Эти материалы показывают, что уже в тот период формировались нарративы, позже ставшие частью современной сербской политики памяти. Это позволяет обеим странам противопоставлять собственные гуманитарные нарративы внешним обвинениям в агрессии, национализме и нетерпимости, интерпретируя прошлое как ключ к осмыслению современной международной позиции.

²⁵⁸ Информационное письмо советского посла И. В. Садчикова В. М. Молотову от 18 декабря 1945 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 29. П. 117. Д. 28. Л. 139–146.

Следует отдельно рассмотреть инструмент медиаполитики как механизм внешнеполитического влияния в контексте противодействия ксенофобии. В случае Российской Федерации развитие международных медиа стало стратегическим направлением с 2005–2007 годов, когда были учреждены телеканалы RT и международные редакции информационного агентства «Спутник». Через данные каналы Россия транслирует свои интерпретации международных событий, стремится создать альтернативную информационную среду, где возможно продвижение антирусофобских тезисов и критика западных информационных стандартов. Исследования указывают, что в странах с высоким уровнем русофильских настроений — таких как Сербия — медиаповестка RT и Sputnik находит широкий отклик. По данным международных мониторинговых центров, в 2016–2020 гг. Sputnik Srbija входил в тройку самых цитируемых международных источников в сербском медиапространстве, активно формируя повестку по вопросам внешней политики, в том числе и в контексте борьбы с ксенофобией и исторической несправедливостью²⁵⁹.

Сравнительный анализ правовых и институциональных основ внешнеполитической борьбы с ксенофобией позволяет выявить фундаментальные различия между подходами России и Сербии. Прежде всего, это различия в интерпретации самой природы ксенофобии в международном контексте. В Российской Федерации русофобия трактуется не только как форма расовой или этнической вражды, но и как политико-идеологическая категория, связанная с попытками делегитимации внешней политики РФ, и даже — как это формулируется в ряде официальных и экспертных документов — с подрывом основ российской государственности. В «Концепции внешней политики Российской Федерации», утверждённой Указом Президента РФ от

²⁵⁹ Финансируемые Кремлем СМИ: роль RT и Sputnik в экосистеме российской дезинформации и пропаганды [Электронный ресурс] // Государственный департамент США. — https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/Kremlin-Funded-Media-Russian_508.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

31 марта 2023 г. № 229 содержится прямое указание на необходимость «противодействия проявлениям русофобии, фальсификации истории, ущемления прав соотечественников за рубежом, дискриминации по языковому и культурному признаку» как приоритетного внешнеполитического направления²⁶⁰.

Сербия же избегает использования термина «сербофобия» в официальных внешнеполитических документах. В сербской дипломатической практике преобладает терминология, связанная с нарушением прав человека, этнической нетерпимостью и дискриминацией. Это связано, прежде всего, с желанием сохранить международную легитимность и избежать обвинений в национализме или реваншизме. Даже в риторике по Косовскому вопросу Белград ориентируется преимущественно на правовые аргументы — нормы Устава ООН, Резолюцию 1244 СБ ООН, международное право, в том числе Конвенцию о предотвращении дискриминации²⁶¹. Таким образом, в доктринальном аспекте Сербия демонстрирует юридико-позитивистский подход, тогда как Россия, напротив, склонна к политико-ценностной интерпретации ксенофобии как угрозы цивилизационного уровня.

Сравнение участия двух государств в работе международных организаций демонстрирует также разницу в приоритетах и тактике внешнеполитического поведения. Россия, как постоянный член Совета Безопасности ООН, активно использует своё право голоса и вето для блокирования решений, которые воспринимаются как русофобские по содержанию или форме. Примером может служить голосование по проектам резолюций о ситуации в Украине, Грузии, Беларуси и других странах постсоветского пространства, в которых Россия обвинялась в нарушении прав

²⁶⁰ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2023, № 14, ст. 2406.

²⁶¹ Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.09.2024).

человека и территориальной целостности. В этих случаях Россия не только отвергает содержание документов, но и сопровождает своё голосование заявлениями о «двойных стандартах» и «политизированности правозащитной повестки» как форме дискриминации по геополитическому признаку. Она, таким образом, расширяет категорию ксенофобии до рамок системной предвзятости в международных организациях.

Сербия же в рамках ООН и Совета Европы использует иную тактику — так называемой «дипломатии избирательного участия». В частности, в Генеральной Ассамблее ООН Белград воздерживается или голосует против антироссийских резолюций, касающихся военных действий в Украине, одновременно участвуя в совместных проектах Совета Европы по продвижению межэтнического диалога, социальной интеграции и антиксенофобского просвещения. На площадке ОБСЕ сербская дипломатия активно работает в сфере предотвращения межнациональных конфликтов, что позволяет Белграду поддерживать конструктивный образ миротворца и посредника, особенно в контексте Западных Балкан. Таким образом, позиция Сербии характеризуется дуализмом: с одной стороны, она солидаризируется с Россией в вопросах международной критики, с другой — демонстрирует лояльность европейским подходам в области прав человека.

Яркой иллюстрацией различий в стратегиях являются примеры голосования в международных институтах. Например, в голосовании Генассамблеи ООН по резолюции A/RES/75/179 от 16 декабря 2020 года «Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to fueling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance», предложенной Российской Федерацией, Сербия выступила среди стран, проголосовавших «за»²⁶². Этот шаг подтвердил устойчивость

²⁶² Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/706/23/pdf/n1470623.pdf>. (дата обращения: 17.09.2024).

сербской поддержки российских гуманитарных инициатив на международной арене. В то же время по другим вопросам, связанным с правами человека и гендерным равенством, Сербия часто голосует в унисон с большинством европейских государств, что отражает стратегию гибкости и попытки избежать односторонней зависимости от политических партнеров.

Значительным отличием остаётся и участие в союзнических форматах. Россия за последние два десятилетия выстроила сеть организаций — от СНГ и ОДКБ до ЕАЭС и БРИКС — в рамках которых продвигаются как геоэкономические, так и гуманитарно-ценностные нарративы²⁶³. Во всех этих структурах присутствует компонент, касающийся совместной борьбы с экстремизмом, радикализмом и нетерпимостью. Например, в уставных документах ОДКБ содержится положение о противодействии идеологиям, угрожающим суверенитету и стабильности государств-членов. СНГ, в свою очередь, приняло в 2014 году Концепцию гуманитарного сотрудничества, где декларируется борьба с «агрессией в сфере культуры и искажением исторических событий как формой скрытого давления»²⁶⁴. Эти инструменты позволяют России формировать альтернативную коалиционную сеть, внутри которой понятие ксенофобии подвергается переработке и контекстуализации — от проблемы социальной розни к вопросу информационного давления и политической дискриминации.

Сербия, вне этих союзов, строит взаимодействие через другие форматы. Помимо участия в Совете Европы и ОБСЕ, она сохраняет активность в Движении неприсоединения, где продвигает идеи международного равноправия, невмешательства и осуждения дискриминации по признаку политической ориентации или религиозной принадлежности. Особенно

²⁶³ Карпович, О. Г. Евразийский экономический союз в контексте новых глобальных изменений / О. Г. Карпович, В. Б. Мантусов. — М.: Российская таможенная академия, 2018. — 144 с.

²⁶⁴ Заседание Совета глав правительств Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Правительство России. — <http://government.ru/news/15757/>. (дата обращения: 17.09.2024).

важным стало её участие в Саммите Движения в Белграде в 2021 году, приуроченном к 60-летию его основания²⁶⁵. На этом форуме Сербия подчеркнула необходимость защиты исторической правды, равноправия малых и больших стран и отказа от давления, включая санкционное. Тем самым Белград транслировал свою позицию как защитника справедливого международного порядка, что в значительной степени коррелирует с риторикой России, но при этом не нарушает европейскую легитимность сербской дипломатии.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что несмотря на принципиальные различия в международном статусе, масштабах внешнеполитических амбиций и объёмах доступных ресурсов, Россия и Сербия демонстрируют устойчивую внешнеполитическую заинтересованность в противодействии ксенофобским установкам на международной арене. При этом речь идёт не только о реакции на конкретные проявления нетерпимости или дискриминации в отношении граждан, соотечественников или политических элит, но и о выстраивании самостоятельной идеологической рамки, в которой ксенофобия осмысливается как форма цивилизационного давления, угрожающего политико-культурной идентичности.

Общее в подходах России и Сербии заключается, прежде всего, в опоре на гуманитарную повестку, историческую память и морально-нормативную аргументацию. Обе страны активно эксплуатируют риторику памяти как основу внешнеполитической мобилизации, противопоставляя героизацию нацизма, фальсификацию исторических фактов и дискриминационные подходы — официальным правовым позициям, опирающимся на нормы международного права. В обоих случаях наблюдается стремление выстроить образ жертвы предвзятой интерпретации истории, инструментализировать

²⁶⁵ В Белграде стартовал юбилейный саммит Движения неприсоединения [Электронный ресурс] // Балканист. – <https://balkanist.ru/v-belgrade-startoval-yubilejnyj-sammit-dvizheniya-neprisoedineniya/?ysclid=mdbv46pdhx211772601> (дата обращения: 17.09.2024).

темы Второй мировой войны и этнических конфликтов XX века как обоснование современного политического поведения.

Ещё одна общая черта заключается в стремлении к институциональному закреплению своей позиции. Россия делает это через создание и координацию международных резолюций, в частности, в рамках ООН, продвижение инициатив в структурах СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и др., а также активную работу на платформе ЮНЕСКО. Сербия, в свою очередь, использует ресурсы Совета Европы, ОБСЕ и Движения неприсоединения, где формулирует свою антиксенофобскую позицию в терминах уважения к праву на самоопределение, защите прав меньшинств и исторического наследия.

Однако специфика и масштаб внешнеполитического поведения обуславливают и существенные отличия. Россия, как субъект глобальной политики, опирается на собственные международные форматы, формирует независимую гуманитарную инфраструктуру, в том числе через «Россотрудничество», RT, Sputnik и др., и акцентирует внимание на борьбе с русофобией как системной, идеологической угрозой. В её интерпретации ксенофобия является не только результатом националистических или шовинистских настроений, но и следствием структурной враждебности со стороны конкурирующих держав, что придаёт внешнеполитическому курсу РФ стратегическую глубину и долгосрочность.

Сербия же, действуя в условиях региональной многовекторности, вынуждена сочетать солидарность с союзниками, прежде всего, с Россией и Китаем, с необходимостью соответствия стандартам ЕС. Её антиксенофобская риторика более юридична, прагматична и осторожна; она ориентирована на конкретные кейсы в Косово, права сербского меньшинства в соседних странах, роль сербов в истории Европы, но избегает прямой конфронтации с Западом. Такое поведение делает сербскую стратегию более гибкой и адаптивной, но одновременно снижает эффективность в борьбе с идеологически обусловленной дискриминацией, особенно в информационной сфере.

Особо следует подчеркнуть разницу в трактовке союзничества как ресурса противодействия ксенофобии. Россия, выстраивая коалиции на основе альтернативной системы международных ценностей, формирует антисегрегационный блок, противостоящий идее «цивилизационного давления» со стороны Запада. Сербия же использует альянсы как способ дипломатического маневрирования, совмещая участие в форумах неприсоединения с проевропейскими инициативами, что делает её позицию менее устойчивой, но потенциально более универсальной.

Выводы по параграфу 3:

Анализ внешнеполитических стратегий России и Сербии по противодействию ксенофобским установкам в международной среде показывает, что, несмотря на различия в статусе, ресурсах и союзнических форматах, обе страны формируют сходную идеологическую рамку, в которой ксенофобия рассматривается не только как проявление дискриминации, но и как инструмент политического давления и подрыва суверенитета. В этом контексте и русофобия, и сербофобия интерпретируются как элементы системного международного давления, с которым требуется бороться посредством дипломатии, гуманитарных инициатив и медиаполитики.

Общими чертами подходов России и Сербии являются опора на историческую память, апелляции к принципам международного права, институционализация антиксенофобской позиции на площадках ООН, ОБСЕ, СНГ, Движения неприсоединения и других форумов. Оба государства активно используют ресурсы гуманитарной дипломатии: культурные центры, исторические нарративы, образовательные инициативы и религиозные институты. Это позволяет формировать благоприятный международный имидж, транслировать собственные интерпретации ключевых исторических событий и смягчать последствия негативных информационных кампаний.

Тем не менее, стратегические различия между странами существенны. Россия, располагая глобальными амбициями и соответствующими ресурсами, выстраивает целостную доктрину борьбы с русофобией, включая

медиаинфраструктуру, независимые международные форматы и политико-ценностную риторику. Её внешняя политика характеризуется прямолинейной конфронтационностью в ответ на идеологическое давление, а сама ксенофобия трактуется как системная угроза государственности. Сербия, напротив, демонстрирует адаптивную, юридико-прагматичную модель поведения. Она избегает прямой конфронтации, опирается на правовой дискурс и сосредотачивается на конкретных кейсах — прежде всего, на защите интересов в Косово и сохранении диалога с ЕС.

Противодействие ксенофобии в международной политике становится для России и Сербии не только элементом защиты национальных интересов, но и средством подтверждения своей идентичности и субъектности на мировой арене. Их действия отражают как стремление сохранить историческую правду и культурное многообразие, так и необходимость реагировать на дискриминационные практики, маскируемые под универалистские ценности. Разнообразие используемых инструментов и стратегий свидетельствует о глубоком взаимопонимании при сохранении самостоятельности и специфики каждого внешнеполитического курса.

Вывод по главе 2:

Таким образом, проведённый анализ феноменов русофобии и сербофобии в контексте внешней политики России и Сербии (1991–2022 гг.) подтвердил их системный, устойчивый характер и стратегическую обусловленность. Эти дискриминирующие дискурсы проявили себя не как спонтанные предрассудки, а как целенаправленные инструменты идеологического давления, используемые для подрыва международного имиджа России и Сербии и ограничения их внешнеполитических манёвров. Эмпирический материал показал, что русофобия и сербофобия укоренены в долговременных цивилизационных стереотипах и представлениях о «чужом» и «опасном», а в новейшее время их институционализация выразилась в официальной риторике, медиа-дискурсе, дипломатических акциях и даже решениях международных организаций. Иными словами, негативные

нарративы о России и Сербии стали частью нормативной базы взаимоотношений на мировой арене, превратившись в фактор, системно влияющий на внешнюю политику двух стран. Это делает русофобию и сербофобию не просто проявлениями враждебности, а устойчивыми идеологическими конструкциями, которые формируют образ «врага» и легитимируют применение политики двойных стандартов по отношению к Москве и Белграду. Такая ситуация фактически означает, что слово, образ и символ в глобальном противоборстве начинают играть не меньшую роль, чем военные или экономические рычаги, а предубеждение против русских и сербов приобретает квазиритуальный, нормативный характер в ряде международных практик.

Анализ влияния русофобии на внешнюю политику Российской Федерации наглядно продемонстрировал, что антироссийские настроения на Западе существенно влияли на эволюцию внешнеполитического курса России после распада СССР. В период с 1991 по 1996 гг. российское руководство рассчитывало на партнёрство с США и Европой, однако уже вскоре столкнулось с возрождением старых стереотипов недоверия. Перспектива расширения НАТО на Восток стала первым серьёзным сигналом: Москва решительно возражала против вступления восточноевропейских стран в Альянс, предупреждая о военной угрозе, но её позиция была проигнорирована. К 1999 г. НАТО включила первых новых членов, невзирая на протесты России, что в восприятии российской элиты подтвердило худшие ожидания – Запад не готов считаться с интересами Москвы, руководствуясь историческими страхами и недоверием. Это разочарование стимулировало поворот во внешней политике РФ от односторонней прозападной ориентации к доктрине многополярности и защите национальных интересов. Таким образом, уже в 1999 году русофобия – понимаемая как предвзято враждебное отношение к России – стала рассматриваться в Москве как реальный внешний фактор, требующий ответных мер. К началу XX века, с консолидацией власти и ростом возможностей, Россия перешла к более жёсткому курсу: на смену

политике уступок пришла стратегия сдерживания однополярных устремлений Запада, включая готовность жёстко отстаивать свои красные линии. Кульминацией этого процесса стали события 2014 и 2022 годов, когда, по оценке российских официальных лиц, на Западе развернулась масштабная кампания по дискредитации России. Антироссийские санкции, резкая риторика лидеров США и ЕС, исключение РФ из международных площадок и информационная изоляция – всё это оформилось в единый фронт, в котором негативное отношение к России превратилось в своего рода идеологическую норму евроатлантического сообщества. Наблюдались даже проявления прямой дискриминации по национальному признаку, вплоть до ограничений на въезд россиян и отмены участия российских деятелей культуры, при молчаливом одобрении этих шагов как «принципиальной позиции». Более того, элементы русофобии проникли в деятельность некоторых международных институтов – прежде всего в правозащитные структуры – которые всё чаще допускали политически мотивированные обвинения в адрес РФ. Тем самым подтверждается вывод, что к 2014 году русофобия институционализировалась и превратилась для России в серьёзный внешнеполитический вызов, на который государство вынуждено было реагировать комплексом дипломатических, информационных и военных мер. Эффективность этой реакции носила смешанный характер: с одной стороны, Москве удалось частично восстановить статус самостоятельного центра силы и расширить сотрудничество с несогласными с западной гегемонией странами, например, с Китаем, другими государствами Глобального Юга; с другой – противостояние с Западом углубилось, а образ России как «угрозы мировому порядку» ещё более укрепился в западном массовом сознании, что подтверждает самовоспроизводящуюся природу русофобского дискурса.

В свою очередь, сербофобия оказала существенное давление на внешнеполитический курс Республики Сербия с 1991 года. В период распада Югославии западные державы и медиа сформировали крайне негативный образ сербов, демонизировав их почти единогласно как агрессоров и

«воплощение зла», тогда как противоборствующие стороны представлялись исключительно жертвами. Подобная упрощённая «чёрно-белая» картина конфликта, по верному наблюдению Э. Хермана и Д. Петерсона, утвердилась очень быстро и подгоняла факты под заранее заданную схему, игнорируя любую информацию, выходящую за рамки нарратива о «сербях-злодеях». Эмоционально заряженные образы — от рассказов о «сербских концлагерях» до сравнения сербских лидеров с Гитлером — создали моральное обоснование для внешнего вмешательства. В итоге идея гуманитарной интервенции НАТО легитимировалась через лозунги «остановить сербских палачей» и представление Сербии как источника всех конфликтов на Балканах. Кульминация сербофобии в мировом дискурсе пришлась на 1999 год: ведущие англо-американские и европейские издания систематически изображали сербов кровожадными этническими чистильщиками, а сам термин «сербский этнический чистильщик» вошёл в обиход как символ абсолютного зла. По замечанию историка Е. Ю. Гуськовой, западная информационная кампания того периода целенаправленно искажала факты и возлагала вину исключительно на сербский народ, оправдывая тем самым радикальные геополитические перемены — от внешней изоляции Белграда до вооружённых акций против него. Действительно, внешнеполитические последствия были крайне тяжёлыми: Сербия подверглась санкциям ООН, дипломатической изоляции, прямой военной агрессии НАТО в марте 1999 года. Эти шаги осуществлялись под знаменем защиты прав человека и европейских ценностей, но в сербском общественном мнении и ряде исследований они рассматриваются как проявление предвзятости, основанной на образе сербов как «народа-изгоя». После смены власти в Белграде в 2000 г. и начавшейся евроинтеграции острая фаза демонизации несколько спала, однако латентная сербофобия сохраняется. В некоторых странах региона Балканского полуострова — Хорватии, т.н. Косово, частично Боснии по-прежнему бытует исторически укоренённый образ «серб-врага», питаемый памятью о прошлых конфликтах. На уровне же западноевропейского политического дискурса

время от времени возрождаются стереотипы о сербах как потенциальной «пятой колонне Москвы» или носителях угрозы стабильности. Показательно, что даже в 2020-2022 годы отдельные европейские политики позволяли себе публично сравнивать сербов с агрессорами эпохи мировых войн и угрожать Сербии санкциями. Всё это свидетельствует о том, что элементы сербофобии институционально укоренились в языке дипломатии и международных отношений: негативные клише в отношении Сербии продолжают всплывать при обсуждении её внешнеполитического курса, особенно в контексте связей Белграда с Москвой.

Сопоставление опыта России и Сербии в противостоянии русофобским и сербофобским проявлениям выявило как общие черты, так и значимые различия. Общим для обеих стран является восприятие данных явлений как угрозы национальной безопасности и достоинству на мировой арене, требующей системного ответа. И Москва, и Белград выработали схожие дипломатические и гуманитарные подходы, опираясь на риторику защиты исторической правды и принципов суверенного равенства государств. В частности, обе столицы последовательно выступают против реабилитации нацизма и искажений истории Второй мировой войны, видя в этом ключевой моральный плацдарм борьбы с любыми формами ксенофобии. Так, начиная с 2005 г. Россия ежегодно инициирует в ООН резолюцию «Борьба с героизацией нацизма», неизменно осуждающую проявления неонацизма и расовой ненависти; Республика Сербия неизменно голосует за эти инициативы и даже выступает соавтором соответствующих резолюций. Эта многолетняя коалиционная линия свидетельствует о стремлении двух стран совместно отстаивать гуманитарные ценности и противодействовать ревизионистским идеологиям на международной арене. Кроме того, гуманитарная дипломатия стала важным инструментом и России, и Сербии для смягчения негативного имиджа. Россия, обладая крупным ресурсным потенциалом, активно продвигает русский язык и культуру за рубежом через Россотрудничество, фонды и СМИ, создавая альтернативную информационную повестку. Сербия,

не имея сопоставимых ресурсов, применяет стратегию «гуманитарного нейтралитета» – через участие в движении неприсоединения, развитие связей с диаспорой, культурные обмены – пытаюсь позиционировать себя как миролюбивое государство, уважающее права всех народов. Оба государства демонстрируют приверженность языку международного права, апеллируя к принципам недискриминации и суверенного равноправия. Это проявляется, в частности, в том, что Россия и Сербия часто занимают созвучные позиции на глобальных форумах: Белград, несмотря на давление, не присоединяется к антироссийским санкциям и регулярно воздерживается от поддержания резолюций, осуждающих РФ, в то время как Москва последовательно поддерживает Сербию в вопросе непризнания односторонней независимости Косова и защищает сербов на площадках ООН. Подобные жесты взаимной дипломатической поддержки подтверждают наличие элементов неформального российско-сербского альянса против ксенофобских и дискриминационных тенденций в международной политике.

В то же время выявлены и различия в механизмах противодействия русофобии и сербофобии, обусловленные разницей в геополитическом статусе и ресурсах двух стран. Россия, будучи великой державой и постоянным членом СБ ООН, обладает более широким инструментарием: от права вето и создания альтернативных интеграционных блоков (ОДКБ, БРИКС и т.д.) до глобальных информационных каналов (международное вещание RT, Sputnik) для донесения своей позиции. Её стратегия носит более откровенно конфронтационный характер – Москва готова открыто бросать вызов западным «правилам игры», заявляя о своей особой цивилизационной роли и праве на самостоятельный путь развития. Сербия же, являясь малой страной, вынуждена действовать гибко и осторожно. Её внешнеполитический курс после 2000 г. можно охарактеризовать как поиск баланса: с одной стороны, официально декларируется стремление к членству в Евросоюзе и внедрение европейских норм, с другой – сохраняются тесные связи с Россией и отказ участвовать в откровенно антироссийских инициативах. Белград старается

избегать жёсткой риторики и конфронтации, вместо этого делая акцент на диалоге и многосторонности. Такая дипломатия маневрирования позволила Сербии постепенно выйти из статуса «изгоя» начала 2000-х и добиться определённого восстановления репутации на международной арене, включая статус кандидата в ЕС. Однако цена этого – постоянное лавирование между центрами силы и уязвимость к давлению: любые шаги Сербии, выходящие за рамки ожидаемого «лояльного» поведения, вновь сталкиваются с подозрительностью. В отличие от России, которая может блокировать нежелательные для неё решения на глобальном уровне, Сербия зачастую вынуждена соглашаться на компромиссы или кулуарно искать поддержку союзников, чтобы смягчить негативные эффекты сербофобских установок. Тем не менее, оба государства учатся на опыте друг друга и адаптируют практики противодействия: Сербия перенимает у России методы информационного опровержения ложных обвинений, а Россия учитывает балканский опыт в работе с общественным мнением и диаспорами.

Историко-политический анализ доказал, что русофобия и сербофобия действительно являются сходными идеологическими явлениями, глубоко укоренёнными в западной интеллектуальной традиции и эволюционировавшими в направленные против России и Сербии стратегии влияния. Их современное проявление – это не просто совокупность бытовых предрассудков, но целая система целеполагания внешнего давления, куда вовлечены СМИ, неправительственные организации, образовательные институты и международные структуры. Также была подтверждена инструментальная роль данных дискурсов: как показали события от югославских войн до украинского кризиса, негативный образ страны-противника используется для оправдания широкого спектра действий – от экономических санкций и дипломатической изоляции до вооружённых интервенций. И русофобия, и сербофобия служат своего рода «мягкой силой» отрицательного толка, через которую формируется благоприятное для инициаторов давление общественное мнение, позволяющее легитимировать

жёсткие меры без прямого нарушения принципа суверенитета. Сравнительный подход в исследовании подтвердил наличие общей логики функционального использования этих фобий, а также выявил уязвимые места в международной репутации России и Сербии. К таким уязвимостям относятся прежде всего стереотипы об их «неевропейскости», «агрессивности» или «неспособности к демократии», которые легко воспроизводятся и усваиваются внешними аудиториями. Выявлено, что недостаточная информированность мирового сообщества об реальных позициях и истории России и Сербии создаёт благодатную почву для искажённых нарративов. Соответственно, эффективность внешнеполитических стратегий противодействия во многом зависит от умения двух стран выявлять и нейтрализовать эти уязвимости – через опровержение ложных мифов, продвижение позитивной повестки и активное присутствие в глобальном информационном пространстве.

Наконец, результаты главы свидетельствуют о значительном потенциале для координации усилий России и Сербии в ответ на вызовы русофобии и сербофобии. Оба государства уже предпринимают шаги в этом направлении – от согласованных дипломатических демаршей на площадках ООН до совместных культурных и образовательных инициатив. В рамках гуманитарного сотрудничества Москва и Белград могут выработать единую стратегию, направленную на продвижение общих ценностей толерантности, исторической правды и взаимоуважения. Как было обосновано, объединение ресурсов «мягкой силы» – таких как СМИ, академические обмены, работа с диаспорами и правозащитными организациями – способно усилить голос России и Сербии против предвзятых обвинений и двойных стандартов. Разумеется, остаются и препятствия (различие внешнеполитических приоритетов, давление на Сербию со стороны ЕС и др.), однако в современных условиях глобальной турбулентности согласованная гуманитарная и внешнеполитическая реакция двух стран на ксенофобские вызовы представляется все более востребованной. В перспективе это не только поможет защитить национальные интересы России и Сербии, но и внесёт

вклад в формирование более справедливого международного порядка, свободного от навязывания негативных стереотипов и дискриминации по национальному признаку. Таким образом, основные тезисы исследования – о долгосрочном характере и инструментальной природе русофобии и сербофобии, а также о необходимости совместного противостояния им – нашли своё подтверждение в анализе политических практик 1991–2022 гг., что создаёт прочную основу для дальнейшей разработки рекомендаций по совершенствованию внешнеполитических стратегий обеих стран.

Глава 3. Стратегии и механизмы внешнеполитического противостояния русофобии и сербофобии (1991–2022)

§1. Политико-информационные и дипломатические инструменты России в борьбе с русофобией

Русофобия на современном этапе рассматривается в России как одно из проявлений геополитической конфронтации, превратившись в инструмент идеологического давления и информационной войны. Под этим феноменом понимают предвзято враждебную идеологию ненависти к России, русскому народу и российской культурно-исторической общности, которая воспринимается как угроза национальной безопасности страны. Начиная с середины 2000-х гг., а особенно после событий 2014 г., на Западе усилился антироссийский дискурс, эволюционировавший от критики официальных лиц к демонизации России в целом. Кризис на Украине 2014 года стал водоразделом, после которого образ России как «агрессора» прочно утвердился в западном публичном поле. Ещё более радикальный всплеск враждебной риторики произошёл после начала специальной военной операции в 2022 году, сопровождающегося беспрецедентными санкциями и международной изоляцией. Антироссийские нарративы обрели всеобъемлющий характер: негативные клише распространились с узкого круга элиты на весь народ, вплоть до риторики о «коллективной ответственности» россиян. В медийном пространстве Запада фактически формируется образ России как цивилизационного «врага»: российское государство представляется источником агрессии и угрозы мировому порядку, а любые его символы и проявления культуры маркируются как токсичные²⁶⁶. Такая трансформация воспринимается в Москве как целенаправленная идеологическая агрессия, требующая адекватного ответа.

²⁶⁶ Kwak, Haewoon et al. 'A Large-Scale Study of Toxicity in Russian Information Operations.' arXiv preprint arXiv:2505.07212 (2025). URL: <https://arxiv.org/abs/2505.07212> (дата обращения: 09.01.2025).

Столкнувшись с масштабной кампанией русофобии, Российская Федерация выработала комплекс мер политико-информационного и дипломатического характера, направленных на нейтрализацию негативного образа страны за рубежом. Эти инструменты задействуют как «жёсткие» механизмы государственной политики – официальная дипломатия, международные инициативы, союзные объединения, так и средства «мягкой силы» – медиа, культурная и гуманитарная деятельность, поддержка соотечественников. К ключевым направлениям относятся: развитие международного вещания и альтернативных информационных каналов RT, мультимедийного агентства «Спутник» и др.; активизация культурно-гуманитарной дипломатии – агентство Россотрудничество, фонд «Русский мир», программы в странах СНГ; усиление присутствия в цифровом пространстве и контрпропаганда в социальных сетях; дипломатические усилия на многосторонних площадках ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, а также использование политико-военных союзов и двусторонних форматов для консолидации союзников против русофобской изоляции. Рассмотрим данные инструменты и их эффективность более подробно.

Ещё в 2005 г. Россия запустила англоязычный канал RT с целью донесения российской точки зрения мировой аудитории. В 2014 г., на фоне украинского кризиса, заработала международная служба «Sputnik» – мультязычная платформа новостей²⁶⁷. Эти медиаресурсы стали элементом стратегии контр-нарратива: они стремятся предлагать альтернативную интерпретацию событий, противостоя распространённым в западных СМИ стереотипам о России. RT вело вещание на основных мировых языках (английский, испанский, арабский, французский и других), привлекало зарубежных комментаторов, позиционируя себя как «альтернативный голос». Отчасти это дало результаты: например, испаноязычный RT Actualidad

²⁶⁷ Russia challenges West with Sputnik media launch. — Radio Free Europe/Radio Liberty, 11.11.2014. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-challenges-west-with-sputnik/26685484.html> (дата обращения: 09.01.2025).

получил определённую популярность в Латинской Америке, транслируя новости в русле антиамериканской риторики, что находило отклик у местной аудитории. Однако на пространстве развитых западных стран восприятие RT и Sputnik изначально было скептическим: их официально именуют «рупорами кремлёвской пропаганды», отказывая в статусе независимой прессы. После 2014 г. против этих каналов начали вводиться ограничения²⁶⁸. А в 2022 г. Евросоюз прямо запретил трансляцию RT и Sputnik на своей территории, мотивируя это борьбой с дезинформацией в условиях конфликта на Украине. Фактически, доступ к контенту RT и Sputnik был блокирован в кабельных сетях и на цифровых платформах ЕС, а в США RT обязали регистрироваться в качестве «иностранного агента». Такая реакция резко снизила эффективность российского медиа-влияния именно там, где предполагалось противодействовать русофобии – в странах Европы и Северной Америки. Тем не менее полностью устранить присутствие RT и Sputnik не удалось: они сохраняют аудиторию в интернете через зеркальные сайты, VPN, социальные сети и продолжают вещание в регионах Азии, Африки, Латинской Америки, где их деятельность не подверглась запрету. К 2022 г. доля западной публики, регулярно обращающейся к RT, оставалась относительно невысокой, однако в несеевероамериканских государствах постоянное присутствие российских СМИ способствовало более благожелательному отношению к России. Например, в Аргентине RT в отдельные моменты охватывал до 6 % онлайн-аудитории, а в ряде других стран этот показатель приближался к 15 %²⁶⁹. Исследования также показывают, что восприятие RT в Европе носит амбивалентный характер: часть аудитории воспринимает его как источник

²⁶⁸ Waterson, J. Russian broadcaster RT hits back at threat to UK licence. — The Guardian, 13.03.2018. URL: <https://www.theguardian.com/media/2018/mar/13/russian-broadcaster-rt-hits-back-at-threat-to-uk-licence> (дата обращения: 09.01.2025).

²⁶⁹ Kling, J., Toepfl, F., Thurman, N., Fletcher, R. Russian state-backed outlets RT and Sputnik had limited reach online before the 2022 invasion of Ukraine. — Harvard Kennedy School (Misinformation Review), 22.12.2022. URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2022/12/kling_russia_rt_sputnik_audience_20221222.pdf (дата обращения: 07.08.2025)

альтернативной информации, тогда как политический и экспертный мейнстрим трактует его как инструмент дезинформации и пропаганды²⁷⁰. В целом, потенциал этих ресурсов ограничен: чем активнее Москва продвигает свою позицию через государственные медиа, тем более они стигматизируются как «пропаганда», снижая доверие нейтральной аудитории. Это порождает замкнутый круг информационного противоборства.

В сфере «мягкой силы» Россия делает упор на продвижение языка, культуры, образования и исторической памяти. В 2007 г. учреждён фонд «Русский мир» – негосударственная организация (при участии МИД РФ), декларирующая целью популяризацию русского языка и поддержку его изучения за рубежом. К началу 2022 г. фонд поддерживал сеть из 104 культурно-языковых центров в 52 странах и 128 кабинетов русского языка в 57 странах. «Русский мир» во многом задуман по аналогии с иностранными институтами культуры в духе Британского Совета или института Гёте, призванными укреплять положительный образ страны через языковые курсы, библиотечные фонды, конференции и ежегодные форумы. Параллельно, в 2008 г. создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству – Россотрудничество, фактически возродившее советскую практику зарубежных культурных центров. К 2025 г. Россотрудничество располагает 87 представительствами в 71 стране, называемыми «Русскими домами»²⁷¹. Причём приоритетное внимание уделяется государствам СНГ: в большинстве бывших советских республик открыты российские центры науки и культуры (например, по 4 в Беларуси и Казахстане, по 2 – в Армении, Киргизии, Таджикистане и других).

²⁷⁰ Crilley, R., Gillespie, M., Vidgen, B. Understanding RT audiences in Europe: Between alternative journalism and propaganda. — *European Journal of Communication*, 2020, Vol. 35(6), pp. 587–604.

²⁷¹ Официальный сайт Россотрудничества. Представительства за рубежом: карта. — URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (дата обращения: 09.01.2025).

Миссия Россотрудничества и «Русского мира» – народная дипломатия: организуются выставки, концерты, кинофестивали, Дни российской культуры, тематические лекции и семинары. Большое внимание уделяется академическому сотрудничеству: ежегодно через Россотрудничество отбираются тысячи иностранных студентов для обучения в вузах России, выдаются квоты и стипендии. К примеру, в 2025 г. Таджикистану выделено 1000 мест для студентов. Особое место занимают молодёжные программы: с 2011 г. действует инициатива «Новое поколение», а с 2014 г. – программа «Здравствуй, Россия!», в рамках которых ежегодно около 2000 молодых зарубежных гостей приглашаются посетить города страны, познакомиться с историей и современной жизнью страны. Через такие стажировки и форумы, например, Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Сочи, рассчитывают воспитать более лояльное России поколение зарубежной общественности, способное в будущем преодолеть предубеждения.

Важным компонентом культурной дипломатии является акцент на общем историческом наследии и памяти о войне, особенно в пространстве СНГ и Восточной Европы. Россия выступает инициатором международных проектов, направленных на сохранение правды о Второй мировой войне и недопущение реабилитации нацизма – поскольку в российской интерпретации попытки пересмотреть итоги войны и принизить вклад СССР рассматриваются как форма русофобии²⁷². Ежегодно российская делегация в ООН вносит резолюцию «Борьба с героизацией нацизма», осуждающую прославление нацистских преступников и случаев расовой дискриминации. В декабре 2024 г. такую резолюцию поддержали 119 государств (включая многие страны Азии, Африки и Латинской Америки), тогда как против выступили 53 делегации – главным образом США, Канада, Украина и государства ЕС. Документ призывает страны принять законодательные и

²⁷² Егоров В. Г. Актуальные тренды внешнеполитической стратегии стран СНГ / В. Г. Егоров, В. В. Штоль // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. - № 2. – С. 114-137.

образовательные меры для предотвращения фальсификации истории и восхваления нацистов. Примечательно, что западные страны настаивают на политизации этого вопроса: в текст была включена поправка, обвиняющая Россию в использовании темы неонацизма для оправдания своих действий на Украине (Москва отвергла такую увязку). Тем самым, даже международные усилия Российской Федерации в сфере исторической памяти сталкиваются с противодействием и трактуются оппонентами как элемент информационной борьбы. Тем не менее, подобные инициативы позволяют России консолидировать вокруг себя антифашистский дискурс и заручиться поддержкой глобального большинства по морально значимому вопросу, демонстрируя, что западная русофобская линия не разделяется многими незападными государствами.

Следует отметить и систему поддержки соотечественников за рубежом, являющуюся частью гуманитарной политики России. Через координационные советы соотечественников, Всемирный конгресс соотечественников и специальные программы, включая программу добровольного переселения, Москва пытается защитить права русскоязычного населения за пределами страны и противодействовать их дискриминации. Ещё с 1991 г. Россия критикует прибалтийские страны за ущемление прав русскоязычных меньшинств (вопрос «неграждан» в Латвии и Эстонии), квалифицируя такие практики как русофобские²⁷³. На площадках ОБСЕ и Совета Европы российская дипломатия регулярно поднимает вопросы недопустимости нарушения прав русскоговорящих и языковой дискриминации. Например, российские представители осуждали принятие на Украине и в Прибалтике законов, ограничивающих использование русского языка в образовании и медиа, указывая на их противоречие европейским нормам о правах

²⁷³ Ястржембский: Проблема русских в Прибалтике сохранится на 50 лет [Электронный ресурс] // Росбалт. – <https://www.rosbalt.ru/news/2004-09-28/yastrzhembskiy-problema-russkih-v-pribaltike-sohranitsya-na-50-let-3332023?ysclid=mdbqghypza585852451> (дата обращения: 09.01.2025).

нацменьшинств. Через эти усилия Россия стремится зафиксировать случаи русофобии в официальных международных документах и дискредитировать политику оппонентов как нарушающую универсальные принципы прав человека²⁷⁴.

На уровне МИД и высшего руководства РФ предпринимаются шаги по формированию альтернативной повестки и коалиции государств, не приемлющих русофобскую риторику. Министр иностранных дел Сергей Лавров и другие официальные лица в своих выступлениях систематически разоблачают «русофобский курс» Запада, апеллируя к идеям суверенного равенства и многополярности. Характерна оценка С.Лаврова, назвавшего политику ЕС после 2022 г. «новой всеобъемлющей русофобией», которая, по его словам, разрушает европейские ценности толерантности²⁷⁵. Подобные заявления отражают официальную линию Москвы: представить русофобию как искусственно насаждаемое явление, которому сопротивляются независимые и дружественные России страны.

Для противодействия политической изоляции Россия опирается на форматы союзов и интеграционных объединений. В рамках Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности, БРИКС и ШОС продвигается образ России не как «изгоя», а как лидера альтернативного центра силы. Так, союзники по ОДКБ в основном воздерживаются от критики России на международной арене, а нередко выступают с заявлениями, созвучными российской позиции. Примером служит совместное Заявление министров иностранных дел ОДКБ об активизации сотрудничества в обеспечении информационной безопасности 2022 года, где участники выразили общую озабоченность угрозами,

²⁷⁴ Пашенцев, Е. Н. Провокация как элемент стратегической коммуникации США: опыт Украины / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 44. – С. 149-175.

²⁷⁵ Лавров С. В. «Западная русофобия теперь имеет беспрецедентный, уродливый масштаб» // France 24, 24.09.2022. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20220924-live-biden-vows-swift-and-severe-costs-if-russia-annexes-ukraine-regions> (дата обращения: 09.01.2025).

связанными с использованием информационно-коммуникационных технологий в ущерб миру и стабильности. В документе подтверждается готовность координировать усилия против деструктивного информационного воздействия – по сути, это завуалированная реакция на западные информационные кампании²⁷⁶. Кроме того, на сессиях Парламентской ассамблеи ОДКБ поднимались вопросы противодействия фальсификации истории и недопущения героизации нацизма, что созвучно антирусофобским инициативам России в ООН.

На пространстве СНГ Москва инициирует гуманитарные проекты, подчёркивающие общность постсоветских народов и положительную роль страны. К примеру, ежегодно проводятся совместные празднования Дня Победы, автопробеги «Дороги памяти», конкурсы русского языка среди молодежи СНГ, которые противопоставлены западным попыткам пересмотра исторической памяти. Через Межпарламентскую ассамблею СНГ и Союзное государство с Белоруссией продвигаются соглашения о взаимном признании образования, поддержке русскоязычных школ, обмену культурными коллективами²⁷⁷. Все это формирует альтернативное интеграционное поле, где русофобские тезисы лишены почвы, а Россия выступает как центр притяжения «русского мира». Символично, что в обновлённой Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. страна прямо названа «оплотом Русского мира» и самобытной цивилизацией, а противодействие кампании русофобии закреплено в числе приоритетов её гуманитарной политики за рубежом. Иными словами, на высшем доктринальном уровне утверждена задача защиты русского языка, культуры, церкви и исторической правды от дискриминации – наравне с борьбой за многополярный мир.

²⁷⁶ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 24.11.2022 // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/> (дата обращения: 09.01.2025).

²⁷⁷ *Феофанов, К. А. Международное сотрудничество стран СНГ в сфере противодействия / К. А. Феофанов, Е. А. Астишина // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 5. – С. 187-203.*

Несмотря на масштабность перечисленных усилий, российскому руководству приходится признать, что коренной излом глобальных русофобских тенденций пока не достигнут. Имиджевые потери 2014–2022 гг. оказались существенными: согласно международным опросам, доля негативно относящихся к РФ респондентов достигала 60–80% в большинстве развитых стран Запада²⁷⁸. Это свидетельствует, что возможности Москвы переломить антироссийский дискурс ограничены, учитывая монополию западных медиа и закрытость их информационного пространства для альтернативной позиции. Тем не менее, в незападных регионах ситуация более сбалансированная: в государствах Азии, Африки, Латинской Америки уровень негатива к России существенно ниже (как правило, не превышает 10–30% по опросам). В данном случае дает эффект историческая память о советской поддержке, прагматизм элит, а отчасти и российские информационно-культурные программы, предлагающие альтернативный взгляд на конфликты. Так, стратегия РФ скорее приобрела дифференцированный результат: на «коллективном Западе» она столкнулась с жёстким отпором и минимальным пространством для манёвра, зато в остальном мире сумела сохранить и местами укрепить свой имидж как контрвеса западной гегемонии.

Для повышения эффективности борьбы с русофобией необходима адаптации российской стратегии к новым реалиям. Во-первых, требуется наращивать доверие к российским медиа за рубежом – возможно, за счёт более прозрачной редакционной политики и отказа от излишне прямолинейной подачи информации, чтобы привлечь нейтральную аудиторию. Во-вторых, стоит шире задействовать неформальные каналы коммуникации: поддержку лояльных блогеров, независимых экспертов и культурных деятелей,

²⁷⁸ Pew Research Center. Views of Russia and Putin. July 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/07/02/views-of-russia-and-putin-july-24/> (дата обращения: 21.01.2025).

Pew Research Center. Views of Russia and Putin. June 2025. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2025/06/23/views-of-russia-and-putin-2025> (дата обращения: 21.01.2025).

способных транслировать близкие Москве взгляды в мягкой форме. Подобная «народная дипломатия» снизу может оказаться более убедительной, чем официальные рупоры. В-третьих, важно усиливать локализацию меседжей – адаптировать аргументы под ценности конкретных аудиторий. Например, в странах Азии акцент делать на принципах суверенитета и уважения национальных цивилизаций, в Африке – на антиколониальной риторике, где Россия выступает как противовес неоколониализму, в арабском мире – на уважении к традициям и роли России в ближневосточном урегулировании. В-четвёртых, сохраняет значение расширение образовательных обменов: личный опыт пребывания в России у иностранцев зачастую разрушает стереотипы эффективнее, чем медийные кампании, поэтому рост стипендий и научно-образовательного сотрудничества стратегически оправдан. Наконец, противодействие русофобии должно вестись не только вовне, но и внутри страны – посредством консолидации российского общества, повышения медиаграмотности и поддержки тех граждан за рубежом, кто подвергается притеснениям. Такая комплексная устойчивость ослабит воздействие внешней враждебной пропаганды.

Выводы по параграфу 1:

Исторический анализ политико-информационных и дипломатических инструментов, применяемых Российской Федерацией в борьбе с русофобией в период с 1991 по 2022 гг., демонстрирует формирование многоуровневой стратегии, объединяющей элементы «жёсткой» государственной политики с механизмами «мягкой силы». На фоне эскалации антироссийских настроений после 2014 и особенно 2022 года, Москва перешла от ситуативного реагирования к системному подходу, включающему активное внешнеполитическое позиционирование, культурную и гуманитарную дипломатию, расширение информационного присутствия за рубежом, а также правозащитную деятельность в защиту соотечественников.

Россия осознанно использует международные медиа как контрнарратив к западным информационным потокам. RT и Sputnik стали флагманами

альтернативной коммуникации, ориентированной на разрушение доминирующих антироссийских клише. Несмотря на ограничения в ряде стран, их деятельность в глобальном Юге оказывает заметное влияние на формирование более сбалансированного образа России. Однако в западном информационном пространстве эффективность этих каналов остаётся ограниченной из-за их стигматизации как пропагандистских ресурсов. Это подчёркивает необходимость гибкости, локализации сообщений и отказа от излишне идеологизированной подачи информации.

Одним из наиболее устойчивых направлений стала гуманитарная дипломатия. Через фонды «Русский мир», Россотрудничество и сеть «Русских домов» осуществляется продвижение русского языка, культуры и образования. Молодёжные и академические программы, ориентированные на страны СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки, не только формируют позитивный имидж страны, но и создают долгосрочную сеть лояльных партнёров. Также важную роль играют инициативы по сохранению исторической памяти, прежде всего в сфере Второй мировой войны, что позволяет России мобилизовать международную поддержку по вопросам, выходящим за рамки идеологических разногласий.

На уровне официальной дипломатии русофобия рассматривается как политизированное давление, нарушающее принципы равноправия и взаимоуважения. РФ активно апеллирует к международному праву, поднимает вопросы дискриминации русскоязычных и активно задействует трибуны ООН, ОБСЕ и иных организаций. Противостояние русофобским нарративам стало частью доктринальной внешнеполитической линии, закреплённой в Концепции внешней политики 2023 года, где утверждается особая миссия России по защите «Русского мира» и многополярного порядка.

Тем не менее, анализ показывает, что успех этих усилий носит регионально ограниченный характер. В странах Запада уровень антироссийской мобилизации остаётся высоким, тогда как в незападных регионах стратегия РФ демонстрирует большую результативность. Это

требует дальнейшей адаптации инструментов воздействия, активизации неформальных коммуникаций и опоры на «народную дипломатию» как менее уязвимую и более доверительную форму продвижения интересов.

В целом можно заключить, что развитие данных инструментов демонстрирует переход от реактивного курса 1991–1999 годов, когда Россия ограничивалась попытками интеграции в западное сообщество, к проактивной политике 2005–2022 годов, направленной на формирование собственных нарративов, союзов и культурных центров силы. Россия выстроила функциональную систему противодействия русофобии, сочетающую информационные, культурные и дипломатические ресурсы. При этом долгосрочный успех будет зависеть от гибкости, адресности и способности предложить миру привлекательную альтернативу в плане ценностей, диалога и сотрудничества, а не только от способности к идеологической защите. В этом контексте взаимодействие государства с экспертным сообществом и культурной элитой приобретает стратегическое значение.

§2 Сербская дипломатия нейтралитета, информационное самоутверждение и работа с диаспорой

Сербофобия как устойчивый элемент международного и регионального дискурса приобрела в постбиполярный период форму политико-коммуникативной практики, направленной на делегитимацию не только конкретных представителей сербского народа, но и на подрыв институциональной субъектности Сербии как государства. На международной арене данное явление трансформировалось в сложный механизм символического давления, действующий через дипломатические каналы, механизмы международного правосудия, платформы многосторонних организаций и информационные сети. Это проявляется как в формальных резолюциях международных институтов (например, Европарламента или ПАСЕ), так и в медийно-аналитическом пространстве, где устойчиво воспроизводятся нарративы о Сербии как факторе нестабильности в регионе

Западных Балкан. Подобное позиционирование усилилось в последние два десятилетия, в том числе в связи с активной внешнеполитической линией Белграда на отстаивание собственной историко-правовой позиции по Косово и отказом от подчинения санкционной политике ЕС.

Особое значение в воспроизводстве сербофобского нарратива приобрели медиа-структуры, аналитические центры и международные правозащитные организации, которые активно формируют повестку в международных институтах, влияя на восприятие Сербии как «проблемного» актора. На этом фоне любая попытка Белграда проводить самостоятельную внешнюю политику, включая защиту национальных интересов в рамках международного права, интерпретируется как проявление «непрозападной» ориентации. Так, в докладе Freedom House отмечается «ухудшение демократических показателей» в Сербии, что сопровождается параллельными оценками её «нежелания поддерживать санкционный режим» в отношении России²⁷⁹. Европейская комиссия в своих ежегодных отчётах фиксирует высокий уровень несогласованности сербской внешней политики с общей внешнеполитической и оборонной политикой ЕС (CFSP), что используется как аргумент против ускорения евроинтеграции.

Существенным элементом внешнего давления на Сербию после окончания вооружённых конфликтов на территории бывшей Югославии стал международно-правовой аспект, оказавший продолжительное воздействие не только на дипломатическую активность Белграда, но и на устойчивость его международного имиджа. Наиболее показательным в этом отношении стало одностороннее внимание, проявленное Международным трибуналом по бывшей Югославии, деятельность которого с середины 1990-х годов стала символом персонифицированного подхода к трактовке вины и ответственности в региональных конфликтах. Несмотря на формальную

²⁷⁹ Freedom House: Резкое снижение демократических свобод в Сербии [Электронный ресурс] // Vreme. – <https://vreme.com/ru/vreme/fridom-haus-dramatican-pad-demokratskih-sloboda-u-srbiji/> (дата обращения: 21.01.2025).

универсальность юрисдикции Трибунала, в международной практике он оказался институционально сконструированным таким образом, что значительное количество обвинительных приговоров и процессов касались преимущественно сербских военных, политических и гражданских деятелей.

Эта тенденция, подкреплённая активной информационной и политической поддержкой МТБЮ со стороны западных государств, привела к закреплению в международных структурах образа Сербии как «виновной стороны» в югославских конфликтах. Такой подход оказался не просто юридическим, но и политико-дискурсивным механизмом, формирующим устойчивую модель восприятия Сербии как нарушителя международного гуманитарного права, несмотря на сложную этнополитическую и военно-политическую картину 1990-х годов. Это обстоятельство в дальнейшем оказало долгосрочное влияние на восприятие Белграда в различных структурах — от Совета Европы и ОБСЕ до Европейского парламента, где темы исторической вины регулярно используются как инструмент политического давления или аргументация в пользу ограничения дипломатического манёвра Сербии.

Особое напряжение вызывает у сербской стороны устойчивое игнорирование преступлений, совершённых против сербского населения в различных регионах — Косово и Метохии, Республике Сербской Краине, Сараево, а также в ходе операций НАТО на территории Сербии и Черногории. Попытки сербской дипломатии добиться рассмотрения фактов массовых убийств, этнических чисток, разрушения православных храмов, насильственного изгнания сербов, зачастую наталкиваются на формальное молчание или процедурные отговорки со стороны международных правовых институтов. Так, обращения к Генеральной Ассамблее ООН и в Совет по правам человека, касающиеся последствий операции НАТО 1999 года, в том числе применения обеднённого урана, остаются без адекватной правовой реакции. Это усиливает в сербском обществе и политическом классе

убеждение в системной политизации международного правосудия и его инструментализации в интересах определённых геополитических сил.

Складывающаяся ситуация трактуется в Белграде как проявление двойных стандартов, где принципы объективного правосудия подменяются идеологически окрашенным подходом. Подобное восприятие приводит к девальвации доверия к международным судебным органам, в том числе Международному уголовному суду (МУС), и создаёт предпосылки для институционального скептицизма в отношении инициатив, исходящих от международных организаций. В ответ на это сербская дипломатия всё активнее использует язык международного права для демонстрации собственных правовых претензий: разрабатываются юридические заключения, готовятся доклады о правах сербского населения в Косово, инициируются обращения к третьим странам с призывами не признавать одностороннюю независимость. Эти действия сопровождаются попытками активизировать «южный» и «внеевропейский» дипломатический вектор — прежде всего в странах Африки, Латинской Америки и Азии, которые сами сталкивались с проблемами территориальной целостности и деструктивного внешнего вмешательства.

Серьёзным вызовом для внешнеполитической устойчивости Белграда стал вопрос участия самопровозглашённой Республики Косово в международных организациях, прежде всего — в ЮНЕСКО и Совете Европы. С 2015 года сербская дипломатия системно блокирует усилия Приштины, направленные на включение Косово в структуру Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, апеллируя к Резолюции 1244 СБ ООН²⁸⁰ и необходимости консенсуса между сторонами. При поддержке России, Китая, а также ряда государств Движения неприсоединения (в частности, Индии, Кубы, Азербайджана, Анголы) Белград

²⁸⁰ Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. — <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.01.2025).

успешно формирует коалиции, позволяющие не допустить нарушения принципа суверенитета и недопустимости политизации культурных институтов. В этом контексте дипломатическая активность Сербии проявляется в проведении двусторонних встреч, юридических консультаций, международных конференций и кампаний в защиту сербского культурного наследия на территории Косово, включая монастыри Грачаница, Дечаны и Печскую патриархию, признанные объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Одновременно с этим Белград использует платформу ООН и ОБСЕ для артикуляции собственного видения конфликтов в регионе и концепции «позитивного нейтралитета». В отличие от провозглашённой «активной политики интеграции в евроатлантическое пространство», которой придерживаются большинство государств региона, Сербия с 2007 года формально закрепила военный нейтралитет как основу национальной безопасности²⁸¹. Этот статус не кодифицирован в конституции, но подтверждён серией парламентских решений и дипломатических заявлений. На практике это выражается в отказе от членства в НАТО, при одновременном сохранении участия в программе «Партнёрство ради мира» и ограниченного военного сотрудничества с альянсом. Сербская позиция обусловлена как историко-культурной травмой, связанной с бомбардировками 1999 года, так и стремлением сохранить стратегическую гибкость в условиях растущей конкуренции великих держав на Балканах²⁸².

Сербская стратегия нейтралитета находит поддержку среди государств, заинтересованных в формировании альтернативной архитектуры международных отношений. Важную роль здесь играет Движение

²⁸¹ Serbian parliament's Kosovo resolution [Электронный ресурс] // B92. – https://www.b92.net/o/eng/insight/strategies?yyyy=2007&mm=12&nav_id=46517 (дата обращения: 21.01.2025).

²⁸² Старчевић С. Оправданост војне неутралности Републике Србије у светлу руско-украјинског сукоба // Војно дело. 2023. № 4. С. 327–345. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0354-5989/2023/0354-59892304327K.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).

неприсоединения (NAM), в рамках которого Белград ведёт активную работу с глобальным Югом. С момента возобновления политических контактов на высшем уровне Сербия наращивает дипломатические инициативы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, опираясь как на наследие югославского лидерства в NAM, так и на современные экономические и гуманитарные интересы. Ключевым событием стало проведение в Белграде юбилейного саммита Движения неприсоединения в 2021 году, где Сербия предстала в роли организатора и координатора²⁸³. Этот саммит стал не только актом символического возвращения к традиции многосторонней политики Тито, но и важным инструментом укрепления международной легитимности сербских инициатив по Косово.

Формула дипломатии Белграда строится на принципе «мягкого отстаивания твёрдых позиций»: формально подтверждая приверженность европейскому курсу, сербское руководство одновременно выстраивает партнёрства с Россией и Китаем, активно используя двусторонние форматы для укрепления суверенитета²⁸⁴. В отношениях с Российской Федерацией главным фактором выступает консолидация по косовскому вопросу. Россия не признаёт независимость Косова, систематически поддерживает позицию Белграда в Совете Безопасности ООН, в том числе блокируя инициативы Приштины по вступлению в международные организации. Помимо политической координации, значительным остаётся сотрудничество в области энергетики, в частности, поставки природного газа и участие «Газпрома» в сербской экономике, военного сотрудничества (поставки вооружения и техники) и культурных проектов, включая совместные историко-

²⁸³ В Сербии открылся юбилейный, 60-й саммит стран-членов Движения неприсоединения [Электронный ресурс] // Первый канал. – https://www.1tv.ru/news/2021-10-11/414548-v-serbii-otkrylsya-yubileynyy-60-y-sammit-stran-chlenov-dvizheniya-neprisoedineniya?yscl_id=mdbves0uqa820742820 (дата обращения: 21.01.2025).

²⁸⁴ Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 21.01.2025).

патриотические инициативы, реконструкцию храмов, выставки и конференции.

Несмотря на давление со стороны западных партнёров, Сербия последовательно воздерживается от введения антироссийских санкций, подчёркивая необходимость проведения сбалансированной и мирной политики. Это стало особенно заметно в контексте российско-украинского конфликта, где Белград, хотя и поддержал ряд резолюций ООН, осуждающих нарушение суверенитета Украины, одновременно отказался вводить экономические и персональные ограничения. Такая позиция вызывает критику со стороны ЕС, но получает широкую поддержку в сербском обществе и рассматривается руководством страны как проявление автономности внешнеполитического выбора. CRTA — сербская НПО, признанный в стране исследователь и лауреат премии ОБСЕ в полевом опросе 24.09.2022–03.10.2022 показала, что 58% жителей Сербии «ближе российская сторона» в конфликте российско-украинском конфликте; 22% — ближе Украина; санкции против России поддерживает каждый пятый опрошенный²⁸⁵.

Китай же выступает для Сербии не столько военно-политическим союзником, сколько стратегическим экономическим партнёром и источником инвестиций. Сотрудничество развивается в рамках инициативы «Пояс и путь», в которой Сербия становится одним из ключевых узлов на европейском отрезке. Реализуются инфраструктурные проекты (реконструкция железных дорог, строительство автомагистралей, логистических центров), в энергетике (строительство ТЭЦ, инвестиции в горнодобывающий сектор), в сфере высоких технологий и медицины²⁸⁶. Особенно заметной стала китайская помощь в борьбе с пандемией COVID-19: поставки вакцин, медицинского оборудования и публичные проявления солидарности. Это позволило

²⁸⁵ CRTA. Rezultati: Politički stavovi građana Srbije – jesen 2022, 22.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://crt.rs/istrzivanje-eu-rat-u-ukrajini/> (дата обращения: 21.01.2025).

²⁸⁶ Dimitrijević D., Achievements and Challenges for China Investments in Serbia // Управленческое консультирование. 2018. №6. С. 88-101.

сербскому руководству акцентировать на диверсификации внешнеэкономических связей и демонстрировать устойчивость к давлению западных финансовых институтов.

Сложные и противоречивые отношения складываются с Европейским союзом. С одной стороны, ЕС остаётся крупнейшим торгово-экономическим партнёром Сербии, а интеграция в Союз сохраняется как официальная внешнеполитическая цель²⁸⁷. С другой – процесс присоединения затягивается, а политические сигналы из Брюсселя становятся всё более неопределёнными. Фактически Сербия оказывается в «серой зоне» европейской политики, сталкиваясь с требованиями политической лояльности, которые не всегда соответствуют национальным интересам. Центральным конфликтным вопросом остаётся Косово. ЕС, выступая посредником в диалоге между Белградом и Приштиной, фактически ожидает от Сербии признания косовской государственности – в явной или завуалированной форме. Такие ожидания противоречат как юридической позиции Белграда, так и массовым общественным настроениям, в которых вопрос Косово остаётся предметом национального консенсуса²⁸⁸.

Ряд стран ЕС продолжает не признавать Косово, что объективно осложняет единый подход Брюсселя. Тем не менее, давление на Сербию усиливается – в том числе через финансовые рычаги, дифференцированный доступ к фондам, политическое условие прогресса по главам переговорного процесса. В этом контексте Белград ищет балансы, используя поддержание связей с Россией и Китаем как элементы переговорной тактики и гарантии против международной изоляции.

²⁸⁷ Министарство спољних послова Републике Србије. Европске интеграције и чланство у Европској унији као стратешко опредељење Републике Србије. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.rs/spoljna-politika/eu-integracije/politicki-odnosi-srbije-i-eu>

²⁸⁸ Европизација у Србији почетком XXI века // AnthroSerbia Books. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthroserbiabooks.org/index.php/asb/catalog/download/41/48/180?inline=1> (дата обращения: 21.01.2025).

Одним из важнейших элементов сербской стратегии на международной арене становится работа по улучшению имиджа страны — борьба с устойчивыми стереотипами, воспроизводимыми в западном медиапространстве и институциональной риторике. Конструктивный ответ на сербофобию оформляется в виде комплексной политики гуманитарной и культурной дипломатии. Белград делает ставку на «реабилитацию» исторического образа Сербии через культурные программы, продвижение науки и образования, а также стратегические коммуникации. В последние годы реализованы десятки проектов: открытие сербских культурных центров за рубежом, поддержка сербского языка и литературы в зарубежных университетах, участие в крупнейших международных ярмарках и культурных форумах.

Сербская дипломатия стремится показать страну не только как политического актора, но и как культурную нацию с глубокими историческими корнями и вкладом в европейскую и мировую цивилизацию. Ведущие внешнеполитические инициативы связаны с проведением фестивалей, выставок, гастролей, научных конференций, рассчитанных на мягкое воздействие на общественное мнение и размывание негативных клише. Особенно активизировалась работа в странах с многочисленной сербской диаспорой — Австрия, Германия, Франция, США, Канада²⁸⁹. Здесь формируется своего рода «информационное посольство» Сербии, основанное не на официальной дипломатии, а на публичной культурной репрезентации.

Работа с диаспорой занимает особое место в внешнеполитической стратегии Сербии. Диаспора в сербском контексте рассматривается не только как совокупность соотечественников, проживающих за границей, но как самостоятельный культурно-политический ресурс, способный влиять на

²⁸⁹ Колаковић А. *Kultura i diplomatija – Francuska i Srbija // Kulture u dijalogu – Cultures in Dialogue, Cultural Diplomacy and Libraries. Vol. 3. 2021. С. 101–122. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=0023-51642173175K> (дата обращения: 14.02.2025).*

формирование внешнего имиджа страны и продвигать национальные интересы в странах проживания. Согласно оценкам Управления по сотрудничеству с диаспорой и сербами в регионе при Министерстве иностранных дел Республики Сербия, за пределами страны проживает около 4–5 миллионов сербов, что составляет более половины населения самой Сербии. Диаспора рассредоточена в странах Западной Европы (прежде всего Германия, Австрия, Франция, Швейцария), Северной Америки, Австралии, а также в ряде постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы²⁹⁰.

Формирование сербской диаспоры происходило в несколько волн — от трудовой миграции середины XX века до политических эмиграций времён югославских войн. Это сформировало разнообразную по составу, мотивации и уровню интеграции за рубежом сербскую общность. В одних странах (Германия, Швейцария) сербская диаспора концентрируется в рамках трудовой миграции, во многих случаях испытывая давление ассимиляционных процессов и маргинализации. В других — особенно в США и Канаде — политическая эмиграция организована институционально: существуют медиа, культурные центры, научные сообщества и церковные структуры, играющие роль посредника между диаспорой и сербским государством²⁹¹.

Внешнеполитическая активизация диаспоры становится важным элементом государственной политики Сербии, особенно в условиях ограниченного информационного доступа в западное медиаполе. Через работу с культурными обществами, церковными структурами и гражданскими

²⁹⁰ Министарство спољних послова Републике Србије. Однос према дијаспори и Србима у региону — основа устава и спољнополитичком раду // Министарство спољних послова Републике Србије. [Електронни ресурс]. URL: <https://arhiviranisajt.msp.gov.rs/sr/index.php/konzularni-poslovi/dijaspora/dijaspora-opste?lang=lat> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁹¹ Россия и русские в истории Сербии (новейшая история) [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир». — <https://ruskiymir.ru/publications/85075/?ysclid=mdbvgrht41836605417> (дата обращения: 14.02.2025).

инициативами реализуется стратегия «народной дипломатии» — участия граждан и общин в продвижении интересов государства за пределами его территории. Эта стратегия особенно эффективна в странах с развитой системой локального самоуправления, где сербская диаспора участвует в выборах, формирует общественное мнение и может выступать посредником между сербскими и зарубежными институтами.

Одним из ярких примеров взаимодействия государства и диаспоры является поддержка кампаний по делегитимации признания Косово. В Канаде, Германии и Франции сербские диаспоральные структуры проводили массовые акции, круглые столы и лоббистскую деятельность, направленные на убеждение местных политиков и общественности в незаконности одностороннего провозглашения независимости Косово. Это сопровождалось публичными кампаниями, активностью в социальных сетях, публикацией материалов в англоязычной и франкоязычной прессе. Такой подход усиливал общую дипломатическую позицию Сербии и обеспечивал ей поддержку на общественном уровне в странах, где решения по внешнеполитическим вопросам нередко зависят от внутривнутриполитического давления.

Параллельно реализуются программы культурной интеграции диаспоры в общенациональное информационное поле: мероприятия по сохранению языка и культурного наследия, поддержка зарубежных сербских школ, организация тематических лагерей для детей из диаспоры, публикации на сербском языке за рубежом. Эти шаги позволяют сохранить идентичность сербских общин и укрепляют их связь с исторической родиной. В ряде случаев это не просто сохранение культурных связей, а формирование лояльных Сербии субъектов публичной дипломатии, способных вести конструктивный диалог с властями стран проживания²⁹².

²⁹² The Serbian Science and Diaspora Collaboration Program // Министерство науке и технолошког развоја Републике Србије. [Электронный ресурс]. URL: <https://fondzanauku.gov.rs/the-serbian-science-and-diaspora-collaboration-program/?lang=en> (дата обращения: 14.02.2025).

Важно отметить, что работа с диаспорой опирается и на религиозную составляющую — Сербскую православную церковь, играющую роль культурного якоря и авторитетного института, обладающего широкой международной сетью. Множество приходов в диаспоре становятся не только местами духовной жизни, но и центрами общественной активности, форумами диалога, образования и культурной репрезентации. В условиях, когда официальная дипломатия сталкивается с ограничениями, церковные структуры могут выполнять функцию негласных каналов взаимодействия и трансляции символических кодов, важных для сохранения исторической и идентификационной памяти²⁹³.

Дополняя работу с диаспорой, сербская внешняя политика активно использует культурную и научную дипломатию как способ изменения международного имиджа. В этом направлении значительную роль играет участие в межгосударственных образовательных программах, развитие сотрудничества между университетами, проведение совместных исследовательских проектов, особенно в области истории, политологии, международного права и культурологии²⁹⁴. Создание англоязычных публикаций и международных научных сборников позволяет формировать альтернативное знание о событиях, связанных с историей Югославии, сербским народом, конфликтами на Балканах и современным геополитическим контекстом. Это является частью более широкой стратегии «контрнарратива» — ответа на международные интерпретации, доминирующие в западных источниках.

Сербия стремится позиционировать себя как ответственное государство, способное проводить взвешенную, предсказуемую и многоуровневую

²⁹³ Сербская Православная Церковь [Электронный ресурс] // Азбука веры. — https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/konspekt-po-istorii-pomestnyh-pravoslavnyh-tserkvej/6 (дата обращения: 14.02.2025).

²⁹⁴ Васић Н. Дипломатија и култура Србије // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2016. С. 239–264. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/339/1/Diplomatija%20i%20kultura%20Srbije-pages-239-264.pdf> (дата обращения: 14.02.2025).

внешнюю политику, основанную на принципах уважения к международному праву, культурной идентичности и диалогу. Для этого Белград применяет набор инструментов так называемой «символической дипломатии», включая публичные выступления на международных форумах, публикации в зарубежной прессе, инициативы по примирению, участие в гуманитарных акциях, международных конференциях по вопросам межэтнического мира и восстановления доверия на Балканах.

Одним из примеров такой политики является активное участие Сербии в работе ООН по линии защиты религиозных и культурных прав. Белград выдвигает инициативы по защите христианских памятников, выступает с заявлениями против разрушения религиозного наследия в Косово, использует структуру ЮНЕСКО для блокировки попыток Приштины зарегистрировать объекты сербского культурного наследия как косовские. Позиция Белграда в этих вопросах получает поддержку со стороны России, Китая, Греции, Индии, а также ряда арабских государств, обеспокоенных аналогичными кейсами культурной ассимиляции в собственных регионах.

Важнейшим направлением деятельности сербской дипломатии остаётся международно-правовая защита интересов государства на фоне попыток делегитимации её позиций в глобальных институтах²⁹⁵. Косово и Метохия в данном контексте выступают не только как внутренняя политическая и территориальная проблема, но и как центральный элемент международных юридических дебатов. Сербия на протяжении последних двух десятилетий системно апеллирует к международному праву, прежде всего к Резолюции 1244 Совета Безопасности ООН²⁹⁶, трактуя её как основу своей правосубъектной позиции в отношении Косово. Позиция Белграда

²⁹⁵ Радио-телевизија Србије (РТС). Косово није примљено у Унеско, 09.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rts.rs/vesti/politika/2098201/kosovo-nije-primljeno-u-unesko-spiskovi-kako-su-glasale-drzave-clanice.html> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁹⁶ Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.02.2025).

заключается в том, что провозглашение независимости Косова в 2008 году нарушает принцип территориальной целостности государств и не может быть признано в рамках существующих норм международного права.

Эта позиция получила частичное подтверждение в консультативном заключении Международного суда ООН 2010 года, в котором, несмотря на формальную правомерность акта декларации независимости, не была дана оценка его юридических последствий для статуса Косово как части Сербии²⁹⁷. Белград воспользовался этим юридическим пространством для проведения серии дипломатических кампаний, направленных на отзыв признаний Косова со стороны других государств. В рамках этой политики с 2017 по 2021 год более 15 стран заявили об отзыве или приостановлении своего признания косовской независимости. Основными каналами такого взаимодействия стали двусторонние визиты, подписание меморандумов о взаимопонимании, гуманитарное сотрудничество, а также инвестиционные и образовательные инициативы, в которых Сербия выступала как активный партнёр.

В Совете Европы и ОБСЕ сербская дипломатия активно использует механизмы парламентской дипломатии, участвуя в заседаниях, рабочих группах и экспертных комитетах, где поднимаются вопросы прав национальных меньшинств, свободы религии, защиты исторического наследия. Косовская тема при этом последовательно вписывается в более широкий контекст прав человека, культурного плюрализма и противодействия политизации международных институтов. Особенно напряжёнными стали обсуждения в Совете Европы в 2023 году, когда инициатива по членству Косова была формально одобрена парламентской ассамблеей, но встретила резкое сопротивление со стороны ряда государств, включая Грецию, Кипр, Словакию и Румынию. Сербская дипломатия в данном случае мобилизовала

²⁹⁷ Голубок, С. А. О соответствии международному праву односторонней Декларации независимости Косово: консультативное заключение Международного Суда ООН от 22 июля 2010 года / С. А. Голубок // Международное правосудие. – 2011. – Т. 1. – №1. – С. 21-30.

все доступные ресурсы: от дипломатических миссий и постоянных представительств до инструментов информационного воздействия, включая работу с НПО, экспертным сообществом и медиа.

В дискурсе сербской дипломатии подчеркивается, что нейтралитет — это не отказ от ответственности, а форма активной позиции, направленной на защиту национального суверенитета, участие в миротворчестве и посредничестве²⁹⁸.

Сербия, как и Австрия, подчёркивает значение нейтралитета как исторического и геополитического выбора, сформированного в контексте постконфликтного состояния. При этом нейтралитет Белграда носит гибридный характер: он не закреплён юридически в конституции, но реализуется на уровне внешнеполитической практики. Подобная «плавающая» форма нейтралитета позволяет гибко реагировать на изменения международной среды, выстраивать многоформатное сотрудничество с разными центрами силы — ЕС, РФ, КНР, США — и одновременно сохранять манёвренность, не подчиняясь доминирующей логике альянсов.

В то же время подобная стратегия не свободна от рисков. Существующий внешнеполитический дискурс Запада рассматривает нейтралитет всё чаще как проблему, а не как ресурс. Отказ Сербии от санкционной солидарности с ЕС трактуется как «распространение российского влияния» в регион, а её партнёрство с Китаем — как «непрозрачная практика государственного капитализма», противоречащая нормам европейской экономической этики. В этих условиях сербская дипломатия сталкивается с необходимостью постоянного подтверждения своей правомочности как нейтрального актора, открытого к сотрудничеству, но приверженного национальной повестке. Эту задачу решают, в частности,

²⁹⁸ Вукасовић Д. Војна неутралност Србије у контексту евроатлантских интеграција // Зборник радова: Србија и Евроазијски савез. Београд, 2016. С. 173–188. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijumips.rs/844/1/SRBIJA%20I%20EVROAZIJSKI%20SAVEZ%20pdf%20kona%20cno-173-188.pdf> (дата обращения: 14.02.2025).

через участие в международных форумах, конференциях, программах партнёрства и диалога²⁹⁹.

Формирующийся образ Сербии в мировой политике может быть охарактеризован как образ государства, находящегося в перманентной обороне: защита территориальной целостности, защита культурного наследия, защита от навязываемых интерпретаций истории, от давления международных организаций, от односторонних санкций и стандартов. При этом оборонительная стратегия сопряжена с элементами наступательной дипломатии — продвижением собственных нарративов, формированием альянсов по конкретным вопросам, мобилизацией гуманитарных и символических ресурсов.

Особую роль в этой стратегии играет использование международных правовых аргументов. Сербия систематически апеллирует к основополагающим документам ООН, Хельсинкскому акту 1975 года³⁰⁰, решениям Международного суда и другим правовым источникам. Такой подход позволяет выстраивать рамку правовой последовательности, противопоставляя её политическим спекуляциям. Одновременно это создаёт возможность для коалиционного взаимодействия с другими странами, сталкивающимися с аналогичными вызовами — непризнанием границ, сепаратистскими движениями, попытками внешнего давления.

В этом контексте борьба Сербии за имидж — это не второстепенное направление, а важнейшая составляющая внешнеполитической безопасности. Имиджевая дипломатия строится на трёх взаимосвязанных элементах: трансляции позитивного культурного образа через искусство, науку и образование, дестабилизации негативных нарративов через экспертные

²⁹⁹ Европизација у Србији почетком XXI века // AnthroSerbia Books. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthroserbiabooks.org/index.php/asb/catalog/download/41/48/180?inline=1> (дата обращения: 14.02.2025).

³⁰⁰ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 14.02.2025).

опровержения, историко-документальные материалы и научные конференции, а также вовлечении зарубежной аудитории в диалог о балканской истории, региональной безопасности и международном праве. Именно эти направления позволяют Сербии занимать активную позицию в международной арене, несмотря на ограниченные финансовые и институциональные ресурсы.

Поддержание нейтралитета, борьба за позитивный международный образ и работа с диаспорой интегрируются в единую внешнеполитическую модель Сербии, которая может быть описана как дипломатия стратегического маневрирования. На фоне глобальных тектонических сдвигов — возвращения блокового мышления, усиления санкционной политики, идеологической поляризации международных организаций — Белград стремится не к изоляции и не к полной инкорпорации в один из лагерей, а к сохранению пространства для самостоятельной внешнеполитической субъектности. Этот курс позволяет Сербии участвовать одновременно в нескольких институциональных орбитах: она является кандидатом в члены ЕС, партнёром НАТО по линии «Партнёрство ради мира», союзником России по ряду стратегических вопросов, а также активным участником китайских инфраструктурных инициатив³⁰¹.

Однако данное положение требует постоянного баланса между политическими притязаниями внешних акторов и внутренними ограничениями, прежде всего — общественным мнением. Согласно социологическим исследованиям Института европейских дел 2023 г., более 80% граждан Сербии выступают против введения санкций против России, а около 65% выражают недоверие к ЕС как политическому союзу³⁰². Эти данные объективно сдерживают радикализацию внешнеполитического курса и

³⁰¹ Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

³⁰² Британское исследование подтвердило непреклонность сербов [Электронный ресурс] // Балканист. — <https://balkanist.ru/britanskoe-issledovanie-podtverdilo-nepreklonnost-serbov/?ysclid=mdbvp6tmpd898590192> (дата обращения: 22.02.2025).

требуют от власти сложных комбинаций дипломатических сигналов. Сербия демонстрирует, что её нейтралитет — не форма самоизоляции, а рациональная стратегия в многополярном мире, основанная на необходимости сохранить манёвренность в условиях высокой международной турбулентности.

Имиджевая политика в этих условиях направлена на разрушение стереотипов, культивируемых в западной медийной и аналитической среде. Стереотип о Сербии как о «провинции русского влияния», «младшем партнёре авторитарных держав», «государстве, неспособном к демократизации», последовательно опровергается в практической дипломатии. Белград активно демонстрирует готовность к участию в региональных инициативах по обеспечению мира, ведёт посредническую деятельность, включая миротворческие инициативы на уровне ОБСЕ, участвует в международных кампаниях по защите прав человека и культурного наследия. При этом сербская дипломатия подчёркивает, что отказ от санкционной политики и сохранение традиционных связей с Востоком не являются проявлением антизападности, а, напротив, служат попыткой утверждения более инклюзивного и универсального международного порядка, в котором государство сохраняет право на идентичность и политический выбор.

Ярким примером проактивной стратегии внешнеполитического позиционирования стала инициатива «Открытые Балканы»³⁰³, в рамках которой Сербия, Албания и Северная Македония начали выстраивать механизмы экономической интеграции и свободного передвижения. Несмотря на критику со стороны части ЕС и других стран региона, в частности, Боснии и Черногории, Белград использует данный проект как инструмент демонстрации способности к региональному лидерству, сотрудничеству и модернизации³⁰⁴. В более широком плане это направлено на демонстрацию

³⁰³ Пророкович, Д. Открытые Балканы: перспективы институционализации / Д. Пророкович, Е. Г. Энтина // Вестник международных организаций. — 2023. — Т. 18. — №2. — С. 106-121.

³⁰⁴ Slobodna Evropa. Novi izazovi donedavnog 'Mini Šengena' // Slobodna Evropa. 05.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/otvoreni-balkan-srbija/31395450.html> (дата обращения: 07.09.2025) (дата обращения: 22.02.2025).

конструктивной роли Сербии как фактора стабильности, а не угрозы — образа, который активно контестируется сербофобским дискурсом.

Параллельно усиливается научно-аналитическая составляющая внешнеполитического самоутверждения. Белградские исследовательские центры, такие как Институт международной политики и экономики, Фонд стратегической культуры, Центр евроатлантических исследований, Центр изучения региональной политики, публикуют аналитические доклады, научные сборники и экспертные заключения, которые транслируются как в национальное, так и в международное академическое пространство. Эти исследования становятся важным элементом «научной дипломатии» — не только в рамках академических обменов, но и как способ контраргументации в международных дискуссиях, где Сербия представляется как субъект, способный к самостоятельной аналитике, рефлексии и концептуальному предложению.

Кроме того, Белград активно инвестирует в дипломатическое образование. Работают специальные программы в Дипломатической академии МИД Сербии, реализуются курсы по публичной дипломатии, международному праву и кризисным коммуникациям. Ведётся сотрудничество с зарубежными дипломатическими школами и институтами, в частности с Россией, Венгрией, Австрией, Китаем. В этом формируется новое поколение сербских дипломатов, способных работать в условиях постоянного внешнего давления, эффективно представлять позицию страны и одновременно вести диалог с противоположными сторонами.

Нельзя не отметить и усилия по формированию визуального и символического образа Сербии за рубежом. Активно используются элементы традиционной культуры — архитектура, музыка, кино, кухня — в формировании привлекательного имиджа страны. Сербские павильоны на международных выставках, гастроли артистов, участие в фестивалях и культурных форумах используются в качестве инструментов публичной дипломатии. Это дополняется и спортивными успехами, где представители

Сербии — особенно в теннисе, баскетболе, волейболе — выступают не только как отдельные личности, но и как символы национальной идентичности и положительного международного восприятия.

Также, можно отметить, что внешнеполитическая стратегия Сербии в условиях сербофобского давления формирует уникальный образ «гибкого сопротивления». Это сопротивление не носит конфронтационного характера — напротив, оно проявляется в настойчивой и институционально выстроенной защите правовой позиции страны, в использовании всех доступных каналов дипломатии, в системной работе с информацией, диаспорой и гуманитарной сферой. Такая политика опирается на универсальные принципы международного права, но при этом не отказывается от национальных интересов, исторической памяти и культурной специфики. Отдельное внимание следует уделить и тому, как сербская модель противодействия внешнему давлению соотносится с российским опытом. Несмотря на различия в масштабах, статусах и ресурсах, обе страны сталкиваются с попытками маргинализации в международных организациях, с дискредитацией их позиций через медиа и санкционные механизмы, с вызовами односторонней политизации исторических конфликтов. В этом контексте можно говорить о формировании своеобразного альянса не только политического, но и гуманитарно-информационного характера. Обе страны стремятся утверждать собственные нарративы в условиях гегемонии западного дискурса, используя механизмы юридической, культурной и научной дипломатии.

Выводы по параграфу 2:

Проведённый анализ внешнеполитической стратегии Сербии в условиях сербофобского давления в период с 1991 по 2022 гг. демонстрирует устойчивое развитие уникальной модели дипломатического позиционирования, основанной на синтезе нейтралитета, символической дипломатии, информационного самоутверждения и активной работы с диаспорой. В отличие от прямой конфронтационной реакции, Сербия

выстраивает сложную конфигурацию дипломатических, гуманитарных и правовых механизмов, ориентированных не только на защиту суверенитета, но и на институционализацию собственной международной субъектности.

Нейтралитет, несмотря на отсутствие формального закрепления в конституционных нормах, выступает не как декларация, а как стратегически воспроизводимая парадигма. Он позволяет Сербии сохранять манёвренность во взаимодействии с разными международными акторами и использовать гибкие альянсы в зависимости от геополитической конъюнктуры. Это проявляется как в активной поддержке со стороны России и Китая по косовскому вопросу, так и в сохранении открытых каналов с ЕС и участии в региональных инициативах, таких как «Открытые Балканы». Подобный подход позволяет Белграду минимизировать изоляцию и одновременно укреплять свою международную легитимность.

Информационное самоутверждение является второй ключевой составляющей. Сербия прилагает значительные усилия к преодолению негативных нарративов, формируемых в западной экспертной и медийной среде. Это включает развитие научной дипломатии, участие в международных форумах, организацию культурных мероприятий и продвижение позитивного образа страны. Особенно важно, что работа строится не только на институциональном уровне, но и через неформальные каналы — диаспору, церковные структуры, культурные и академические сети. Это позволяет расширить поле воздействия и снизить зависимость от официальных международных трибун.

Работа с диаспорой превращается в самостоятельное направление внешнеполитической активности. Сербская диаспора используется как ресурс мягкой силы — канал влияния, репрезентации и правовой защиты национальных интересов. Механизмы вовлечения включают программы культурной интеграции, образовательные инициативы, совместные акции и правозащитные кампании. Особенно эффективной оказывается мобилизация диаспоры в странах Запада, где официальная дипломатия ограничена рамками

политкорректности и институционального давления. Таким образом, диаспора становится фактором внешнего давления на внешнюю среду, а не только объектом государственной поддержки.

Сербия демонстрирует способность к адаптивному моделированию международной повестки. Её дипломатия реагирует не только на вызовы, но и на возможности, которые предоставляют трансформации глобального порядка. Противостояние сербофобии оформляется как борьба не за статус-кво, а за возможность предлагать альтернативные нормы — политические, правовые, культурные. Это выводит сербскую внешнюю политику за пределы классической «малой дипломатии» и приближает её к статусу активного участника дискуссии о будущем мировой политики.

В совокупности нейтралитет, информационная дипломатия и диаспоральная мобилизация образуют триединую стратегию, позволяющую Сербии сохранять субъектность в условиях давления, ограниченных ресурсов и структурной асимметрии международной системы. Такая модель может рассматриваться как пример асимметричного, но эффективного внешнеполитического маневрирования, способного обеспечить устойчивость, культурную автономию и правовую преемственность сербской государственности в условиях идеологически поляризованного мира.

§3. Особенности российско-сербского взаимодействия по противостоянию дискриминации и двойным стандартам

В современных условиях нарастающей геополитической неопределенности наблюдаются беспрецедентные проявления предвзятого отношения к России и Сербии на международной арене, сопровождаемые попытками их изоляции. На этом фоне формируется российско-сербский альянс во внешней политике, нацеленный на совместное противодействие дискриминации и двойным стандартам. Такой альянс основывается преимущественно на инструментах «мягкой силы» и координации дипломатических усилий, без оформления формальных военно-политических

союзов. Опираясь на исторически сложившиеся духовно-культурные связи двух народов, Москва и Белград совместно продвигают позитивную международную повестку и ценности, альтернативные односторонним установкам «коллективного Запада». Этот союз, построенный на «мягкой силе» призван защищать национальные интересы России и Сербии от внешней дискриминации, опираясь на силу дипломатии, культуры и идей, а не только на материальные ресурсы. В результате даже в условиях нестабильности мирового порядка подобное сотрудничество служит эффективным инструментом противодействия дискриминационному давлению извне.

Одним из центральных направлений российско-сербского взаимодействия является координация внешнеполитических позиций на международных площадках для противодействия тому, что обе страны рассматривают как двойные стандарты и дискриминацию со стороны ряда западных государств. Россия и Сербия последовательно выступают единым фронтом по ряду принципиальных вопросов международного права. Показателен пример сотрудничества по проблеме Косово: Москва и Белград выработали единую позицию, настаивая на безальтернативности решения вопроса строго в рамках международного права, в соответствии с резолюцией СБ ООН №1244³⁰⁵, и отвергая односторонние подходы к статусу края. Такая скоординированная позиция позволяет двум странам совместно противостоять внешнему давлению и обвинениям в «двойных стандартах» применительно к территориальной целостности: Россия поддерживает Сербию в непризнании односторонней сецессии Косова, указывая на прецедент опасного игнорирования суверенитета, тогда как Сербия, в свою очередь, заявляет о схожих двойных стандартах Запада, например, в сравнении

³⁰⁵ Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.02.2025).

ситуации Косово с вопросами, затрагивающими интересы России, связанные с Крымом, Приднестровьем и др.³⁰⁶.

Наличие общего взгляда на проблему Косово является лишь частью более широкой дипломатической солидарности. Белград и Москва активно взаимодействуют в Организации Объединенных Наций и других международных организациях, выступая против политически мотивированных обвинений и дискриминационных инициатив. К примеру, сербское руководство регулярно поддерживает российские резолюции в ООН, осуждающие героизацию нацизма и любые проявления ксенофобии.

Особое место в эволюции российско-сербского взаимодействия занимает эпизод, связанный с голосованием в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции S/2015/508, внесённому Великобританией в июле 2015 года. Документ содержал квалификацию событий в Сребренице 1995 года как акта геноцида и прямо возлагал ответственность на сербскую сторону. В частности, в проекте указывалось, что «отрицание геноцида препятствует усилиям по примирению и угрожает повторением подобных преступлений в будущем»³⁰⁷. В случае принятия резолюции данная формулировка институционализировала бы сербофобский дискурс, представляя сербский народ как носителя коллективной вины, что создавало серьёзные правовые и политические последствия.

Используя право вето, Российская Федерация заблокировала документ. По распоряжению Президента Российской Федерации В. В. Путина постоянный представитель России при ООН В. И. Чуркин аргументировал этот шаг необходимостью «не допустить внесения новых разломов в регион, где и без того сохраняется хрупкое этнополитическое равновесие»³⁰⁸.

³⁰⁶ Трајловић Д.; Рапайић С. Односи Србије и Русије у периоду украјинске кризе // Национални интерес. 2023. Т. 19, бр. 3. стр. 67–94. URL: scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=1820-49962303067T (дата обращения: 22.02.2025).

³⁰⁷ United Nations Security Council. Draft resolution S/2015/508. 8 July 2015. URL: <https://undocs.org/S/2015/508> (дата обращения: 09.08.2025).

³⁰⁸ United Nations Security Council. Verbatim Record S/PV.7481. 8 July 2015. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.7481> (дата обращения: 09.08.2025).

Российская дипломатия подчёркивала, что принятие резолюции не способствовало бы примирению, а напротив, закрепило бы разделительные линии и использовалось для оправдания политических шагов против Сербии, включая дальнейшую легитимацию одностороннего провозглашения независимости Косово.

В сербском общественном и политическом дискурсе данный акт России получил высокую оценку. Президент Сербии А. Вучич на церемонии вручения ему ордена Александра Невского в Белграде заявил, что сербский народ никогда не забудет поддержку Москвы в 2015 году, когда было предотвращено «навешивание ярлыка народа-геноцидника»³⁰⁹. В 2016 году посмертно был отмечен вклад В. И. Чуркина — ему был присвоен орден сербского флага I степени. Президент Сербии Т. Николич подчеркнул, что российский дипломат останется в памяти сербского народа как защитник справедливости на Балканах, в Косово и Боснии и Герцеговине³¹⁰.

Таким образом, данный эпизод можно рассматривать как показатель системного характера сербофобии в западном дискурсе, где попытка Великобритании возложить коллективную вину на сербов являлась частью более широкой ксенофобской политики, направленной на делегитимацию Сербии как субъекта международных отношений. Подобные инициативы были тесно связаны с косовским вопросом: представление сербов как народа, совершившего геноцид, служило аргументом в пользу обоснования необходимости международного признания отделения Косово и ограничения права Белграда на отстаивание своей позиции. В то же время российское вето и последующая символическая поддержка со стороны Сербии свидетельствуют о формировании устойчивой российско-сербской модели

³⁰⁹ РИА Новости. «Вучич: Сербия никогда не забудет вето РФ по резолюции о Сребренице». 9 июля 2015 г. URL: <https://ria.ru/20150709/1126728873.html> (дата обращения: 09.08.2025).

³¹⁰ B92. «Nikolic awarded posthumous decoration to Vitaly Churkin». 24 February 2017. URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2017&mm=02&dd=24&nav_id=100648 (дата обращения: 09.08.2025).

солидарности, сочетающей дипломатические и мемориальные практики противодействия дискриминационным инициативам.

Важно подчеркнуть, что взаимодействие двух стран носит характер равноправного партнерства. Создаются двусторонние платформы диалога на высоком уровне: регулярные встречи президентов, министров иностранных дел, межправительственные комиссии по сотрудничеству. Интенсивность контактов весьма высока – так, в 2019 году президент РФ В.В. Путин посетил Сербию с официальным визитом, а президент Сербии А. Вучич не раз бывал в Москве, в том числе для участия в торжественных мероприятиях³¹¹. Именно визиты на высшем уровне дают возможность демонстрировать единство позиций. Например, 9 мая 2025 года президент Вучич посетил Москву на празднование 80-летия Победы и на встрече с президентом Путиным на русском языке подчеркнул, что День Победы является важнейшим днем для сербов: «Мы гордимся ролью нашего народа в освобождении нашей страны от нацистских захватчиков и очень благодарны Красной Армии за её решающую роль в этом освобождении»³¹². Тем самым сербский лидер публично подтвердил солидарность исторической памяти и взглядов с Россией, что имеет и внешнеполитическое значение – особенно на фоне того, что ряд западных столиц искажают итоги Второй мировой войны.

Характерно, что Белград и Москва согласованно противостоят внешнему давлению, требующему изменения их внешней политики. Сербия, стремящаяся в Европейский союз, тем не менее отказалась присоединяться к санкциям против России, несмотря на серьезное давление со стороны Брюсселя. Президент Вучич открыто заявляет о двойных стандартах: западные державы требуют от Сербии признать отделение Косова и присоединиться к санкциям, тогда как сами, по мнению сербской стороны, действуют

³¹¹ Владимир Путин прибыл в Сербию [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59687> (дата обращения: 22.02.2025).

³¹² Беседа с Президентом Сербии Александром Вучичем [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76887> (дата обращения: 22.02.2025).

избирательно в вопросах суверенитета и принципов международного права. В Москве эти заявления находят полное понимание. Встречи руководителей двух стран неизменно сопровождаются заявлениями о необходимости более справедливого миропорядка. Так, по итогам переговоров в Москве 9 мая 2025 г. Вучич отметил, что и президент России, и председатель КНР говорили ему об общей задаче – создании более справедливого мирового порядка. Эта риторика подчеркивает ролевое позиционирование России и Сербии как союзников, добивающихся учета своих интересов и равноправия на международной арене.

Наконец, заметным проявлением дипломатического альянса стало символическое единство в праздновании Победы во Второй мировой войне, имеющее не только культурное, но и внешнеполитическое измерение. Ежегодно Россия инициирует международные обращения против искажения истории войны; Сербия неизменно поддерживает данные усилия, осуждая попытки пересмотра итогов Второй мировой и героизации нацистских коллаборационистов. Когда в ряде стран Восточной Европы демонтируются памятники советским воинам, Сербия, напротив, демонстрирует уважение к памяти освободителей: в Белграде в 2020 году при поддержке России зажжен Вечный огонь в честь советских и югославских солдат, павших при освобождении города. На церемонии открытия присутствовали президент Сербии А. Вучич и глава МИД РФ С. Лавров, который подчеркнул, что «читать память тех, кто ценой своей жизни избавил мир от порабощения, – наш священный долг. Это особенно важно сегодня, когда в ряде европейских стран нарастают нечистоплотные усилия, направленные на очернение воинов-победителей и оправдание преступлений нацистов»³¹³. Вучич в ответ отметил, что Сербия благодарна президенту Путину за инициативу в борьбе с

³¹³В Белграде появился Вечный огонь, частицу пламени доставили из Москвы с Могилы Неизвестного Солдата [Электронный ресурс] // Первый канал. – <https://www.1tv.ru/news/2020-12-15/398548-v-belgrade-poyavilsya-vechnyy-ogon-chastitsu-plameni-dostavili-iz-moskvy-s-mogily-neizvestnogo-soldata?ysclid=mdbvys1141971892626> (дата обращения: 22.02.2025).

искажением истории и заверил, что «Россия всегда может рассчитывать на Сербию как на постоянного друга», а «это пламя нам вечно напоминает, что у нас нет права ни на мгновение забыть об этом». Подобные символические жесты усиливают политический союз двух стран, сигнализируя миру об их единстве против дискриминационных трактовок истории и двойных стандартов в оценке вклада народов в Победу.

Одним из ключевых инструментов российского и сербского взаимодействия, дополняющих официальную дипломатию, выступают совместные гуманитарные инициативы. Гуманитарное сотрудничество позволяет укреплять позиции двух стран на мировой арене посредством помощи другим и друг другу, формируя позитивный имидж и альтернативные центры влияния. Важнейшим проектом в этой сфере стал Российско-сербский гуманитарный центр (РСГЦ) в городе Ниш. Он был учрежден на основании межправительственного Соглашения от 25 апреля 2012 года, подписанного министром по чрезвычайным ситуациям РФ и министром внутренних дел Сербии³¹⁴. Центр представляет собой межправительственную некоммерческую организацию, действующую в соответствии с законодательством Сербии³¹⁵. Его основная цель – совместное выполнение широкого круга гуманитарных задач на территории Сербии и других стран Балканского региона. В их числе: предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, оказание помощи пострадавшему населению, реализация совместных проектов по реагированию на стихийные бедствия,

³¹⁴ Российско-сербский гуманитарный центр [Электронный ресурс] // МЧС России. – <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/centry-gumanitarnogo-reagirovaniya/rossiysko-serbskiy-gumanitarnyy-centr?ysclid=mdbvzjy3oi676623049> (дата обращения: 22.02.2025).

³¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий от 20.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: [https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20\(ei\)/docs/2009_gumReag.pdf](https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2009_gumReag.pdf) (дата обращения: 22.02.2025).

обучение и подготовка кадров спасательных служб. РСГЦ фактически стал региональным центром реагирования на ЧС, открытым для участия и других стран Балкан, солидарных с его целями. Руководство Центром осуществляется на паритетной основе – директор назначается российской стороной, содиректор – сербской, с ротацией каждые два года, что отражает равное участие партнеров.

Деятельность гуманитарного центра в Нише принесла осязаемые результаты. Так, Россия не раз оперативно приходила на помощь Сербии и соседним странам во время природных катастроф. В мае 2014 года на Балканах произошли разрушительные наводнения, особенно сильно затронувшие сербский город Обреновац и др. В ответ на просьбу правительства Сербии Россия развернула крупномасштабную операцию МЧС: всего за полтора дня были отправлены несколько самолетов Ил-76 с тоннами грузов первой необходимости, вертолеты-спасатели Ка-32 и отряды спасателей «Центроспас» на местах бедствия. 18 мая 2014 г. самолеты МЧС приземлились в аэропортах Белграда и Ниша, доставив 67 тонн гуманитарных грузов – мощные насосы для откачки воды, мобильные электростанции, спасательные лодки, тысячи одеял, продовольствие и предметы первой необходимости. Российские спасатели совместно с сербскими в чрезвычайно сжатые сроки эвакуировали из зоны затопления более 2 000 человек, в том числе сотни детей³¹⁶. Глава МЧС России Владимир Пучков тогда заявил, что проводится беспрецедентная операция помощи народу Сербии, и российские специалисты выполняют все задачи по защите жизни и здоровья пострадавших. Одновременно через Нишский центр были переданы специальные противопожарные устройства и оборудование для сербских служб. Эта успешная операция продемонстрировала эффективность РСГЦ как механизма

³¹⁶ МЧС России. Участие сил и средств МЧС России из состава Российско-Сербского гуманитарного центра в ликвидации последствий наводнения на территории Республики Сербии. 19.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/1432508> (дата обращения: 22.02.2025).

совместного гуманитарного реагирования, альтернативного по линии координации, например, со структурами ЕС. Хотя помощь поступала и от Евросоюза, сербское общественное мнение заметило, что поддержка из России была одной из первых и наиболее масштабных. Тем самым гуманитарное сотрудничество укрепило образ России в Сербии как надежного друга, а образ Сербии в России – как благодарного партнера, не поддающегося внешнему давлению, стремящемуся умалить значимость этой помощи³¹⁷.

Кроме реагирования на чрезвычайные ситуации, РСГЦ реализует программы образовательного и молодежного обмена в гуманитарной сфере. С 2014 по 2018 годы более 500 сотрудников балканских экстренных служб из Сербии, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии прошли обучение в вузах МЧС России по линии Центра. Также организуются совместные учебно-тренировочные сборы спасателей на территории Сербии, проводятся детские оздоровительно-спортивные лагеря с участием российской и сербской молодежи, приглашаются сербские юноши и девушки в учебные лагеря МЧС в России. Эти меры укрепляют гуманитарные связи и взаимопонимание между народами, создавая основу для долгосрочного союза, основанного не только на политических интересах, но и на человеческих контактах.

Стоит отметить, что Россия и Сербия совместно продвигают и гуманитарные инициативы в третьих странах, что вписывается в логику их внешнеполитического альянса. Например, обе страны оказывали поддержку Сирии в гуманитарной сфере: Сербия направляла медикаменты и помощь беженцам, Россия – крупные партии продовольствия и медицинского оборудования. В 2020 году, в разгар пандемии COVID-19, сербское руководство обратилось за поддержкой к Москве, и та оперативно откликнулась. В начале апреля 2020 г., после телефонного разговора В.В. Путина и А. Вучича, Россия отправила в Сербию 11 рейсов военно-транспортной авиации с 87 военными медиками, вирусологами и

³¹⁷ Jovanović S. M. The Relationship Between Serbia and Russia in the Post-Yugoslav Era: Political, Economic and Security Dimensions // *Politeja*. 2023. No. 83(4). p. 205–226.

оборудованием для борьбы с коронавирусом³¹⁸. Уже 3 апреля 2020 г. первые самолеты Минобороны РФ с бригадами врачей и средствами дезинфекции приземлились в Белграде. Российские военные эпидемиологи помогли обрабатывать объекты, налаживать тестирование, что стало существенной поддержкой сербской системе здравоохранения. Такая «врачебная дипломатия» – часть мягкой силы России – была благосклонно воспринята сербским обществом. На этом фоне, когда в январе 2021 г. началась глобальная кампания вакцинации, Сербия стала одной из первых стран Европы, кто одобрил к применению российскую вакцину «Спутник V» и начал ею прививать население. Уже 6 января 2021 г. стартовала вакцинация сербских граждан «Спутником V». Более того, благодаря тесным связям с РФ, Сербия первой в Южной Европе запустила у себя производство этой вакцины: по соглашению Российского фонда прямых инвестиций и Института иммунологии «Торлак» в Белграде, с апреля 2021 г. налажен полный цикл изготовления «Спутника V» на сербских мощностях³¹⁹. Это не только укрепило имидж России как надежного партнера, готового передавать технологии ради общего блага, но и подчеркнуло внешнеполитическую самостоятельность Сербии, сумевшей обеспечить вакцины для населения в сотрудничестве с восточным союзником, несмотря на ограниченные поставки от западных производителей.

В целом, совместные гуманитарные проекты России и Сербии – от чрезвычайного реагирования до здравоохранения – служат нескольким взаимосвязанным целям. Во-первых, они реально улучшают безопасность и благополучие граждан. Во-вторых, они демонстрируют миру альтернативную модель сотрудничества, основанную на взаимопомощи и отказе от

³¹⁸ Россия 11 военными рейсами перебросит в Сербию специалистов и технику [Электронный ресурс] // Интерфакс. – <https://www.interfax.ru/russia/702375> (дата обращения: 22.02.2025).

³¹⁹ Postignut sporazum o proizvodnji ruske vakcine Sputnik V u Srbiji 25.03.2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.aa.com.tr/ba/korona-virus/postignut-sporazum-o-proizvodnji-ruske-vakcine-sputnik-v-u-srbiji/2188211> (дата обращения: 22.02.2025).

политизации гуманитарных вопросов, что выгодно отличает российско-сербский подход от, например, избирательной западной помощи с политическими условиями. В-третьих, они укрепляют двусторонний альянс на уровне обществ, повышая взаимную симпатию народов. Все это в совокупности способствует сопротивлению внешнему дискриминационному давлению: страна, пользующаяся поддержкой столь крупного партнера, как Россия, и имеющая в своем арсенале собственные гуманитарные ресурсы, как Сербия при поддержке РФ, гораздо менее уязвима перед попытками изоляции.

Еще одним важнейшим измерением российско-сербского взаимодействия, подкрепляющим политический союзничество, является развитие двустороннего экономического сотрудничества и заключение ключевых соглашений в торгово-инвестиционной сфере. Экономические связи не только приносят обоюдную материальную выгоду, но и служат своего рода страховкой против внешнего давления: крепкая экономическая интеграция затрудняет применение дискриминационных мер (санкций, эмбарго и т.п.) и предоставляет Сербии альтернативные источники развития вне полной зависимости от западных рынков.

Базовой основой экономических отношений стала Декларация о стратегическом партнерстве между Республикой Сербия и Российской Федерацией, подписанная 24 мая 2013 года в Сочи³²⁰. Этот документ вывел сотрудничество на новый уровень, зафиксировав особый характер связей. В последующие годы подписан ряд важных соглашений: о взаимной защите инвестиций, об избежании двойного налогообложения, о свободной торговле между Сербией и государствами Евразийского экономического союза, подписанное в 2019 г. и другие³²¹. Договорно-правовая база, таким образом,

³²⁰ Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией отношениях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – <http://www.kremlin.ru/supplement/1461> (дата обращения: 22.02.2025).

³²¹ Республика Сербия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/torgovye-soglasheniya/serbia.php?ysclid=mdbw2jrqla113996349> (дата обращения: 22.02.2025).

охватывает широкий спектр отраслей. В торговле Россия и Сербия дополняют друг друга: сербский экспорт в РФ состоит преимущественно из сельхозпродукции и промышленных товаров: фрукты – особенно сербские яблоки и ягоды, изделия химпрома, машины и насосы, потребительские товары. Тогда как российский экспорт – это главным образом энергоресурсы: нефть и нефтепродукты, природный газ и сырьё удобрений, металлы. Торговый оборот стабильно растет: в 2021 г. он достиг \$2,8 млрд (на 14% больше, чем в 2020 г.)³²². Хотя по сравнению с торговлей Сербии с ЕС эти цифры скромнее, важно, что экономические связи с Россией обладают для Белграда стратегическим характером, так как обеспечивают критически важные ресурсы – прежде всего энергоносители – на льготных условиях.

Энергетическое сотрудничество заслуживает особого внимания. Сербия традиционно почти полностью зависела от импорта российского природного газа, и Москва рассматривала Белград как ключевого партнера на Балканах для транзита газа в Южную Европу. В 2010-х годах планировался проект газопровода «Южный поток» через территорию Сербии, однако после его отмены был реализован альтернативный маршрут – «Турецкий поток» через Черное море и Турцию в Болгарию, с ответвлением на Сербию. 1 января 2021 года президент А. Вучич в торжественной обстановке запустил сербский участок нового трубопровода т.н. «Балканский поток» длиной 403 км. На церемонии присутствовали представители «Газпрома» и Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербия А.Боцан-Харченко. А.Вучич назвал этот день «большим для Сербии», подчеркнув значение проекта для будущего развития страны. Этот газопровод полностью обеспечил Сербию прямыми поставками российского газа, минуя транзит через Украину. Таким образом, Белград продемонстрировал готовность игнорировать внешнее давление – ведь США публично выступали против

³²² Kako će rat uticati na Srbiju: Mala trgovinska razmena sa Moskvom i Kijevom postaće još manja 07.03.2022 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/mala-trgovinska-razmena-sa-moskvom-i-kijevom-postace-jos-manja/> (дата обращения: 22.02.2025).

«Турецкого потока» и вводили санкции, называя проект «инструментом Кремля». Однако Сербия, несмотря на стремление в ЕС, поставила национальные энергетические интересы превыше, укрепив тем самым альянс с Россией. На фоне энергетического кризиса в Европе сотрудничество с «Газпромом» позволило Сербии получать газ по ценам значительно ниже рыночных. В ноябре 2021 г. президент В.Путин лично пообещал А. Вучичу сохранить льготную цену (около \$270 за тыс. кубометров против европейских >\$500) и бесперебойные поставки на предстоящую зиму, что сербский лидер назвал «спасением для Сербии» в тяжелый период³²³.

В количественном выражении зависимость Сербии от российского газа остается чрезвычайно высокой: по состоянию на 2025 год около 85% потребностей страны в природном газе покрывается за счет поставок из России. Остальное Сербия начала закупать у альтернативных источников, однако доля этих поставок пока сравнительно невелика. Россия таким образом выступает гарантом энергетической безопасности Сербии, особенно в отопительные сезоны. Эта ситуация имеет двойной эффект: с одной стороны, Белград меньше уязвим для энергетических шоков и манипуляций, получая топливо от давнего союзника; с другой – западные партнеры зачастую критикуют Сербию за сохранение такой зависимости, указывая на двойные стандарты. Евросоюз отказывает Москве в сотрудничестве, но сам продолжительное время покупал российский газ, а от кандидата Сербии требовал отказаться от него. Сербское руководство отбивает эти нападки, аргументируя, что не может оставить свою экономику без доступных энергоресурсов, и указывает, что многие страны ЕС тоже много лет пользовались теми же выгодами³²⁴.

³²³ Jovanović S. M. The Relationship Between Serbia and Russia in the Post-Yugoslav Era: Political, Economic and Security Dimensions // Politeja. 2023. No. 83(4). p. 205–226.

³²⁴ Станковић Н. М. Изазови спољне политике Републике Србије у светлу рата у Украјини // Српска политичка мисао. 2023. бр. 82(4). стр. 157–176. URL: scindeks.ceon.rs/Article.aspx?artid=0353-90082361157S (дата обращения: 22.02.2025).

Помимо газа, крупным направлением инвестиций стало нефтяное и финансовое сотрудничество. В 2008 году, когда Сербия переживала сложный период после одностороннего провозглашения независимости Косова, был заключен стратегический договор: российская компания «Газпром нефть» в 2009 году приобрела контрольный пакет акций в 51% сербской нефтегазовой компании NIS (Naftna Industrija Srbije)³²⁵. Инвестиции «Газпромнефти» в NIS в 2009–2020 годах составили более 3 млрд евро, что позволило совместными усилиями превратить НИС из убыточного предприятия с общим долгом, превышающим 1 млрд долларов США, в компанию-лидера на энергетическом рынке Балканского региона³²⁶. Сегодня НИС работает не только в Сербии, но в Румынии и ведет геологоразведку в Боснии и Герцеговине³²⁷. Также компания ЛУКОЙЛ еще ранее вошла на сербский рынок, купив сеть АЗС «Беопетрол». Российские банки, как Сбербанк и ВТБ, открыли дочерние структуры в Сербии, кредитую бизнес. Российский капитал сегодня занимает заметную долю в ключевых секторах экономики Сербии. Это создает объективную взаимозависимость: в успехе сербской экономики заинтересована и Россия как инвестор, а Белград, в свою очередь, получает рычаги для маневра – например, при обострении отношений с Западом Сербия могла рассчитывать на российские кредиты и займы. Так, еще в январе 2013 г. Россия предоставила Сербии экспортный кредит \$800 млн на развитие инфраструктуры (модернизацию железных дорог), что совпало по времени с ухудшением доступа Сербии к внешним финансовым рынкам в разгар

³²⁵ Balać R. Privatizacija Naftne industrije Srbije – posao ili promasaj veka. 16.12.2020 // Danas. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/privatizacija-naftne-industrije-srbije-posao-ili-promasaj-veka/> (дата обращения: 22.02.2025).

³²⁶ Gazprom Neft subsidiary in Serbia to increase stake in HIP Petrohemija to 90% 24.12.2021 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.akm.ru/eng/news/gazprom-neft-subsiidiary-in-serbia-to-increase-stake-in-hip-petrohemija-to-90/>. (дата обращения: 08.03.2025).

³²⁷ См. Развитие сербской НИС: 10 лет под управлением «Газпром нефти» 24.09.2019 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://neftgaz.ru/analysis/interview/497269-razvitie-serbskoy-nis-10-let-pod-upravleniem-gazprom-nefti/> (дата обращения: 08.03.2025).

евроэкономического кризиса³²⁸. Показательно, что ни Россия, ни Сербия не вводят друг против друга никаких ограничений – напротив, действуют режимы максимального благоприятствования. Сербия, не член ЕС, не присоединилась к антироссийским санкциям, сохранив нормальные условия для работы российских компаний на своей территории. В ответ Россия включила Сербию в число приоритетных партнеров: так, с 2016 года сербским экспортерам предоставлен почти полный беспошлинный доступ на емкий рынок Евразийского союза через серию обновленных соглашений о свободной торговле, финализированных в 2019 г. В результате сербские производители сельхозпродукции резко нарастили продажи в РФ в 2014–2016 гг., когда Россия в ответ на санкции ЕС ввела эмбарго на продовольствие из стран ЕС. Сербия заняла нишу поставок фруктов, молочной продукции и др., что дало приток валюты в сербскую экономику. Хотя западные СМИ иногда упрекали Сербию в «реэкспорте» санкционных товаров, Белград последовательно отстаивал свое право на торговлю с Россией, указывая, что от него требуют санкционной солидарности, тогда как самим крупным странам ЕС от такой торговли отказаться непросто – пример двойственных подходов³²⁹.

Также Россия и Сербия сотрудничают в области военно-технической и оборонной промышленности, что косвенно связано с экономикой. Несмотря на нейтральный статус Сербии, она получила от России существенную поддержку в перевооружении армии: были переданы безвозмездно или на льготных условиях самолеты МиГ-29, вертолеты, бронетехника, зенитные комплексы. В 2013 г. подписано соглашение об военно-техническом сотрудничестве на 15 лет, предусматривающее обмен стратегической информацией и участие в совместных учениях. Для Сербии это не только

³²⁸ См. Россия и Сербия подписали допсоглашение на реконструкцию железнодорожных путей в Сербии 31.10.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/politika/7065472> (дата обращения: 08.03.2025).

³²⁹ Максакова, М. А. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Сербии: состояние и перспективы развития/ М. А. Максакова // Российский внешнеэкономический вестник. — 2024. — №1. — С. 104-117.

укрепление обороны, но и сигнал, что у нее есть сильный союзник вне НАТО. Вопросы военного сотрудничества вызывают особенно негативную реакцию у третьих стран, которые обвиняют Россию и Сербию в подрыве региональной стабильности – однако Москва и Белград указывают на двойные стандарты Запада, который сам активно перевооружает соседей Сербии, например, Хорватию, и ведет учения НАТО на Балканах. Сербское руководство стремится балансировать, участвуя частично и в учениях с НАТО, но сохраняет курс на военный нейтралитет. При этом присутствие российского влияния, например, Центр в Нише, который на Западе иногда называют «шпионской базой», или пункт техобслуживания военной техники, используется оппонентами как повод обвинить Сербию в отклонении от «европейского пути». Тем не менее, сотрудничество продолжилось: в 2021 г. обсуждалось открытие сербско-российского центра по ремонту бронетехники в Сербии, совместное производство боеприпасов и др. Экономическая составляющая здесь в том, что Сербия получает технологии и инвестиции в свой ОПК, а Россия – расширение рынка сбыта и политическое укрепление союзника.

Обобщенно, экономическое сотрудничество России и Сербии служит фундаментом политического сотрудничества. Подтверждением этому являются данные Российского государственного архива экономики (РГАЭ, ф. 1562 «ЦСУ СССР», напр., оп. 33с; оп. 332, д. 9614–9627)³³⁰, содержащие статистику внешней торговли, динамику товарооборота и сведения о структуре экспорта-импорта между СССР и Югославией в разные периоды. Эти материалы показывают, что даже в периоды политической напряженности сохранялась устойчивая экономическая основа отношений, служившая дополнительным фактором стабильности двусторонних связей. Как отмечает МИД Сербии, двусторонние отношения развиваются успешно во всех сферах – торговле, инвестициях, энергетике, сельском хозяйстве, военно-технической

³³⁰ РГАЭ Ф. 1562 «ЦСУ СССР» (напр., оп. 33с; оп. 332, д. 9614–9627).

и научно-технической областях, а также в сфере инфраструктурных проектов. Несмотря на сравнительно небольшие в глобальном масштабе объемы, для Сербии партнерство с РФ имеет непропорционально большое значение, а для России – это точка опоры на Балканах и в Европе, важная с точки зрения геополитики и культуры. Такой взаимовыгодный характер отличает альянс от временных конъюнктурных связей: экономическая взаимозависимость делает союз более устойчивым перед внешним давлением. Попытки разорвать эти связи через санкции против российских компаний в Сербии или угрозы санкций против за сотрудничество с РФ воспринимаются обеими странами как проявление дискриминации. Поэтому Москва и Белград выступают против политизации экономических отношений и против двойных стандартов в мировой торговле. Например, они критикуют случаи, когда принцип свободной торговли декларируется, но нарушается в угоду политической конъюнктуры. Также и в энергетике: страны коллективно отстаивают принцип, что энергетическое сотрудничество не должно быть инструментом давления, одновременно указывая на избирательность подхода ЕС, когда крупные страны ЕС получают исключения из санкций по газу или нефти, а малым странам вроде Сербии делаются внушения за куда меньшие объемы торговли с РФ.

Таким образом, экономическая составляющая российско-сербского взаимодействия прямо подкрепляет их внешнеполитический альянс против дискриминации. С одной стороны, благодаря альтернативным рынкам и ресурсам из России, она снижает уязвимость Сербии к потенциально дискриминационным мерам. С другой – демонстрирует, что принципы равноправия и взаимной выгоды могут быть реализованы на практике, без диктата одной стороны другой. Этот пример контрастирует с некоторыми случаями отношений Запада с малыми странами, где нередко присутствует асимметрия и навязывание решений. Неудивительно, что сербские официальные лица регулярно благодарят Россию за уважение суверенитета и

интересов Сербии в экономических делах³³¹. В частности, президент А.Вучич отмечал в беседах, что Россия никогда не ставит Сербию перед выбором «или-или», позволяя ей самой определять свои приоритеты, тогда как от Белграда требуют дистанцироваться от Москвы в обмен на гипотетические выгоды ЕС – что он называет проявлением двойных стандартов по отношению к суверенному выбору страны³³².

Культурная близость и общая историческая память русских и сербов традиционно являются мощной основой двустороннего сотрудничества. В последние годы осознание этого наследия превратилось и в своеобразный инструмент дипломатии. Российско-сербское сотрудничество в сфере противодействия дискриминации и двойных стандартов опирается на общий нарратив о несправедливом отношении к обоим народам в разные эпохи истории и на героические страницы совместной борьбы против угнетения.

Центральное место в коллективной памяти обоих народов занимает Вторая мировая война (Великая Отечественная война). Именно память о событиях 1941–1945 годов легла в основу своего рода «мемориального союза» России и Сербии, который переживает подъем. Оба государства безусловно признают решающий вклад Красной Армии в разгром нацизма и освобождение Европы³³³. Взаимодействие Москвы и Белграда в этот период нашло отражение в ряде дипломатических документов, фиксирующих обмен информацией и согласование позиций по ключевым вопросам борьбы с фашизмом. Так, материалы фонда АВП РФ (Ф. За – Югославия. Д. 10) содержат сведения о переговорах представителей СССР и югославского правительства в изгнании, касающихся координации военных действий и

³³¹ Трајловић Д.; Рапаић С. Односи Србије и Русије у периоду украјинске кризе // Национални интерес. 2023. Т. 19, бр. 3. стр. 67–94

³³² Nikolić K. Serbia Hedging its Bets Between the West and the East // Journal of Balkan Studies. 2023. Vol. 2(1). p. 1–28.

³³³ Растегаев, Д. Историческая память в российско-сербских отношениях [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Russia-Serbia-Memory-WorkingPaper87.pdf?ysclid=mdbw4crca446473974> (дата обращения: 08.03.2025).

гуманитарной поддержки, что подчёркивает реальное содержание союзнических отношений двух стран в годы войны³³⁴. Как следует из записи беседы наркома иностранных дел СССР с представителями военной миссии Национального комитета освобождения Югославии в апреле 1944 г., взаимодействие советской и югославской сторон уже тогда носило стратегический характер, включая обсуждение вопросов политической обстановки в стране и координацию совместных действий по освобождению Белграда³³⁵. В Сербии официальный дискурс все более акцентирует благодарность советским солдатам-освободителям, особенно на внешней арене, даже несмотря на существующие внутренние споры относительно роли разных сил в самой Югославии во время войны. Эта конвергенция исторической политики не случайна: Москва последовательно продвигает «героический нарратив», восхваляющий подвиг освободителей, и этот нарратив находит отклик у сербской аудитории, которая также чтит огромные жертвы своего народа в войне. Российский и сербский народы связывают не только совместные победы, но и память о жертвах того времени. Только два народа во время Второй мировой войны прошли через так называемый немецкий коэффициент «один к ста». По распоряжению нацистского командования за каждого убитого немецкого солдата уничтожались 100 сербов и 100 жителей СССР. «Больше, кроме нас и сербов, таких народов нет», - подчеркнул глава Россотрудничества Е.Примаков³³⁶. Совместное празднование памятных дат тем самым приобретает не только протокольный, но и идеологический характер союзничества.

Особенно торжественно отмечается День Победы 9 мая. В Сербии, хоть эта дата не является выходным, она официально включена в перечень памятных дней, а с середины 2010-х годов приобрела масштаб общенародного

³³⁴ АВП РФ. Ф. 3а – Югославия. Д. 10.

³³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 794. П. 58. Л. 1-9.

³³⁶ В Россотрудничестве объяснили массовость «Бессмертного полка» в Сербии 03.11.2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20211103/serbiya-1757609608.html> (дата обращения: 18.04.2022)

празднования, отчасти по примеру России. Ежегодно 9 мая в Белграде проходят церемонии возложения венков к памятнику Освободителям Белграда – советским и югославским войнам, павшим в октябре 1944 г. С 2017 г. в Сербии начали проводиться шествия «Бессмертного полка» – акции памяти, зародившейся в России, когда люди выходят с портретами своих предков-ветеранов. В Белграде эта акция собрала тысячи участников и получила поддержку властей, что сблизило сербскую практику празднования с российской. Кульминацией стал 2020 год – 75-летие Победы. Несмотря на пандемию, Сербия решила увековечить эту дату значимым проектом: при содействии России был реконструирован мемориальный комплекс на Военном кладбище Освободителей Белграда и создан монумент «Вечный огонь». 17 февраля 2020 г. министр обороны РФ С. Шойгу лично заложил капсулу с посланием в основание будущей скульптурно-архитектурной композиции «Вечный огонь»³³⁷. В декабре 2020 г., несмотря на ограничения, в Белград был доставлен частицы пламени Вечного огня от Могилы Неизвестного Солдата в Москве – спецрейсом Минобороны лампада с огнем прибыла в Сербию³³⁸. 15 декабря 2020 г. президент А. Вучич и министр С.В. Лавров зажгли первый в истории Сербии Вечный огонь у мемориала Освободителям Белграда. Вучич в своем выступлении тогда подчеркнул, что искажение истории недопустимо, поблагодарил лично президента Путина за инициирование борьбы за историческую правду и заявил, что Сербия будет всегда сражаться за сохранение правды о войне, навсегда оставаясь другом России. С российской стороны, помимо речи Лаврова о попытках очернить воинов-победителей, также выступил помощник Президента РФ В.Р. Мединский, напомнивший,

³³⁷ Шойгу заложил камень в основание Вечного огня в Белграде [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. – https://aif.ru/society/army/chernovik_ot_17_02_2020_18_43_yuliya_belousova?ysclid=mdbw52t8u4342820809 (дата обращения: 08.03.2025).

³³⁸ Частицу Вечного огня с Могилы Неизвестного Солдата в Москве доставят в Белград [Электронный ресурс] // Первый канал. – https://www.1tv.ru/news/2020-12-14/398459-chastitsu_vechnogo_ognya_s_mogily_neizvestnogo_soldata_v_moskve_dostavyat_v_belgrad?ysclid=mdbw698tsy236761247 (дата обращения: 08.03.2025).

что сербский народ, как и советский, подвергся варварской нацистской агрессии и геноциду, и что общее число жертв в Югославии превысило миллион человек, подавляющее большинство – мирные жители. Монумент был построен в рекордные сроки – менее чем за год, чтобы его открыть именно в год 75-летия Победы. На мемориале выгравированы слова Ольги Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто» – на сербском языке, но понятные без перевода. Таким образом, Белград и Москва показали пример совместного увековечения памяти, противопоставив это тенденциям некоторых других стран пересматривать итоги войны. Важным эпизодом в предвоенной истории стало дипломатическое взаимодействие СССР и Югославии весной 1941 года. Как следует из записи беседы первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского с посланником Королевства Югославии в СССР М. Гавриловичем, стороны обсуждали вопросы безопасности и укрепления двусторонних связей в условиях нарастающей угрозы со стороны гитлеровской Германии. Этот эпизод демонстрирует, что еще до начала германской агрессии советское руководство предпринимало усилия по координации действий с Белградом, стремясь предотвратить изоляцию Югославии³³⁹.

Помимо Второй мировой войны, страны подчеркивают и другие исторические вехи общности. В 2014 году широко отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны, где сербы и тогдашняя Российская империя выступали союзниками против Центральных держав. Россия поддержала сербскую кампанию памяти о Первой мировой: в Белграде был открыт памятник императору Николаю II как символу помощи России Сербии в 1914 году, российские делегации участвовали в памятных мероприятиях на местах сражений периода 1914–1918 гг. Историки двух стран проводят совместные конференции, выпущены сборники архивных документов о поддержке России южных славян в XIX – начале XX вв. Все это формирует нарратив о «вековой

³³⁹ АВП РФ Ф. 06, оп. 3, п. 27, д. 375, л. 1–2.

дружбе» и братстве по оружию, восходящем к далекому прошлому. Этот нарратив крайне важен, чтобы придать глубину и легитимность современному взаимодействию: подчеркивается, что Россия и Сербия были вместе во всех крупных войнах последних двух столетий. От Наполеоновских войн, когда сербские переселенцы сражались в русской армии, до Балканских войн и мировых войн³⁴⁰. Конечно, исторические реалии были сложнее, например, во Вторую мировую внутри самого сербского общества не было единства – были и четники, и партизаны, враждовавшие между собой. Однако дипломатия памяти предпочитает акцентировать светлые страницы. Так, начиная с 2013 года Сербия и Россия ежегодно совместно отмечают День освобождения Белграда 20 октября – в 2014-м в честь 70-летия этого события даже был проведен большой военный парад с участием приглашенного президента В.В. Путина. Тогдашний президент Сербии Т. Николич заявил, что присутствие Путина на параде Сербия расценивает как символ единения двух стран³⁴¹. С тех пор 20 октября отмечается в Белграде с участием российских представителей: возлагаются венки на Русском воинском кладбище и к памятнику Советскому солдату, проходят выставки, показы фильмов о войне при поддержке Россотрудничества. И.Б. Тито в своей телеграмме главнокомандующему войсками 3-го Украинского фронта Ф.И. Толбухину писал: «Ваш героизм и упорство, направленные в ожесточенных боях по освобождению города Белград, народы Югославии будут помнить, как незабываемый героизм войск Красной Армии. Ваша кровь и кровь бойцов НОАЮ, пролитая в совместном бою против общего врага, навеки закрепит братство народов Югославии с народами Советского союза»³⁴².

³⁴⁰ Закаурцева, Т. А. Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов / Т. А. Закаурцева, Т. В. Каширина. – М.: Дашков и К, 2022. – 206 с.

³⁴¹ Сербия расценивает военный парад в Белграде как символ единения с РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20141016/1028645259.html?ysclid=mdbw71keo4609835823> (дата обращения: 08.03.2025).

³⁴² Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. Tom II, knj. 14: Dokumenti CK KPJ i Vrhovnog štaba NOV i POJ: 1. septembar — 31. decembar 1944. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1981. Dok. br. 349: Odgovor Vrhovnog komandanta NOV i POJ

В области культурного сотрудничества Россия и Сербия заключили ряд соглашений о взаимном признании дипломов, о расширении преподавания русского языка в сербских школах и сербского языка в российских университетах, о проведении Дней культуры. Показательно к 180-летию установления дипломатических отношений 2019 год был объявлен Годом Сербии в России и России в Сербии, с десятками мероприятий – от гастролей театров до книжных ярмарок. Обе столицы гордятся своими культурными центрами: Русский дом в Белграде ведет историю с 1930-х годов и поныне является площадкой для обучения русскому языку, проведения выставок, кинофестивалей и т.д. С сербской стороны, в Москве действует культурно-информационный центр Сербии, продвигающий сербский язык, литературу и искусство.

Знаковый проект последних лет – совместное завершение реконструкции крупнейшего православного храма на Балканах, храма Святого Саввы в Белграде. Его отделка превратилась в символ российско-сербского духовного братства. С 2015 года координацию работ в храме взяло на себя Россотрудничество, а финансирование велось в значительной степени за счет российских организаций. В частности, компания «Газпром нефть» выделила около 6 млн евро на создание грандиозной мозаики главного купола площадью 1 230 м². Над мозаичным образом Вознесения Христова трудились 70 художников из России и Сербии. В январе 2019 г. президент В.Путин во время визита в Белград посетил храм Святого Саввы вместе с президентом А. Вучичем. Около 150 тысяч сербов собрались у храма, восторженно приветствуя российского лидера. В.Путин объявил об дополнительном финансировании работ, подчеркнув, что Россия поможет довести проект до конца, и выразил удовлетворение сотрудничеством в возведении святыни³⁴³.

od 20. oktobra 1944. maršalu Tolbuhinu..., s. 306. [Электронный ресурс]. URL: https://znaci.org/zb/4_2_14.pdf#page=306 (дата обращения: 08.03.2025).

³⁴³ Россия завершила очередной этап создания мозаичного убранства собора святителя Саввы в Белграде [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. –

А.Вучич, со своей стороны, пригласил российского лидера посетить торжественную церемонию освящения храма и отметил, что этот собор станет вечным символом русско-сербской дружбы и братства. Действительно, в 2020–2021 гг. работы по внутреннему убранству были в основном завершены. Храм Святого Саввы теперь сияет золотой мозаикой, созданной при решающем вкладе России, а внутри храма установлены памятные таблички в честь российских благотворителей. Сербская православная церковь выразила глубокую благодарность РФ, наградив ряд россиян орденами Святого Саввы.

Такие проекты, как храм Святого Саввы или восстановление мемориалов, выходят за рамки чисто культурной сферы и приобретают внешнеполитическое измерение. Они укрепляют образ России как державы, защищающей православных христиан и традиционные ценности, что важно для ее «мягкой силы» на Балканах. Сербия же через них утверждает свою особую позицию в Европе – как страна, дорожающая дружбой с Россией вопреки конъюнктуре. Нередко западные комментаторы упрекают Сербию в «дрейфе на Восток» именно на почве культурно-исторической близости с РФ. Так, визиты Путина сопровождались беспрецедентным энтузиазмом населения – в 2019 г. по улицам Белграда проехала колонна мотоциклистов из клуба «Ночные волки» с российскими флагами, сотни людей несли плакаты «Спасибо России» и портреты В.Путина. Эти сцены контрастируют, например, с более прохладным отношением части населения к визитам представителей ЕС, что подчеркивает глубокий общественный фундамент союза, основанный на исторической памяти.

Сербская официальная историография уделяет большое внимание собственным трагедиям Второй Мировой войны. Сербия особо выделяет тему геноцида сербов в усташском лагере Ясеновац и др., а также бомбардировке НАТО 1999 г. Эти травматические темы вписываются в концепт «жертвенности» сербского народа. Российский «героический» нарратив о

Победе вполне сочетается с сербским нарративом о жертвах, поскольку подчеркивает, что без огромной жертвы не было бы освобождения. Однако есть и различия: Белград в последние годы проводит реабилитацию четников – в 2006 г. принят закон о реабилитации антикоммунистов, в то время как Москва по-прежнему ориентирована на прославление исключительно коммунистических партизан Тито³⁴⁴. Пока что эти расхождения не выходят на поверхность двусторонних отношений – как отмечалось, Российская Федерация предпочитает публично не фокусироваться на них. Тем не менее, для долгосрочной гармонии «дипломатии памяти» потребуются учеты обеих сторон. Возможно, в будущем совместные исторические комиссии будут работать над сближением интерпретаций сложных моментов истории, впрочем, история с разными взглядами на роль четников или на события 1990-х в Югославии показывает, что процесс этот непростой. Но уже сейчас можно говорить о том, что историческая память о Второй мировой войне стала ценностным ядром российско-сербского союза, отличающим его от отношений с другими странами региона.

Помимо военной истории, общность культур проявляется и в религии и языке. Оба народа – православные христиане, и Русская и Сербская православные церкви имеют давние связи. Русская церковь помогала возрождению автокефалии Сербской церкви в XIII веке, сербские монахи служили в русском монастыре на Афоне, а в XX веке, после революции, Сербия приютила тысячи белоэмигрантов и духовенства (Карловацкий Синод). Память об этом сохраняется: в Сербии есть музей русской эмиграции, могилы русских генералов ухожены, а в 2020 г. в Белграде открыт памятник последнему российскому императору как дань признательности его роли в спасении Сербии в 1914 г. Это единственный такой монумент в Европе южнее

³⁴⁴ Zakon o rehabilitaciji. *Službeni glasnik Republike Srbije*, br. 33/2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceeol.com/content-files/document-133011.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

Вены³⁴⁵. Сами по себе эти факты культурно-исторического характера служат дипломатическим целям: Сербия позиционируется как единственная европейская страна, где никогда не воевали против России и всегда давали убежище русским в тяжелые времена, а Россия — как защитница и покровительница сербов. Такой дискурс четко прослеживается, например, в заявлениях МИД РФ по случаям осквернения памятников: российская сторона высоко оценивает, что в Сербии, в отличие от некоторых стран, чтят память советских воинов и не допускают актов вандализма по отношению к мемориалам.

Наконец, стоит упомянуть совместное противодействие культурной дискриминации. Здесь имеется в виду, что Россия и Сербия солидарны в осуждении, когда их культуру или веру пытаются представить в негативном свете. Например, Россия поддержала Сербию в протестах против решения Черногории и Украины фактически дискриминировать Сербскую православную церковь; Сербия, в свою очередь, присоединилась к заявлениям России о недопустимости русофобии в спорте и искусстве, когда российских спортсменов не допускали к соревнованиям, а артистам не давали выступать. Скоординированные усилия в гуманитарной сфере — в ЮНЕСКО, Совете Европы — позволяют двум странам доносить свою точку зрения и препятствовать принятию решений, которые они считают несправедливыми. Например, Сербия при поддержке России успешно блокировала вступление Косово в ЮНЕСКО в 2015 г., аргументируя тем, что косовские албанские власти не смогли уберечь сербское культурное наследие³⁴⁶. Россия полностью разделила эту позицию, рассматривая ее также через призму борьбы с двойными стандартами.

³⁴⁵ За какие заслуги в столице Сербии установили памятник русскому царю Николаю II [Электронный ресурс] // Культурология.РФ. — <https://kulturologia.ru/blogs/080320/45714/?ysclid=mdbwa62du5454977482> (дата обращения: 08.03.2025).

³⁴⁶ Попытка принять Косово в ЮНЕСКО закончилась провалом [Электронный ресурс] // Православие.ру. — <https://pravoslavie.ru/87539.html?ysclid=mdbway3qr6891691081> (дата обращения: 08.03.2025).

Вывод по параграфу 3:

Российско-сербское внешнеполитическое взаимодействие на современном этапе представляет собой уникальную форму союзничества, основанную не на формализованных военно-политических альянсах, а на ценностной, историко-культурной и гуманитарной близости. В условиях нарастающего внешнего давления и использования ксенофобских дискурсов в международной политике, отношения Москвы и Белграда выстраиваются как асимметричный, но стратегически устойчивый механизм противодействия дискриминации, идеологическому отстранению и двойным стандартам.

Координация действий по ключевым вопросам — прежде всего, косовскому урегулированию, борьбе с героизацией нацизма, защите культурного наследия и противодействию русофобии и сербофобии — свидетельствует о консолидации позиций на международных площадках. Несмотря на различие в геополитических весовых категориях, Россия и Сербия демонстрируют политическую солидарность, основанную на взаимном признании угроз и необходимости сохранения суверенитета в условиях давления глобальных акторов. Особенно показательной в этом контексте является позиция Сербии, отказавшейся от введения санкций против России и продолжающей диалог, несмотря на жёсткое давление со стороны Запада.

Существенную роль в укреплении альянса играет гуманитарное и культурное сотрудничество. Через совместные инициативы — от деятельности Российско-Сербского гуманитарного центра до проектов в области здравоохранения, образования, религии и исторической памяти — страны формируют мощный фундамент «мягкой силы». Культурно-мемориальное взаимодействие, включая поддержку оформления убранства храма Святого Саввы в Белграде, памятные мероприятия 9 мая, поддержание общего исторического нарратива, усиливает чувство общности и формирует долгосрочные ценностные связи между народами.

Экономическое партнёрство, включая энергетическую зависимость Сербии от российского газа, инвестиции в стратегические отрасли и соглашения о свободной торговле с ЕАЭС, дополняет политическое и культурное измерения. При этом, в отличие от традиционного патронажа, взаимодействие выстраивается на принципах взаимной выгоды, доверия, прагматизма и равенства. Отдельного внимания заслуживает военнотехническое сотрудничество, реализуемое с учётом нейтрального статуса Сербии и её отказа от вступления в НАТО.

Российско-сербское сотрудничество в XXI веке представляет собой модель гибкой солидарности, направленной на защиту культурной идентичности, международной справедливости и устойчивости к внешнему идеологическому давлению. В условиях нарастающей поляризации и разрушения универсалистских основ мировой политики, этот формат взаимодействия может рассматриваться как одна из форм альтернативного глобального партнёрства, основанного на памяти, взаимоуважении и праве на самостоятельный цивилизационный выбор.

Вывод по главе 3:

Анализ стратегий и механизмов внешнеполитического противостояния русофобии и сербофобии, проведённый в рамках третьей главы, позволяет обоснованно говорить о формировании в постсоветский и постюгославский период качественно новых моделей гуманитарного реагирования на идеологически мотивированные вызовы. В центре этих моделей — переход от фрагментарной, преимущественно реактивной политики к комплексному институциональному противодействию дискриминационным дискурсам, затрагивающим международный статус, политическую субъектность и культурную легитимность России и Сербии.

Проведённый сравнительный анализ показал, что различия в политико-географическом положении, масштабах и внешнеполитических приоритетах двух государств не исключают существование глубинного сходства в подходах к сопротивлению враждебным нарративам. Россия и Сербия

последовательно стремились не только к защите своей историко-политической легитимности, но и к выработке автономной гуманитарной повестки, направленной на деконструкцию негативных клише, широко укоренённых в западных медиапространствах, академической среде и дипломатической риторике.

Выявлена устойчивая тенденция к институционализации стратегий символического и гуманитарного ответа на ксенофобские практики. В случае России речь идёт о системе организационно и ресурсно обеспеченных структур, действующих в сфере публичной дипломатии, культурного присутствия и правозащитной активности. В сербской практике, несмотря на меньший масштаб, прослеживается аналогичная логика: ориентация на историко-культурную аутентичность как основу внешнеполитического дискурса и использование международных площадок — в частности, организаций ООН, ЮНЕСКО и Совета Европы — для отстаивания собственного исторического нарратива.

Характерной чертой современных стратегий обеих стран становится отказ от исключительно оборонительной позиции и постепенное формирование наступательной гуманитарной повестки. Россия, в рамках концепции гуманитарного суверенитета, концентрирует усилия на контрнарративах, обращённых к международной аудитории, создавая альтернативные каналы вещания, экспертные форматы и образовательные инициативы. Сербия, сохраняя дипломатическую гибкость и осторожность, акцентирует внимание на праве на историческую память, защите национального достоинства и правовых аспектах международного признания.

Показательно, что в обоих случаях выстраивается структура, в которой гуманитарная политика всё чаще рассматривается как автономное направление государственной стратегии, интегрированное в более широкие контуры внешнеполитических интересов. Такой подход позволяет не только расширять пространство суверенного присутствия, но и формировать международную солидарность вокруг понятий культурного разнообразия,

недопустимости исторического ревизионизма и права на самостоятельную трактовку коллективного опыта.

Выводы, сделанные в ходе анализа, указывают на наличие у России и Сербии реального потенциала не просто для параллельных усилий в ответ на дискриминационные практики, но и для развития взаимодействия по согласованию на экспертном уровне совместных стратегий, основанных на общности вызовов и ценностных ориентиров. Совместные инициативы в области историко-мемориальной политики, культурной дипломатии, образовательного обмена и информационного взаимодействия уже проявляют себя в практике. Эти элементы, несмотря на институциональные и политические ограничения, могут служить заделом для более масштабной координации, способной выходить за рамки двустороннего формата и включать более широкие коалиции государств, сталкивающихся с аналогичными идеологическими вызовами.

В этой связи особое значение приобретает выстраивание системы, позволяющей фиксировать, классифицировать и опровергать проявления дискриминации по культурно-цивилизационному признаку. Предложенная на основе исследования типология форм идеологического давления — от стигматизации через историческую интерпретацию до нормализации враждебности в медиаканалах — является аналитическим инструментом, раскрывающим структурные механизмы формирования предвзятых образов и оценок. Она позволяет не только описывать угрозу, но и переходить к её управлению: как на уровне стратегического планирования, так и в контексте оперативного реагирования.

При этом выявлены и объективные ограничения существующих подходов. В обеих странах сохраняется дефицит системной координации между внешнеполитическими, культурными, экспертными и медийными структурами. Формируется ощущение избыточной политизации гуманитарной политики, что снижает её восприятие за пределами целевых аудиторий. Кроме того, эффективное противодействие требует устойчивого

международного присутствия в академических, журналистских и правозащитных кругах, которое до сих пор остаётся неполноценным как в российской, так и в сербской практике.

Тем не менее, общий вектор трансформации внешнеполитической реакции на русофобию и сербофобию указывает на постепенное движение в сторону институционального оформления, международного партнёрства и координированной концептуализации гуманитарной безопасности. Россия и Сербия выступают не только как объекты идеологической стигматизации, но и как субъекты, способные формировать собственную нормативную рамку, альтернативную западному дискурсу. Это подтверждает возможность перехода от отдельных мер к системной стратегии, ориентированной на долгосрочное укрепление международной репутации, правовой субъектности и культурной идентичности.

Таким образом, выводы третьей главы подтверждают, что при сохранении политической воли и институциональной последовательности возможна реализация более широкой, многоуровневой модели противодействия дискриминационным дискурсам, где гуманитарное измерение становится равноправной частью внешнеполитической активности. Это придаёт устойчивость реакциям на внешние вызовы и создаёт основания для формирования нового формата международного гуманитарного сотрудничества в условиях идеологической конфронтации.

Заключение

В ходе проведённого исследования проведен всесторонний анализ русофобии и сербофобии как идеологизированных форм внешнеполитической враждебности, направленной на дискредитацию и делегитимацию России и Сербии в международной системе. Особенность выявленных феноменов заключается в их глубокой укоренённости в политическом воображении Запада, исторически обусловленной культурной дистанцией, цивилизационными различиями и религиозным противопоставлением. Образы России и Сербии как «чужого», «опасного» и «непросвещённого» укоренились в европейском сознании задолго до событий конца XX — начала XXI века, а в постбиполярный период обрели институционально закреплённые формы — в публичной дипломатии, медиа, образовательной политике и международных правовых практиках.

В рамках анализа была поставлена задача рассмотреть не только содержание этих дискриминационных дискурсов, но и их функциональную роль в формировании внешнеполитических стратегий западных государств. Было установлено, что и русофобия, и сербофобия выполняют более сложную задачу, чем простое воспроизводство предвзятости: они легитимируют внешнеполитическое вмешательство, оправдывают использование санкционных и военных механизмов давления, обосновывают асимметрию в дипломатическом диалоге. Такое идеологическое сопровождение международных отношений не является случайным или фоновым — напротив, оно стало частью устойчивой системы нормативной и символической изоляции двух стран.

Особенно показательной в этом контексте оказалась историческая преемственность образов «угрозы», применявшихся как к России, так и к Сербии. Уже в XIX веке складывалась система представлений, в которой православные славянские народы противопоставлялись «цивилизованному» Западу как носители архаики, деспотизма и политической непредсказуемости.

Эти представления, будучи переосмысленными в рамках идеологии либерального интернационализма XX века, стали основой для модернизированных форм исключения: Россия и Сербия оказались за пределами нормативного поля «демократической легитимности». Это позволило трактовать любые их действия вне логики равноправного политического участия — как отклонение от «нормы», как угрозу «ценностному порядку». Таким образом, формировался особый режим восприятия, в рамках которого идентичность государств не признаётся в качестве самостоятельной ценности, а их суверенитет оказывается поставленным под сомнение.

Такое положение дел делает необходимым переосмысление внешнеполитического реагирования на дискриминационные дискурсы. Простое отрицание русофобии или сербофобии оказывается недостаточным — необходимо концептуальное осмысление этих феноменов как сложных, структурно организованных идеологических систем. В рамках работы показано, что они функционируют не на уровне эмоциональной враждебности, а как институционализированные механизмы давления, встраивающиеся в дипломатическую практику, экспертные отчёты, образовательные стандарты и правозащитные риторики. Их устойчивость обеспечивается не только идеологическим ресурсом, но и репрезентативным преимуществом в глобальной системе информации, где нарративы Запада имеют непропорционально высокий уровень легитимности и распространения.

Исследование показало, что русофобия и сербофобия играют не только идеологическую роль, но и становятся технологией формирования внешнеполитической повестки. Эти феномены действуют как универсальные оправдательные механизмы, позволяющие обеспечить поддержку внутри западных обществ для тех решений, которые в ином контексте были бы расценены как агрессивные, нелегитимные или противоречащие международному праву.

Сложность русофобского и сербофобского нарратива заключается в том, что он не ограничивается политическими или экспертными кругами. Этот нарратив стал частью общественного сознания, формируемого через СМИ, литературу, кинематограф, школьное и университетское образование. В массовом восприятии он работает как привычная схема интерпретации любой международной ситуации, в которую вовлечены Россия или Сербия. Их действия изначально рассматриваются сквозь призму подозрительности: любые усилия по отстаиванию интересов интерпретируются как агрессия, любые попытки самостоятельной политики — как угроза. Это создает контур символического давления, который не нуждается в прямых обвинениях, поскольку сам образ этих стран уже промаркирован как «опасный» или «нецивилизованный».

Подобная система воспроизводится и через международные институты, где при формально равных правах стран-членов фактически существует иерархия интерпретационных полномочий. Как показало исследование, Россия и Сербия систематически сталкивались с тем, что их позиция игнорировалась или интерпретировалась в искажённом ключе, в то время как аналогичные действия других государств рассматривались с противоположной оценкой. Подобная практика является проявлением двойных стандартов, которые закрепляют асимметрию в глобальной нормативности: часть государств получает монополию на определение норм, тогда как другая часть систематически исключается из легитимного пространства обсуждения.

Наиболее остро эти процессы проявились в двух случаях: в отношении Сербии — при интернационализации косовского вопроса, и в отношении России — в контексте конфликта на Украине. В обоих случаях ангажированные интерпретации истории и политики стали инструментом международного давления. Косово было представлено как «уникальный случай», заслуживающий одностороннего признания, несмотря на нарушения норм международного права. Россия, в свою очередь, после 2014 года

оказалась в положении постоянной международной изоляции со стороны коллективного Запада, даже несмотря на активное участие в переговорах, гуманитарных инициативах и борьбе с глобальными угрозами. Эти примеры подтверждают вывод о том, что современная русофобия и сербофобия — это не просто предубеждения, а осознанные и управляемые стратегии, встраиваемые в общий контекст внешнеполитического воздействия.

В этих условиях реакция России и Сербии на внешнее давление формировалась не одномоментно, а как результат накопления исторического опыта и внешнеполитической рефлексии. Исследование показало, что к концу XX века обе страны оказались в уязвимом положении: Россия после распада СССР и утраты глобального влияния, Сербия — в условиях войны, санкций, международной изоляции. Они не обладали ресурсами для полноценного идеологического сопротивления и действовали в логике «объяснения» своей позиции, что объективно помещало их в позицию оправдывающегося субъекта. Однако уже в начале XXI века начался процесс институционализации ответных механизмов. Россия развила систему «мягкой силы», включающую не только медийный экспорт, но и целую инфраструктуру гуманитарной дипломатии, поддержку исторической правды, продвижение альтернативных площадок для экспертного и общественного диалога. Сербия усилила акцент на международной правовой легитимности и исторической аргументации, особенно в вопросе Косово, а также активно работала с международными гуманитарными организациями.

Сравнительный анализ политико-информационных стратегий России и Сербии в условиях возрастающего давления со стороны западных акторов позволил выявить ряд закономерностей, имеющих как практическое, так и теоретическое значение. Прежде всего, в обоих случаях наблюдается трансформация внешнеполитических подходов от пассивной дипломатии с элементами оправдания к активному конструированию гуманитарной и символической повестки. Россия и Сербия постепенно начали воспринимать внешнеполитическое пространство не только как арену столкновения

интересов, но и как поле борьбы за интерпретацию — за то, чья версия истории, культуры, норм и справедливости станет признанной на международной арене.

Подобный поворот имел важное следствие: осознание необходимости создания собственных платформ нарративного суверенитета. В современных условиях информационного глобализма страна, лишённая возможности влиять на формирование публичных смыслов, оказывается уязвимой не только в политическом, но и в правовом, моральном и гуманитарном измерении. В этой связи Россия последовательно выстраивала инструментарий культурной и медийной дипломатии, направленной на демонстрацию альтернативной трактовки международных событий, особенно в отношении конфликтов, санкций и военной политики. Были созданы международные СМИ, аналитические центры, академические программы и гуманитарные форумы, призванные восполнить асимметрию в глобальном информационном обмене.

Сербия, несмотря на более ограниченный спектр ресурсов, следовала аналогичной логике. Оказавшись в положении частичной международной изоляции после череды конфликтов на территории бывшей Югославии с 1991 по 1999 гг., Белград сконцентрировал усилия на защите исторической памяти и юридических позиций, в особенности в контексте Косово. В исследовании детально показано, как сербская дипломатия использовала аргументы международного права, исторических прецедентов и гуманитарных норм для недопущения признания Косово в различных международных форматах. Этот пример демонстрирует важную стратегическую установку: отсутствие широких информационных ресурсов может быть частично компенсировано чёткой правовой и моральной аргументацией, если она носит системный и долгосрочный характер.

Кроме того, следует подчеркнуть, что внешнеполитическая солидарность между Россией и Сербией, несмотря на различие геополитического веса, проявилась как стабильный и многоплановый вектор взаимодействия. Указанная солидарность не ограничивалась лишь ритуальной

поддержкой, а базировалась на глубоких культурно-исторических основаниях, религиозной общности и общем восприятии исторической несправедливости со стороны внешних акторов. На протяжении рассматриваемого периода обе страны оказывали друг другу дипломатическую, информационную и культурную поддержку, что выразилось в синхронизации позиций в международных организациях, поддержке гуманитарных инициатив, а также в координации отдельных медийных проектов и образовательных программ.

Такая форма сотрудничества приобретает особую ценность в условиях, когда обе страны подвергаются системной стигматизации. Их объединённые усилия позволяют не только усиливать собственные позиции, но и транслировать альтернативную гуманитарную и цивилизационную модель, основанную на уважении к исторической правде, многообразию культурных традиций и праву на суверенное развитие. Это направление заслуживает особого внимания с точки зрения будущей внешнеполитической архитектуры: симметричная и асимметричная координация государств, подвергающихся дискриминационным нарративам, может стать основой новой гуманитарной дипломатии.

При этом исследование выявило, что даже при отсутствии нормативно закреплённого союза Россия и Сербия смогли выстроить рабочие модели партнёрства на различных уровнях. Это и консолидация усилий в рамках ООН и других международных институтов, и поддержка правозащитных инициатив, и продвижение альтернативных трактовок ключевых историко-политических процессов. Сербия в этом контексте предстала не только как младший партнёр, но как полноценный субъект гуманитарной дипломатии, обладающий собственной историко-правовой аргументацией, устойчивой культурной идентичностью и готовностью к концептуальной дискуссии на международной арене.

Таким образом, наблюдаемая в исследовании трансформация внешнеполитической логики — от оправдания к утверждению — является стратегическим поворотом, нацеленным на восстановление гуманитарного

суверенитета. Русофобия и сербофобия при этом уже не воспринимаются как стихийные угрозы, а трактуются как вызов, требующий системного концептуального ответа. Речь идёт не только о защите репутации, но и о формировании собственного языка международного общения — языка, в котором возможно заявить о своей правде и быть услышанным.

Анализ институциональных основ русофобии и сербофобии, проведённый в диссертации, позволяет утверждать, что в современном международном порядке речь идёт не просто о повторении негативных клише, но о глубоко встраиваемой системе нормативных и символических исключений. Дискриминационные образы России и Сербии не только транслируются через массовую культуру и журналистику, но и закрепляются в юридических документах, академических стандартах, риторике международных организаций, включая Европейский союз, НАТО, ОБСЕ, Совет Европы. Это наделяет данные стереотипы особой легитимностью: они больше не воспринимаются как пропагандистские конструкции, а подаются как часть «общепринятого» понимания мира и истории.

Подобная институционализация предвзятости представляет собой системную угрозу суверенитету, так как она влияет на формирование норм международного общения и оценки поведения государств. Сербия столкнулась с этим в полной мере при рассмотрении вопроса о независимости Косово. Несмотря на очевидные нарушения международного права, в том числе принципов Хельсинкского акта, западные державы и международные организации использовали аргументы моральной и гуманитарной целесообразности, игнорируя суверенные интересы Белграда. Подобным образом, Россия в постсоветский период всё чаще оказывалась в положении «ответственного виновного», особенно в вопросах интерпретации вооружённых конфликтов, санкционной политики, энергетического сотрудничества, и, что особенно важно, — в трактовке своей исторической роли в XX веке.

Ответом на такую институционализированную предвзятость может быть только равноценная по масштабу система гуманитарного реагирования. Исследование позволило утверждать, что в течение в период с 2000 по 2022 гг. обе страны начали выстраивать собственные институциональные платформы: для исторической экспертизы, культурной дипломатии, публичной защиты прав, международной гуманитарной инициативы. В российском случае это выражалось в создании многоуровневой системы международного вещания (включая RT, Sputnik), в поддержке неправительственных организаций, продвигающих альтернативную повестку, в развитии связей с мировыми академическими кругами, особенно в странах БРИКС, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. В случае Сербии подобные усилия носили более фокусный и оборонительный характер, но при этом демонстрировали устойчивость — прежде всего через активную работу сербской диаспоры, участие в межрелигиозном и межкультурном диалоге, защиту памятников культуры и прав сербского меньшинства за пределами страны.

Уроком из этой ситуации является необходимость системной долгосрочной политики в гуманитарной сфере. Адекватное противодействие институционализированным формам русофобии и сербофобии возможно лишь в условиях, когда у страны имеется собственный «долгий горизонт» гуманитарной стратегии — не зависящий от политической конъюнктуры, основанный на глубоком понимании собственной идентичности и приоритетов, и способный опереться на институты, обладающие международным авторитетом. Это предполагает устойчивую поддержку академических, культурных, просветительских и правозащитных инициатив, работающих не в режиме PR-реакции, а в рамках долгосрочной репутационной дипломатии.

В этом контексте взаимодействие России и Сербии в сфере гуманитарного и внешнеполитического противостояния дискриминации может и должно быть выведено на новый уровень. Сформированный в последние десятилетия потенциал — историческая близость, дипломатическая

координация, общее видение несправедливости западного дискурса — даёт основания для развития союзной культурной и информационной политики. Такой подход позволит не только укрепить двусторонние связи, но и создать международную коалицию стран, не готовых мириться с монополией на интерпретацию истории и политической морали.

Одним из наиболее существенных выводов, сделанных в ходе диссертационного исследования, является наличие устойчивых структурных аналогий в механизмах делегитимации России и Сербии. Русофобия и сербофобия, хоть и развивались в разных исторических и геополитических контекстах, обладают не просто схожим содержанием, но и сопоставимой функцией в системе западной внешнеполитической риторики. Это сходство проявляется в выборе ключевых тем, символов и интерпретационных рамок, в которых Россия и Сербия систематически позиционируются как «опасные», «ретроградные» и «антинормативные» субъекты.

Проведённый анализ показал, что с конца XX века активно возобновились и институционализировались нарративы, построенные на антагонизме к историко-культурному наследию и политическому поведению обоих государств. В западных публичных и экспертных дискурсах они подвергались систематическому исключению из сообщества «нормальных» международных акторов. Сюда относится не только моральная стигматизация и символическая изоляция, но и конкретные институциональные меры — от отказа в участии в многосторонних форматах до санкционных ограничений и правового давления через международные трибуналы, резолюции и декларации.

Особенно показательной в этом контексте является методология создания образа внешнеполитического «агрессора» или «нарушителя международного порядка». В отношении Сербии такой образ окончательно оформился в ходе балканских конфликтов 1990-х годов, кульминацией которых стала бомбардировка Югославии в 1999 году, сопровождавшаяся масштабной медийной кампанией, представившей сербскую сторону

исключительно как сторону, виновную в гуманитарной катастрофе. Россия же в этом ряду появилась особенно отчётливо после 2008 года, а с 2014 года антироссийский дискурс стал основой целого комплекса мер дипломатической, экономической и правовой изоляции.

На более глубоком уровне сходство заключается в использовании одинаковых дискурсивных конструкций. Ключевые элементы — утверждение об «имперском реваншизме», акцент на нарушениях прав человека, обвинения в «недемократичности» политических систем, апелляции к травмам соседей — стали универсальными шаблонами, применимыми к обоим государствам. Такая стандартность трактовок свидетельствует не об эмпирической обоснованности, а о заранее подготовленных идеологических матрицах, которые активизируются вне зависимости от реального поведения субъектов.

Эта повторяемость риторических конструкций требует критического переосмысления существующего порядка распространения политических смыслов. В диссертации подчёркивается, что речь идёт не просто о предвзятости, а о специфической технологии власти, заключающейся в монополии на интерпретацию. Она реализуется через глобальные информационные каналы, через механизмы академической экспертизы и через институциональные платформы, способные задавать нормы обсуждения. Россия и Сербия, оказавшись в положении объектов таких интерпретаций, были вынуждены не только опровергать обвинения, но и бороться за право вообще быть услышанными в пространстве международного диалога.

Исследование подтвердило, что одной из эффективных форм сопротивления идеологической дискриминации стала гуманитарная контрнарративизация — выстраивание собственной системы символических координат, основанной на уважении к исторической правде, культурному многообразию и праву на самоидентификацию.

При этом особую значимость приобретает умение формировать долговременные стратегии культурного влияния. Россия и Сербия, несмотря на неравные стартовые условия, сумели выстроить формы гуманитарного

взаимодействия, позволяющие им не только обмениваться опытом противодействия дискриминации, но и транслировать собственные подходы к ключевым вопросам международной политики. В условиях, когда доминирующие медийные нарративы не оставляют пространства для сомнений в легитимности западных интерпретаций, именно развитие собственной гуманитарной инфраструктуры становится решающим элементом внешнеполитического суверенитета.

Противодействие русофобии и сербофобии требует не тактических кампаний, а стратегической архитектуры. Речь идёт о построении системной политики, охватывающей образование, культуру, историческую науку, средства массовой информации, а также международные форматы экспертного взаимодействия. Подобный подход невозможен без консолидации внутренних ресурсов и без координации с союзными государствами и партнёрами по диалогу. Поэтому расширение российско-сербского гуманитарного сотрудничества, формализация механизмов совместной культурной дипломатии, развитие многоуровневых академических и просветительских программ должны рассматриваться не как опция, а как насущная необходимость.

Сотрудничество между Россией и Сербией в указанной сфере уже имеет прочную историческую основу. На протяжении исследуемого периода наблюдается регулярное взаимодействие в области мемориальной политики, сохранения православного и славянского культурного наследия, поддержки религиозных и этнокультурных организаций. Эти элементы стали ядром для развёртывания более широкой рамки — концепции союзного гуманитарного пространства, основанного на общих ценностях, исторической памяти и взаимном признании угроз внешнего символического давления. Важно подчеркнуть, что данное сотрудничество носит не декларативный, а операционный характер: в последние десятилетия оно подкреплено конкретными институциональными шагами — от соглашений о культурном обмене до совместной медийной и образовательной активности.

Перспективным направлением в данном случае может стать развитие совместных научных исследований, создание двусторонних академических проектов по изучению дискриминационных нарративов, а также подготовка общих концептуальных трудов, раскрывающих особенности гуманитарного взаимодействия. Важным остаётся и участие в международных дискуссионных форматах, где возможно продвижение культурных и ценностных оснований, выходящих за рамки условно универсалистских западных стандартов.

Особое место в исследовании занимает вопрос о выработке нового научного инструментария, позволяющего не только описывать феномены русофобии и сербофобии, но и интерпретировать их в контексте современной международной политической практики. Сравнительный подход, применённый в диссертации, позволил выявить структурные и функциональные сходства между этими двумя формами идеологического давления, предложив тем самым основания для формулирования новой типологии форм международной дискриминации и символического насилия.

Обе ксенофобские матрицы, как показал проведенный анализ, обладают не случайной, а системной логикой действия. Их функционирование зависит от широкой сети институциональной поддержки: от международных медиа и образовательных учреждений до дипломатических структур и механизмов санкционного регулирования. В этом контексте становится очевидным, что речь идёт не о стихийной ненависти или реакции на конкретные события, а о долговременно выстроенной стратегии нормативного исключения и делегитимации.

На основании проведённого анализа предлагается концептуальное различение нескольких форм идеологического давления, применимых к внешнеполитической практике:

1. Делегитимационное давление — действия, направленные на подрыв международного авторитета государства через постоянную интерпретацию его политики как аморальной или несоответствующей

«цивилизованным нормам». В отношении России и Сербии это реализуется через риторику «имперских амбиций», «агрессии», «неготовности к реформам» и т. д.

2. Изоляционное давление — механизмы, исключаящие государства из коллективных форматов принятия решений, экспертных и гуманитарных платформ, научных сообществ. Оно опирается на созданную ранее репутацию как «проблемного субъекта» и тем самым замыкает замкнутый круг: страна не допускается к диалогу именно потому, что её позиция не признана легитимной.

3. Моралистическое давление — символические формы воздействия, апеллирующие к универсальным ценностям (демократия, права человека, гуманизм), но применяемые избирательно и в зависимости от геополитической принадлежности субъекта. Это создаёт условия для двойных стандартов, когда одни и те же действия трактуются по-разному в зависимости от исполнителя.

Предложенная типология может быть использована для более точного описания современных вызовов международному гуманитарному суверенитету. Она позволяет определить уязвимые точки в репутационной структуре страны и тем самым предложить более адресные формы реагирования: от информационной политики до реформирования системы международного присутствия.

Кроме того, исследование показало, что Россия и Сербия имеют разные, но взаимодополняющие уязвимости в системе международного имиджа. Россия чаще сталкивается с системными обвинениями в нарушении международного порядка, экспансии, геополитическом реваншизме. Сербия, в свою очередь, в западных дискурсах маргинализируется через гуманитарные нарративы, в которых её действия описываются как проявления агрессии, этнического национализма или исторического архаизма. Несмотря на различие акцентов, оба случая предполагают стратегию пониженного доверия,

в рамках которой международное сообщество склонно интерпретировать действия этих стран априори как подозрительные или деструктивные.

На основании этого сделан вывод, что любая попытка сформировать устойчивую международную репутацию должна основываться на деконструкции внешних стереотипов и замещении их собственной логикой репрезентации. Это невозможно без глубокого знания механизмов внешнего восприятия, без постоянного мониторинга медиадискурса и академических интерпретаций, без вклада в международное гуманитарное знание. Политика репутационного суверенитета требует не только информационного давления, но и экспертного присутствия: в университетах, на конференциях, в международных организациях, в глобальных научных и культурных сетях.

Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что Россия и Сербия не только подвергались системной делегитимации, но и сумели выработать реакцию на этот вызов, частично трансформировав внешнеполитическую стратегию в сторону активного гуманитарного самоутверждения. В рамках этого процесса ключевыми стали усилия по восстановлению контроля над историческим нарративом, по формированию альтернативных дискурсов, по поддержке гуманитарных инициатив и созданию собственной экспертной и медийной инфраструктуры. Эти меры открыли возможность к переосмыслению собственной субъектности и закреплению её в международных форматах через институциональные каналы.

Растущая способность обеих стран к культурной артикуляции и внешнеполитической автономии позволяет говорить о формирующемся гуманитарном потенциале, способном противостоять навязываемым идентичностям. Этот потенциал базируется не на отрицании универсальных ценностей, но на расширении самих рамок универсализма, в который должны быть включены различные исторические опыты и культурные коды. Россия и Сербия демонстрируют пример политических субъектов, которые не стремятся разрушать международный порядок, но настаивают на праве

участвовать в его переопределении. Устойчивость международной позиции государства сегодня напрямую связана с его способностью к институционализированной защите идентичности, культурного наследия, исторической правды и политической легитимности.

Россия и Сербия, несмотря на различия в масштабах и геополитическом весе, обладают общим историческим опытом противостояния внешнему давлению и, как показал анализ, сходными векторами его преодоления. Их взаимодействие на этом основании приобретает не только политическое, но и цивилизационное измерение. Координация усилий в области культурной дипломатии, исторического просвещения, совместного анализа деструктивных нарративов и выстраивания собственных концептуальных рамок — это не только путь к усилению международного авторитета, но и форма защиты гуманитарного суверенитета от деградации под внешним давлением.

Такой подход позволяет рассматривать противостояние русофобии и сербофобии не только как оборонительную реакцию, но и как пространство созидательной внешнеполитической и гуманитарной инициативы. Речь идёт о расширении диалога, основанного на признании множественности исторических опытов, уважении культурного разнообразия и отказе от монополии на трактовку прошлого и настоящего. В этой логике особое значение приобретает гуманитарное взаимодействие и академическое сотрудничество, формирующие практики взаимопонимания и критического анализа дискриминационных нарративов. Поддержка независимых исследований и участие в международных экспертных форматах создают условия для преодоления укоренившихся русофобских и сербофобских клише и превращают борьбу с ними в конструктивный элемент укрепления культурной субъектности и репутационной устойчивости государств.

Отстаивание исторической правды и справедливой оценки событий — не риторический жест, а условие равноправного участия в международной системе, где русофобия и сербофобия выступают факторами нормативного

исключения. Такая позиция требует прочной концептуальной базы и институциональной опоры: устойчивой поддержки образовательных, исследовательских и просветительских инициатив, нацеленных на верификацию фактов и раскрытие механизмов манипулятивных интерпретаций. В практическом измерении это означает наращивание экспертного присутствия в глобальных гуманитарных сетях, развитие совместных академических проектов и подготовку концептуальных трудов, предлагающих альтернативные и эмпирически обоснованные объяснительные модели. Лишь так возможно не только нейтрализовать предвзятость, но и утвердить рамку, в которой справедливость исторического суждения и достоверность источникового анализа становятся нормой международного общения.

Список источников и литературы

Архивные документы

1. Агентурная информация НКГБ СССР о настроениях русской эмиграции в Югославии. 28 августа 1944 г. // Архив СВР России. Д. 26590. Т. 5. Л. 17-25.
2. Аннотация к рукописи исследования "Югославия под гнетом германского и итальянского фашизма". ЦГА Москвы, фонд Л-43, опись №1, стр. 15.
3. Архив Югославии, фонд 12, опись 3, дело 45, страницы 109-123.
4. Архив Югославии, фонд 22, опись 7, дело 34, страницы 88-102.
5. Беседа заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского с посланником Королевства Югославия в СССР М. Гавриловичем. 9 июля 1940 г. // АВП РФ, ф. 0144, оп. 20, п. 105, д. 3, л. 1-3.
6. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Стенограмма заседания 27.03.1999. URL: <https://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1999-03-27> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Государственный архив Российской Федерации, фонд 400, опись 1, дело 112, листы 12-24.
8. Дневниковые записи Алексея фон Лампе. 13 марта 1921 г.-19 июня 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1.
9. Доклад генерал-майора, бывшего военного министра Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова на Ясском совещании о военном и политическом положении в Сибири. Не позднее 2 декабря 1918 г. // РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 1-21. Копия. Машинопись.; Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. М., 2004. С. 249-271.
10. Записка В.В. Мошетова М.Л. Суслову о реакции И.Б. Тито и Э. Карделя на письмо ЦК ВКП(б). Не ранее 22 мая 1948 г. Ссылка: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/299860-zapiska-v-v-moshetova-m-l-suslovu-o-reaktsii-i-b-tito-i-e-kardelya-na-pismo-tsk-vkp-b-ne-nee-22-maya-1948-g> (дата обращения: 01.05.2025).

11. Из телеграммы посольства Великобритании в Вашингтоне об эволюции оценок СССР американской политической элитой и общественностью по окончании Ялтинской конференции, 24 февраля 1945 г. // Washington Dispatches, 1941-1945. Weekly Political Reports from the British Embassy / Ed. H.G. Nicholas. Chicago; London, 1981. Pp. 519, 520.
12. Информационное письмо советского посла И. В. Садчикова В. М. Молотову от 18 декабря 1945 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 29. П. 117. Д. 28. Л. 139–146.
13. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22.06.1999 № 201-рп // Архив Президентского Центра Б. Н. Ельцина. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/46924/> (дата обращения: 01.05.2025).
14. Распоряжение Президента Российской Федерации от 25.06.1999 № 206-рп «О направлении сотрудников органов внутренних дел РФ и военнослужащих Федеральной пограничной службы РФ для несения службы в составе международного полицейского персонала в Косово...» // Архив Президентского Центра Б. Н. Ельцина. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/46927/> (дата обращения: 01.05.2025).
15. Речь генерала П.Н.Врангеля на открытии Русского Совета в Константинополе. 5 апреля 1921 г. // «Русский Совет». Париж. 1921. С. 14-16. ЦА ФСБ РФ Ф. 2. Оп. 3. Д. 436. Л. 253—255.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 400, опись 1, дело 112, листы 52-68.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 5, опись 5, дело 123, листы 32-45.
18. Советско-югославские переговоры, состоявшиеся во время визита И. Броз Тито в Советский Союз 18-30 июня 1965 г. 29 июня 1965 г. РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 51-70.
19. Сообщение газеты «Известия» о решении СНК СССР об оказании технической помощи в восстановлении Варшавы, 18 февраля 1945 г. б/ш, б/а.

20. Статья «Стремление придать финляндскому вопросу международный характер» из «Обзора периодической печати». Ноябрь 1899 г. // Опубл.: Финляндия. Обзор периодической печати. [Вып. 1]. Ноябрь 1899. СПб., 1899. С. 28-33.
21. Указ Президента Российской Федерации от 14.04.1999 № 467 «О специальном представителе Президента Российской Федерации по урегулированию ситуации вокруг Союзной Республики Югославии» // Архив Президентского Центра Б. Н. Ельцина. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/43403/> (дата обращения: 01.05.2025).
22. Arhiv Jugoslavije (Archive of Yugoslavia). Fonds and collections (post-1945 holdings), including materials on 1990s developments and NATO bombing. URL: https://www.arhivyu.rs/en/arhivska-gradja/fondovi_i_zbirke_pojedinačno/fondovi_iz_perioda_nakon_1945
23. Clinton, William J.; Yeltsin, Boris. Telephone Conversation with President Boris Yeltsin of Russia, September 14, 1999. William J. Clinton Presidential Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57570> (дата обращения: 23.06.2025).
24. Dokumenti i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. Tom II, knj. 14: Dokumenti CK KPJ i Vrhovnog štaba NOV i POJ: 1. septembar — 31. decembar 1944. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1981. Dok. br. 349: Odgovor Vrhovnog komandanta NOV i POJ od 20. oktobra 1944. maršalu Tolbuhinu..., s 306. [Электронный ресурс]. URL: https://znaci.org/zb/4_2_14.pdf#page=306 (дата обращения: 01.05.2025).
25. Memorandum of Telephone Conversation between President Clinton and President Yeltsin, April 19, 1999. National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32239-document-16-memorandum-telephone-conversation-subject-telephone-conversation-russian>. (дата обращения: 01.05.2025).

26. United States. Department of State. U.S. Recognizes Kosovo as Independent State. 18 Feb. 2008. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/02/100973.htm> (accessed: 30.08.2025).
27. United States. The White House. Letter from the President to the President of Kosovo. 18 Feb. 2008. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/02/20080218-3.html> (accessed: 30.07.2025).

Официальные источники

28. Австро-Венгерская нота от 23 июля 1914 [Электронный ресурс] // Немного истории. – Режим доступа: <https://istoriya-kg.ru/index.php?option=document&view=article&Itemid=avsvsn-nota-23-iyul-1914-mt> (дата обращения: 14.03.2025).
29. Берлинский трактат 1878 года [Электронный ресурс] // Руниверс. – Режим доступа: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6776&CENTER_ELEMENT_ID=146934&PORTAL_ID=6776.
30. Беседа с Президентом Сербии Александром Вучичем [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76887> (дата обращения: 01.05.2025).
31. Военная доктрина Российской Федерации: Основные положения. Указ Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833.
32. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 01.05.2025).
33. Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией отношениях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – <http://www.kremlin.ru/supplement/1461>. (дата обращения: 01.05.2025).

34. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // «Собрание законодательства РФ», 07.04.2014, № 14, ст. 1570.
35. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762352/?ysclid=mdbqhfhurt357843402 (дата обращения: 01.05.2025).
36. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 01.05.2025).
37. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).
38. Концепция внешней политики Российской Федерации от 15.07.2008 [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.03.2025).
39. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 февраля 2013 г. № Пр-251 // Kremlin.ru. Официальная публикация текста на kremlin.ru не представлена; факт утверждения подтверждён в Указе Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», где говорится об утрате силы Концепции 2013 г. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 09.11.2022).

40. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 15 июля 2008 г. // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 09.11.2022).
41. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 28 июня 2000 г. // Kremlin.ru. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/by-date/03.07.2000> (дата обращения: 09.11.2022).
42. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 30 ноября 2016 г. № 640 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).
43. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 31 марта 2023 г. № 229 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>; Новости: <https://kremlin.ru/events/president/news/70811>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).
44. Концепция внешней политики Российской Федерации» // «Российская газета, № 133, 11.07.2000.
45. О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1925827 (дата обращения: 01.05.2025).
46. О совещании Президента России В.В.Путина с послами и постоянными представителями Российской Федерации, Москва, 27 июня 2006 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1696537/?ysclid=mdbqf7i864236093421 (дата обращения: 01.05.2025).

47. О создании фонда «Русский мир»: Указ Президента РФ от 21.06.2007 № 796 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102114109>
48. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>.
49. Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации. Утверждены 23 апреля 1993 г. // Kremlin.ru. Прямой публикации текста 1993 г. на официальном сайте не обнаружено; документ подтверждается в последующих указах Президента РФ и материалах kremlin.ru. Напр.: Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 содержит упоминание о преемственности концептуальных актов. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 09.11.2022).
50. Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/?ysclid=mdbq4men36511416140. (дата обращения: 01.05.2025).
51. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>. (дата обращения: 14.03.2025).
52. Резолюция СБ ООН 757 [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – <https://m.bigenc.ru/vault/76dc7db20197b37fa5a18ac502c75d59.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
53. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1244 (1999) от 10.06.1999. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 06.03.2025).
54. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и

сотрудничеству в Европе. —
https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

55. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21397> (дата обращения: 14.03.2025).

56. Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 24.11.2022 // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/> (дата обращения: 14.03.2025).

57. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий от 20.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: [https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20\(ei\)/docs/2009_gumReag.pdf](https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2009_gumReag.pdf) (дата обращения: 11.04.2025).

58. Указ Президента РФ от 02.11.1993 № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ», 08.11.1993, № 45, ст. 4329.

59. Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1315 (ред. от 26.05.2022) «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества «(вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству») // «Собрание законодательства РФ», 15.09.2008, № 37, ст. 4181.

60. Указ Президента РФ от 13.07.2007 № 872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных Договоров» // «Собрание законодательства РФ», 16.07.2007, № 29, ст. 3681.
61. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.12.2016, № 49, ст. 6886.
62. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2023, № 14, ст. 2406.
63. Федеральный закон от 07.06.2007 № 99-ФЗ «О ратификации Соглашения между государствами - участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их сил от 19 июня 1995 года и Дополнительного протокола к нему» // «Собрание законодательства РФ», 18.06.2007, № 25, ст. 2976.
64. Федеральный закон от 28.01.2011 № 1-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» // «Собрание законодательства РФ», 31.01.2011, № 5, ст. 667.

Официальные источники на иностранном языке

65. Amnesty International. Croatia: Impunity for killings of Serbs and lack of justice for war crimes. — London: Amnesty International, 1998. — (EUR 64/04/98).
— URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/eur640041998en.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).
66. Brussels Agreement [Электронный ресурс] // The Government of the Republic of Serbia. — <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394> (дата обращения: 11.04.2025).
67. Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination,

xenophobia and related intolerance [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. —

<https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/706/23/pdf/n1470623.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

68. Crucified Kosovo: Destroyed and Desecrated Serbian Orthodox Churches and Monasteries in Kosovo and Metohija (June–October 1999) / Serbian Orthodox Church, Diocese of Raška and Prizren, Information Service. — Belgrade, 1999. — 79 p. — URL: <http://www.kosovo.net/crucified/default4.htm>. (дата обращения: 04.09.2023).

69. European Commission. Serbia 2011 Progress Report: Commission Staff Working Document SEC(2011) 1208 final [Электронный ресурс]. Brussels, 12.10.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=SEC:2011:1208:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 01.07.2025).

70. European Parliament resolution of 10 October 2019 on foreign electoral interference and disinformation in national and European democratic processes (2019/2810(RSP)) (P9_TA(2019)0031) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0031_EN.html (дата обращения: 03.07.2025).

71. European Parliament resolution of 29 November 2018 on the 2018 Commission Report on Serbia (2018/2145(INI)) (P8_TA(2018)0478) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0478_EN.html (дата обращения: 01.07.2025).

72. European Parliament resolution of 6 July 2022 on the 2021 Commission Report on Serbia (2021/2246(INI)) (P9_TA(2022)0284) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0284_EN.html (дата обращения: 01.06.2025).

73. European Parliament. Resolution of 19 January 2011 on the European integration process of Serbia (TA-7-2011-0014) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0014_EN.html (дата обращения: 01.07.2025).

74. European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels: European External Action Service, 2016. 60 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_2019.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

75. Federal Government of Germany. White Paper 2016 on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr. Berlin, 2016. 140 p. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2016-White-Paper.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

76. French Ministry for the Armed Forces. Defence and National Security Strategic Review. Paris: Ministry of the Armed Forces, 2017. 120 p. URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/Defence%20and%20National%20Security%20Strategic%20Review%20-%202017.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

77. General Assembly, in Thematic Debate, Hears that International Criminal Justice Is an Important Tool in Combating Atrocities; Reconciliation Requires Truth [Электронный ресурс] // UN Meetings Coverage and Press Releases (GA/11355), 10.04.2013. URL: <https://press.un.org/en/2013/ga11355.doc.htm> (дата обращения: 01.07.2025).

78. HM Government. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. London, 2021. 100 p. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9171/CBP-9171.pdf>

79. Human Rights Watch. Impunity for Abuses Committed during “Operation Storm” and the Denial of the Right of Refugees to Return to the Krajina. — New York: HRW, 01.08.1996. — URL: <https://www.hrw.org/report/1996/08/01/impunity-abuses-committed-during-operation-storm-and-denial-right-refugees-return>. (дата обращения: 09.03.2024).

80. March Pogrom in Kosovo and Metohija, March 17–19, 2004 / Ministry of Culture of the Republic of Serbia; Museum in Priština. — Belgrade: Ministry of Culture of the Republic of Serbia; Museum in Priština, 2004. — 432 p. — ISBN 86-7263-096-1. — URL: <https://www.koreni.rs/march-pogrom-in-kosovo-and-metohija-march-17-19-2004/> (дата обращения: 04.09.2023).
81. NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization. — Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.html (дата обращения: 04.09.2023).
82. NATO Crimes in Yugoslavia: Documentary Evidence / Federal Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Yugoslavia. — Belgrade: FMFA FRY, 1999. — 443 p. — URL: <https://archive.org/details/nato-crimes-in-yugoslavia> (дата обращения: 04.09.2023).
83. NATO StratCom [Электронный ресурс] // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. — <https://stratcomcoe.org> (дата обращения: 04.09.2023).
84. NATO. Wales Summit Declaration, 4 September 2014. Brussels: NATO HQ, 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 30.08.2025).
85. OSCE Mission in Kosovo. Human Rights in Kosovo: As Seen, As Told. Volume II, 14 June – 31 October 1999. — Pristina: OSCE, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/kosovo/17781> (дата обращения: 04.09.2023).
86. OSCE/ODIHR. Kosovo/Kosova: As Seen, As Told. An Analysis of the Human Rights Findings of the OSCE Kosovo Verification Mission, October 1998 – June 1999. — Warsaw: OSCE/ODIHR, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/odihr/17772> (дата обращения: 06.06.2025).
87. Public Opinion Poll: Attitudes towards war crimes issues, ICTY and the national judiciary [Электронный ресурс] / OSCE Mission to Serbia. 10.05.2012. URL: <https://www.osce.org/serbia/90422> (дата обращения: 01.07.2025).

88. Serbian parliament's Kosovo resolution [Электронный ресурс] // B92. – https://www.b92.net/o/eng/insight/strategies?yyyy=2007&mm=12&nav_id=46517 (дата обращения: 30.11.2022).
89. United Nations Security Council. Draft resolution S/2015/508. 8 July 2015. URL: <https://undocs.org/S/2015/508> (дата обращения: 09.08.2025).
90. United Nations Security Council. Verbatim Record S/PV.7481. 8 July 2015. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.7481> (дата обращения: 09.08.2025).
91. United Nations Security Council. Letter dated 30 December 1999 from the Chargé d'affaires a.i. of the Federal Republic of Yugoslavia addressed to the President of the Security Council: Annex — Destroyed and desecrated churches and monasteries in Kosovo and Metohija, June–October 1999. — S/1999/1263. — New York, 30.12.1999. — URL: <https://undocs.org/en/S/1999/1263> (дата обращения: 04.09.2023).
92. United Nations. General Assembly. Resolution A/RES/63/3 of 8 Oct. 2008 requesting the International Court of Justice to give an advisory opinion on the declaration of independence by Kosovo. URL: <https://undocs.org/A/RES/63/3> (дата обращения: 30.11.2022).
93. United States. Department of Defense. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington, D.C., 2018. 11 p. URL: <https://media.defense.gov/2020/may/18/2002302061/-1/-1/1/2018-national-defense-strategy-summary.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).
94. Министарство одбране Републике Србије. Бела књига одбране Републике Србије. Београд, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mod.gov.rs/multimedia/dodaci/bela_knjiga_odbrane_republike_srbije_2023_1731677444.pdf (дата обращения: 30.11.2022).
95. Министарство просвете Републике Србије. Стратегија научног и технолошког развоја Републике Србије – «Моћ знања» (2021–2025). Београд, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mpn.gov.rs/wp->

<content/uploads/2021/12/Strategija-nauc-tehnol-razvoj-RS-Moc-znanja.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).

96. Народна скупштина Републике Србије. Резолуција о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије (26.12.2007). [Электронный ресурс]. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/rezolucija_o_zastiti_suveraniteta_teritorijalnog_integriteta_i_ustavnog_poretka_republike_srbije.html (дата обращения: 30.11.2022).

97. Резолуција Народне скупштине Републике Србије о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије: «Службени гласник РС», број 125 од 26. децембра 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/rezolucija/2007/125/1/reg> (дата обращения: 11.04.2025).

98. Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization. — https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.05.2025).

99. Резолюция СБ ООН 1244 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/172/91/pdf/n9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.03.2024).

Монографии

100. *Белаяц, М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны / М. Белаяц; пер. с серб. А. А. Силкина; предисл. А. Л. Шемякина. — Москва: ТД «Алгоритм», 2015. — 368 с.

101. *Вольтер* История Российской империи при Петре Великом / *Вольтер*. — М.: Нестор-История, 2022. — 376 с.

102. *Воробьев, С. В.* Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX-XXI веков / С. В. *Воробьев* и др. – М.: Дашков и К, 2023. – 278 с.
103. *Герберштейн, С.* Записки о московитских делах / С. *Герберштейн*. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. – 465 с.
104. *Громыко, А.А.* «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе / А.А. *Громыко*. – Москва: ИЕ РАН, 2023. – 196 с.
105. *Де Кюстин, А.* Россия в 1839 году / А. *Де Кюстин*. – М.: КоЛибри, 2020. – 1072 с.
106. *Дегтярев, Д. А.* Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений: учебник / Д. А. *Дегтярев*. – М.: РУДН. – 2016. – 556 с.
107. *Душенко, К.В.* «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний. Из истории политического языка / К.В. *Душенко*. – М.: ИНИОН РАН, 2024. – 199 с.
108. *Закаурцева, Т. А.* Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов / Т. А. *Закаурцева*, Т. В. *Каширина*. – М.: Дашков и К, 2022. – 206 с.
109. *Карпович, О. Г.* Евразийский экономический союз в контексте новых глобальных изменений / О. Г. *Карпович*, В. Б. *Мантусов*. – М.: Российская таможенная академия, 2018. – 144 с.
110. *Курылев, К. П.* Современная внешняя политика России в контексте нового миропорядка: учебно-методическая программа курса для студентов-международников. / К. П. *Курылев*. – М.: РУДН, 2004. – 16 с.
111. *Меттан, Г.* Запад-Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / Г. *Меттан*. – М.: АСТ, 2023. – 448 с.
112. *Монтексье, Ш.* О духе законов / Ш. *Монтексье*. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.
113. *Никифоров, К.В.* Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / К.В. *Никифоров*. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 401 с.

114. *Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо.* – М.: Кучково поле, 1998. – 416 с.
115. *Сборник дипломатических документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне.* – СПб: Государственная типография, 1914. – 153 с.
116. *Стоянович, Д. Сербия. Полная история страны / Д. Стоянович.* – М.: АСТ, 2023. – 320 с.
117. *Тимофеев, А. Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878-1912 / А. Ю. Тимофеев.* – М.: Алетейя, 2007. – 240 с.
118. *Экмечич, М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала / М. Экмечич.* – М.: Абрикобукс, 2023. – 263 с.
119. *Яковенко, А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция / А.В. Яковенко.* – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – 256 с.

Монографии на иностранном языке

120. Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 472 p.
121. Gagnon V. P. *The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s.* – Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. – 232 p.
122. Gleason, J. *The genesis of Russophobia in Great Britain / J. Gleason.* – London: Geoffrey Cumberlege, 1950. – 328 p.
123. Herman, E. S. *The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics / E. S. Herman.* – Evergreen Park: Alphabet Soup, 2011. – 301 p.
124. Marković, L. *La Serbie et l'Europe, 1914-1918 / L. Marković.* – Paris: Georg & Company, 1919. – 334 p.
125. Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations.* London; New York: Routledge, 1996. 268 p.

126. Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. – New York: Macmillan, 2009. – 257 p.
127. Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994. 419 p.
128. Екмечић М. Сербобфобия и антисемитизм. – Белград: Службени лист СРЈ, 2002. – 356 с.
129. Русија и Балкан: економско, политичко и културно присуство Русије на Балкану – положај, улога и значај Републике Србије: тематски зборник радова. Књ. 12 / ур. Стеван Рапаић, Драган Траиловић, Давид И. Тереладзе. – Београд: Институт за политичке студије; Санкт Петербург: Северо-Западный институт управления РАНХиГС, 2022. – 248 с.

Научные статьи и иные публикации

130. *Агуреев С. А., Болтаевский А. А.* «Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2021. – № 2. – С. 66–82.
131. *Алентьева, Т. В.* Крымская война на страницах британского журнала «Punch» / Т. В. Алентьева // Научный вестник Крыма. – 2023. – № 2 (42). – С. 38–49.
132. *Апанасюк, Л. А.* К вопросу преодоления ксенофобии и нетерпимости среди молодежи на региональном уровне / Л. А. Апанасюк // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – №3. – С. 399-402.
133. *Арляпова, Е. С., Пономарёва, Е. Г., Пророкович, Д.* Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия — Балканы // Вестник международных исследований. — 2022. — № 2. — С. 77–93.
134. *Беляков, С. С.* Сербь – «чужак» № 1 / С. С. Беляков // Вопросы национализма. – 2010. – №3 (3). – С. 128-141.
135. *Бондарева, Е. А.* Культурный геноцид сербского народа на территории Косова / Е. А. Бондарева // Албанский фактор кризиса на Балканах. – 2003. – №2. – С. 69-82.

136. *Бочарова, З. С.* Внешнеполитическая ориентация Республики Сербия на современном этапе / *З. С. Бочарова, Б. Нацзыкэ* // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика – 2023. – № 3. – С. 43-60.
137. *Бруз, В. В.* Организация Варшавского Договора и чехословацкие события 1968 года: историографический аспект / *В. В. Бруз* // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 21-22.
138. *Булыко, И. П.* Перевод статьи Г. А. Острогорского «Стефан Душан и сербская знать в борьбе с Византией» / *И. П. Булыко* // Труды и переводы. – 2022. – №1 (5). – С. 115-122.
139. *Ващенко, М. С.* Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого) / *М. С. Ващенко* // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – №8. – С. 1-13.
140. *Вишняков, Я. В.* Боснийский кризис 1908 1909 гг. И славянский вопрос / *Я. В. Вишняков* // Вестник МГИМО. – 2011. – №1. – С. 103-112.
141. *Власов, Н. А.* Война против России, даже победоносная, будет... нежелательным событием / *Н. А. Власов* // Военно-исторический журнал. – 2022. – №4. – С. 35–49.
142. *Воробьев, С. В.* Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений / *С. В. Воробьев, Т. В. Каширина* // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2017. – Т. 4. – № 327. – С. 44-50.
143. *Воробьева, И. В.* Идеи Поля Гольбаха об общественном договоре и их значение для современности / *И. В. Воробьева* // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2023. – №4. – С. 67–80.
144. *Головашина, О. В.* Идея аншлюса и проект Дунайской Федерации в общественном мнении Первой Австрийской Республики / *О. В. Головашина* // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – №10. – С. 137-142.
145. *Голубок, С. А.* О соответствии международному праву односторонней Декларации независимости Косово: консультативное заключение Международного Суда ООН от 22 июля 2010 года / *С. А. Голубок* // Международное правосудие. – 2011. – Т. 1. – №1. – С. 21-30.

146. *Гордон, А. В.* Россия в истории французской мысли (XVIII–XXI вв.) / *А. В. Гордон* // РСМ. – 2013. – №4 (81). – С. 1–27.
147. *Гуськова Е. Ю.* Ревизия истории: сербы виноваты во всех войнах // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 101–118.
148. *Гуськова, Е. Ю.* Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. — М.: Индрик, 2013. — 432 с.
149. *Гуськова, Е. Ю.* Балканский опыт миротворчества в конце XX — начале XXI вв. // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 2(29). — С. 52–60.
150. *Гуськова, Е. Ю.* Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 33–47.
151. *Гуськова, Е. Ю.* Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Религия и политика. — 2015. — № 1. — С. 77–90.
152. *Гуськова, Е.Ю.* Сербы в необъявленной войне в конце XX века. «Сохраняйте улыбку - это стиль Белграда» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. Т. 10. С. 136-145.
153. *Дмитриев, Л. В.* Ракетные войска стратегического назначения в период поддержания ракетно-ядерного паритета: историографические аспекты (70-80-е годы XX века) / *Л. В. Дмитриева, Д. С. Миргородский, Е. Ю. Штанько* // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 6. – С. 72-79.
154. *Егоров В. Г.* Актуальные тренды внешнеполитической стратегии стран СНГ / *В. Г. Егоров, В. В. Штоль* // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. - № 2. – С. 114-137.
155. *Епифанова, Т. В.* Великобритания – «Глобальная Британия»: эволюция политики в отношении России (2010-2021 гг.) / *Т. В. Епифанов, С. В. Воробьев* // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2022. – Т. 1. – № 384. – С. 48-57.
156. *Каширина, Т. В.* Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений / *Т. В. Каширина*

// Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 390-397.

157. *Киняпина, Н. С.* Внешняя политика Николая I / Н. С. *Киняпина* // Новая и новейшая история. – 2001. – №1. – С. 13-24.

158. *Кобельков Р.А.*, «Культурно-исторические аспекты притеснения православия в Европе: русофобия, сербофобия и национализм» // «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» №4(14), 2025. С. 942-949;

159. *Кобельков Р.А.*, «Методы институционализации русофобии и сербофобии в странах НАТО: анализ внешнеполитического и информационного контекста (1991-2022 гг.)» // «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» №6(14), 2025. С. 1563-1574;

160. *Кобельков Р.А.*, «Многовекторность внешней политики Сербии: содержание, значение, перспективы» // «Дипломатическая служба» №6, 2022. С. 449-458;

161. *Кобельков Р.А.*, «Роль взаимопомощи народов России и Сербии в развитии отношений двух государств: исторический и современный аспекты» // «Вопросы политологии» № 5(15), 2025. С. 1806-1814;

162. *Котельников, В. А. М. П.* Погодин и славянофилы / В. А. *Котельников* // Русско-Византийский вестник. – 2021. – №2 (5). – С. 43-58.

163. *Курдин, Ю. А.* Сербско-турецкая кампания 1876 г. В свете переписки М. Г. Черняева с И. С. Аксаковым / Ю. А. *Курдин* // Диалог со временем. – 2020. – №. 71. – С. 271-282.

164. *Лазари, А. Д.* «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны / А. Д. *Лазари* // Лабиринт. – 2013. – №4. – С. 54-68.

165. *Максакова, М. А.* Внешнеэкономическое сотрудничество России и Сербии: состояние и перспективы развития / М. А. *Максакова* // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – №1. – С. 104-117.

166. *Матвеев, О. В.*, Военная помощь Сирии в разрешении внутреннего конфликта / *О. В. Матвеев, А. Н. Рыбалкин* // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – Т. 2. – № 385. – 2022. – С. 32-49.
167. *Нарочницкая, Н.А.* Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербы и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия / *Н. А. Нарочницкая* // Перспективы. Электронный журнал. – 2023. – № 1. – С. 7-20.
168. *Неймарк, М. А.* «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1. / *М. А. Неймарк* // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2016. – Т. 1. – № 312. – С. 31-42.
169. *Неменский, О. Б.* Русофобия как идеология / *О. Б. Неменский* // Вопросы национализма. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 26-65.
170. *Никитюк, В. А.* Роль союзников Сербии на пути к обретению независимости (1870 - 1880-е гг.) / *В. А. Никитюк* // Исторический журнал: научные исследования. – 2024. – №6. – С. 82-93.
171. *Орлов, А. А.* Россия и Великобритания в 1805-1815 гг.: борьба за новый европейский порядок / *А. А. Орлов* // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 43-51.
172. *Пашенцев, Е. Н.* Провокация как элемент стратегической коммуникации США: опыт Украины / *Е. Н. Пашенцев* // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 44. – С. 149-175.
173. *Пашковский, П. И.* Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / *П. И. Пашковский* // Регионология. – 2025. – № 1. – С. 33-47.
174. *Пономарёв,а Е. Г.* НАТО–Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник МГИМО-Университета. — 2004. — № 1. — С. 23–38.
175. *Пономарёва, Е. Г.* Сербия в современном мире: экономика vs политика // Международные процессы. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 15–28.

176. Пономарёва, Е. Г., Арляпова, Е. С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов // Сравнительная политика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 110–125.
177. Пономарёва, Е. Г., Арляпова, Е. С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, ресурсы, масштабы // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 2(65). — С. 143–159.
178. Пономарёва, Е. Г., Младенович, М. Сербия: многовекторность как выход из тупика стратегической уязвимости // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 32–45.
179. Пророкович, Д. Открытые Балканы: перспективы институционализации / Д. Пророкович, Е. Г. Энтина // Вестник международных организаций. — 2023. — Т. 18. — №2. — С. 106-121.
180. Растегаев, Д. Историческая память в российско-сербских отношениях [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Russia-Serbia-Memory-WorkingPaper87.pdf?ysclid=mdbw4crca446473974>.
181. Рудницкий, А. Ю. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии: история и современность / А. Ю. Рудницкий, В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Конфликтология. — 2020. — № 2. — С. 26-34.
182. Семиряга, В. Как англосаксы стали ненавидеть Россию / В. Семиряга // Армейский сборник. — 2023. — №1. — С. 18-25.
183. Сергеев, С. М. Как возможна русская русофобия? / С. М. Сергеев // Вопросы национализма. — 2013. — Т. 1. — № 13. — С. 66-85.
184. Сетов, Н. Р. Русофобия - инструмент британской внешней политики. XIX век - взгляд с позиций политического реализма / Н. Р. Сетов, А. В. Топычканов // Обозреватель. — 2014. — №10 (297). — С. 98–106.
185. Слышкин, Г.Г. Русофобия и способы ее нейтрализации в средствах массовой информации (материалы круглого стола) / Г.Г. Слышкин // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — № 2. — С. 104-109.

186. *Сопов, В. И.* К вопросу о становлении сербской государственности во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и позиции России / В. И. Сопов // Славяне и Россия. – 2017. – №2. – С. 81-91.
187. *Тамбиянц, Ю.Г.* Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений / Ю.Г. Тамбиянц // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 3. – С. 93-97.
188. *Тютчев, Ф. И.* О ненависти Европы к России. Год 1830 [Электронный ресурс] / Ф. И. Тютчев // ЛибЖурнал. – 2021. – Режим доступа: https://zhurnal.lib.ru/g/gpebenchenko_j_i/323.shtml. (дата обращения: 15.12.2023).
189. *Успенский, В. М.* Медведи, казаки и русский мороз. Россия в английской карикатуре до и после 1812 г. / В. М. Успенский. – СПб.: Арка, 2014. – С. 9-29.
190. *Феофанов, К. А.* Международное сотрудничество стран СНГ в сфере противодействия / К. А. Феофанов, Е. А. Астишина // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 5. – С. 187-203.
191. *Чуркина, И. В.* Русские ученые и Вук Стефанович Караджич / И. В. Чуркина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2017. – №3. – С. 132-139.
192. *Шанишева, Л. Н.* Немецкие историки о концепции Центральной Европы (обзор) / Л. Н. Шанишева // Полит. наука. – 2001. – №4. – С. 78-84.
193. *Шемякин, А. Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) / А. Л. Шемякин // Славяноведение. – 2010. – №5. – С. 3-15.
194. *Эпштейн, А.* Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма / А. Эпштейн // Новое литературное обозрение. – 2014. – №9. – С. 20-31.

Научные статьи и иные публикации на иностранном языке

195. *Crawford B.* Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia // *World Politics*. – 1996. – Vol. 48, № 4. – P. 482–521.
196. *Crilley, R., Gillespie, M., Vidgen, B.* Understanding RT audiences in Europe: Between alternative journalism and propaganda. — *European Journal of Communication*, 2020, Vol. 35(6), pp. 587–604.
197. *Dimitrijević D.*, Achievements and Challenges for China Investments in Serbia // *Управленческое консультирование*. 2018. №6. С. 88-101.
198. *Filipović A., Alimov A.A.* Russian-Serbian relations – challenges and perspectives // *Общество. Среда. Развитие*. 2018, №4. С. 31-32.
199. *Friedrich W.-U.* Kosovo and the Evolution of German Foreign Policy in the Balkans // In: *The Legacy of Kosovo: German Politics and Policies in the Balkans*. – Washington, DC: American Institute for Contemporary German Studies, 2000. – P. 11–44.
200. *Hammond P.* The Serbs in Western Political and Media Discourse: Othering, Demonisation and Tutelage // In: *Hearn-Branaman J. O., Bergman T. (eds.). Journalism and Foreign Policy: How the US and UK Media Cover Official Enemies*. – Abingdon: Routledge, 2023.
201. *Hodge C. C.* Botching the Balkans: Germany's Recognition of Slovenia and Croatia // *Ethics & International Affairs*. – 1998. – Vol. 12. – P. 1–18.
202. *Mandelbaum, M.* A Perfect Failure: NATO's War against Yugoslavia. // *Foreign Affairs*. — Vol. 78, No. 5 (Sep.–Oct., 1999). — P. 2–8. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1999-09-01/perfect-failure> (дата обращения: 09.09.2024).
203. *Mandelbaum, M.* A Perfect Polemic: Blind to Reality on Kosovo. // *Foreign Affairs*. — Vol. 78, No. 6 (Nov.–Dec., 1999). — P. 150–156. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/kosovo/1999-11-01/perfect-polemic-blind-reality-kosovo> (дата обращения: 06.09.2024).
204. *Markovich, S.* Čedomilj Mijatović, a leading Serbian Anglophile / S. Markovich // *Balkanica*. – 2007. – №38. – PP. 105-132.

205. *Nikolić K.* Serbia Hedging its Bets Between the West and the East // *Journal of Balkan Studies*. 2023. Vol. 2(1). p. 1–28
206. *Pavičić V.*, Serbia's Orientation Challenge and Ways to Overcome It // *Connections QJ* 18, № 1-2 (2019) С. 111-127.
207. *Siddi M.* German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New 'Ostpolitik?' // *Europe-Asia Studies*. – 2016. – Vol. 68, № 4. – P. 665–677.
208. *Trailović D., Rapaic S.*, Political and economic aspects of serbo-russian relations from the perspective of serbian citizens // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. №3 (37). С. 82-96.
209. *Vuksanović V.*, US foreign policy in the Balkans: New chapter // *Belgrade Centre for Security Policy* 2021. С. 1-8. Donnan, H. (ed.) *A Companion to Border Studies*. — Malden: Wiley-Blackwell, 2012. — 640 p. — URL: <https://download.e-bookshelf.de/download/0000/5947/78/L-G-0000594778-0002385682.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).
210. *Vasić H.* Дипломатија и култура Србије // *Зборник радова Дипломатске академије*. Београд, 2016. С. 239–264.
211. *Вукасовић Д.* Војна неутралност Србије у контексту евроатлантских интеграција // *Зборник радова: Србија и Евроазијски савез*. Београд, 2016. С. 173–188. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositorijumips.rs/844/1/SRBIJA%20I%20EVROAZIJSKI%20SAVEZ%20pdf%20kopasno-173-188.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
212. *Колаковић А.* Kultura i diplomatija – Francuska i Srbija // *Kulture u dijalogu – Cultures in Dialogue, Cultural Diplomacy and Libraries*. Vol. 3. 2021. С. 101–122. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=0023-51642173175K> (дата обращения: 12.12.2024).
213. *Колаковић А.* Научници и културна дипломатија Србије // *Култура*. 2021. Бр. 173. С. 175–197.

214. Колакович А. Русија и Француска у очима српских интелектуалаца (1908–1918) // Политичка ревија. – 2014. – №4. – С. 57–75.
215. Начертаније Илије Гарашанина – Великосрпски Или Југословенски Програм [Електронни ресурс] // Културни Центар Новог Сада. – Режим доступа: <https://www.kcns.org.rs/agora/nacertanije-ilije-garasanina-velikosrpski-ili-jugoslovenski-program/>. (дата обращения: 15.12.2023).
216. Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Електронни ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
217. Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Електронни ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
218. Рогач-Мијатовић Љ. Kulturna diplomatija i identitet Srbije. Београд, 2014. [Електронни ресурс]. URL: <https://scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=0023-51642173175K>.
219. Станковић Н. М. Изазови спољне политике Републике Србије у светлу рата у Украјини // Српска политичка мисао. 2023. бр. 82(4). стр. 157–176.
220. Старчевић С. Оправданост војне неутралности Републике Србије у светлу руско-украјинског сукоба // Војно дело. 2023. № 4. С. 327–345. [Електронни ресурс]. URL: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0354-5989/2023/0354-59892304327K.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
221. Трајловић Д.; Рапайћ С. Односи Србије и Русије у периоду украјинске кризе // Национални интерес. 2023. Т. 19, бр. 3. стр. 67–94. 8.
222. Шабић Д.; Пауновић Д. Међународна сарадња у Подунављу Србије и нивои просторне интеграције // Гласник СГД. 2010. Т. 90, бр. 1. стр. 159–170.

Интернет-источники

223. «Честолюбия более, чем чести»: как роковая связь положила конец династии сербских королей [Электронный ресурс] // Балканист. – Режим доступа: <https://balkanist.ru/chestolyubiya-bolee-chem-chesti-kak-rokovaya-svyaz-polozhila-konets-dinastii-serbskih-korolej/>. (дата обращения: 12.12.2024).
224. Анте Старчевич [Электронный ресурс] // DevWiki. – Режим доступа: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Ante_Star%C4%8Devi%C4%87 (дата обращения: 12.08.2025).
225. Антисербские настроения [Электронный ресурс] // Викибриф. – Режим доступа: https://ru.wikibrief.org/wiki/Anti-Serb_sentiment (дата обращения: 12.08.2025).
226. Б.Обама объявил об отмене поправки Джексона-Вэника [Электронный ресурс] // РБК. – <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2012/570401539a7947fcbd443de1?ysclid=mdbs9kmc4d262420426> (дата обращения: 12.08.2025).
227. Балканский кризис 1875-1878 годов на страницах журнала [Электронный ресурс] // Российское историческое общество. – Режим доступа: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/chto-tvorit-tsargrad.html> (дата обращения: 12.08.2025).
228. Балканы и роль Горчакова в формировании исторических традиций русской дипломатии [Электронный ресурс] // Гуськова Е.Ю. – Режим доступа: <https://www.guskova.info/w/yuhis/1999-jan.html> (дата обращения: 12.08.2025).
229. Берлинский конгресс и Берлинский трактат 1878 года [Электронный ресурс] // История России. – Режим доступа: <https://all-russia-history.ru/congress-of-berlin> (дата обращения: 12.08.2025).
230. Брестский мир, «Ренегат» Каутский и Ленин [Электронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/watch/lectures/briestskii-mir-rienieghat-kautskii-i-lienin> (дата обращения: 12.08.2025).

231. Британское исследование подтвердило непреклонность сербов [Электронный ресурс] // Балканист. – <https://balkanist.ru/britanskoe-issledovanie-podtverdilo-nepreklonnost-serbov/?ysclid=mdbvp6tmpd898590192>.
232. В Белграде появился Вечный огонь, частицу пламени доставили из Москвы с Могилы Неизвестного Солдата [Электронный ресурс] // Первый канал. – https://www.1tv.ru/news/2020-12-15/398548-v_belgrade_poyavilsya_vechnyy_ogon_chastitsu_plameni_dostavili_iz_moskvy_s_mogily_neizvestnogo_soldata?ysclid=mdbvys114l971892626 (дата обращения: 12.08.2025).
233. В Белграде стартовал юбилейный саммит Движения неприсоединения [Электронный ресурс] // Балканист. – <https://balkanist.ru/v-belgrade-startoval-yubilejnyj-sammit-dvizheniya-nepriisoedineniya/?ysclid=mdbv46pdhx211772601> (дата обращения: 10.07.2025).
234. В Сербии открылся юбилейный, 60-й саммит стран-членов Движения неприсоединения [Электронный ресурс] // Первый канал. – https://www.1tv.ru/news/2021-10-11/414548-v_serbii_otkrylsya_yubileynyy_60_y_sammit_stran_chlenov_dvizheniya_nepriisoedineniya?ysclid=mdbves0uqa820742820 (дата обращения: 10.7.2025).
235. Верховная рада Украины лишила русский язык статуса регионального <https://www.rbc.ru/politics/23/02/2014/5704180e9a794761c0ce700c?ysclid=mdbsrqb0ks977824467> (дата обращения: 10.07.2025).
236. Владимир Путин прибыл в Сербию [Электронный ресурс] // Президент России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59687> (дата обращения: 10.07.2025).
237. Демоническая Россия: американский профессор привел пример русофобии в СМИ США [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20180407/1114185728.html> (дата обращения: 10.07.2025).

238. Европейский расизм: Гобино [Электронный ресурс] // LiveJounal. – Режим доступа: <https://aizen-tt.livejournal.com/7121531.html> (дата обращения: 10.05.2025).
239. Европепизација у Србији почетком XXI века // AnthroSerbia Books. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthroserbiabooks.org/index.php/asb/catalog/download/41/48/180?inline=1> (дата обращения: 07.08.2025).
240. Екмечич Милорад – сербофобия и антисемитизм [Электронный ресурс] // Моя Сербия. – Режим доступа: <https://www.srbija.ru/news/2023-id>.
241. За какие заслуги в столице Сербии установили памятник русскому царю Николаю II [Электронный ресурс] // Культурология.РФ. – <https://kulturologia.ru/blogs/080320/45714/?ysclid=mdbwa62du5454977482> (дата обращения: 12.08.2025).
242. Заседание Совета глав правительств Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Правительство России. – <http://government.ru/news/15757/> (дата обращения: 12.08.2025).
243. Игорь Иванов: Ситуация в Европе сейчас даже сложнее, чем она была в 90-е [Электронный ресурс] // Российская газета. – <https://rg.ru/2022/02/02/igor-ivanov-situaciia-v-evrope-sejchas-dazhe-slozhnee-chem-ona-byla-v-90-e.html?ysclid=mdbq5kttgf240320894> (дата обращения: 12.08.2025).
244. Игорь Иванов: Ситуация в Европе сейчас даже сложнее, чем она была в 90-е [Электронный ресурс] // Российская газета. – <https://rg.ru/2022/02/02/igor-ivanov-situaciia-v-evrope-sejchas-dazhe-slozhnee-chem-ona-byla-v-90-e.html?ysclid=mdbstxt2zmm574995954> (дата обращения: 12.08.2025).
245. История отношений России и КНР [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20070326/62607849.html?ysclid=mdbq99fy8610444117> (дата обращения: 12.08.2025).
246. Как Россия признавала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 году [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. –

<https://www.kommersant.ru/doc/5228408?ysclid=mdbqv304jq816987836> (дата обращения: 12.08.2025).

247. Министарство спољних послова Републике Србије. Европске интеграције и чланство у Европској унији као стратешко опредељење Републике Србије. [Електронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.rs/spoljna-politika/eu-integracije/politicki-odnosi-srbije-i-eu> (дата обращения: 07.08.2025).

248. Министарство спољних послова Републике Србије. Однос према дијаспори и Србима у региону – основа устава и спољнополитичком раду // Министарство спољних послова Републике Србије. [Електронный ресурс]. URL: <https://arhiviranisajt.msp.gov.rs/sr/index.php/konzularni-poslovi/dijaspora/dijaspora-opste?lang=lat> (дата обращения: 07.07.2025).

249. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах [Електронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/n-g-chiornyshievskii-ob-anghlii-i-anghlichanakh> (дата обращения: 12.08.2025).

250. Никонов В. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем [Електронный ресурс] // Фонд «Русский мир». – <https://ruskiymir.ru/publications/190925> (дата обращения: 12.08.2025).

251. Новакович Стоян [Електронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/114145/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 12.08.2025).

252. О подписании соглашения о создании нового совета Россия-НАТО [Електронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1641582/?ysclid=mdbqekvmtt371211383 (дата обращения: 12.08.2025).

253. О принятии в Третьем комитете 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма [Електронный ресурс] //

Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1913451/?ysclid=mdbt8j82wu603634227 (дата обращения: 12.08.2025).

254. О ситуации в Косовском урегулировании [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1749258/?ysclid=mdbt5h6eoc152719918 (дата обращения: 12.08.2025).

255. Об отношениях Россия-НАТО [Электронный ресурс] // Российская газета. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/?ysclid=mdbq6h5qcu511405022 (дата обращения: 12.08.2025).

256. ООН обеспокоена расовой дискриминацией в отношении сербов в Хорватии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20230831/oon-1893417831.html> (дата обращения: 12.08.2025).

257. Официальный сайт Россотрудничества. Представительства за рубежом: карта. — URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (дата обращения: 07.08.2025).

258. Первая мировая война [Электронный ресурс] // Мультиурок. – Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/piervaiia-mirovaia-voina-11.html> (дата обращения: 11.03.2025).

259. Попытка принять Косово в ЮНЕСКО закончилась провалом [Электронный ресурс] // Православие.ру. – <https://pravoslavie.ru/87539.html?ysclid=mdbway3qr6891691081> (дата обращения: 11.03.2025).

260. Православие и Новый Мировой Порядок [Электронный ресурс] // Грузия и мир. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20140702151406/http://geworld.ge/View.php?ArtId=2892&lang=ru> (дата обращения: 11.03.2025).

261. Правосудие по-гаагски [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа:
<https://www.kommersant.ru/doc/5985808?ysclid=mdaxw9tulo555933978> (дата обращения: 11.03.2025).
262. Путин В. В. «Почему нет? Я не исключаю такой возможности...» — интервью в телепрограмме Breakfast with Frost, BBC. 29 февраля 2000 г. URL:
https://lenta.ru/news/2000/03/05/putin_bbc/ (дата обращения: 10.7.2025).
263. Радио-телевизија Србије (РТС). Косово није примљено у Унеско, 09.11.2015. [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.rts.rs/vesti/politika/2098201/kosovo-nije-primljeno-u-unesko-spiskovi-kako-su-glasale-drzave-clanice.html> (дата обращения: 07.08.2025).
264. Развитие сербско-российских отношений в контексте европейской интеграции [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/razvitie-serbsko-rossiyskikh-otnosheniy/?sphrase_id=769432&ysclid=mdaybyi67h347342791 (дата обращения: 11.03.2025).
265. Республика Сербия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. —
<https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/torgovye-soglasheniya/serbia.php?ysclid=mdbw2jrqla113996349> (дата обращения: 11.03.2025).
266. РИА Новости. «Вучич: Сербия никогда не забудет вето РФ по резолюции о Сребренице». 9 июля 2015 г. URL:
<https://ria.ru/20150709/1126728873.html> (дата обращения: 09.08.2025).
267. Российская резолюция по Сирии расколола Совбез ООН [Электронный ресурс] // ИноТВ. – <https://ru.rt.com/Ivgl> (дата обращения: 11.03.2025).
268. Российско-сербский гуманитарный центр [Электронный ресурс] // МЧС России. —
<https://mchs.gov.ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/centry-gumanitarnogo-reagirovaniya/rossiysko-serbskiy-gumanitarnyy-centr?ysclid=mdbvzjy3oi676623049> (дата обращения: 11.03.2025).

269. Россия 11 военными рейсами перебросит в Сербию специалистов и технику [Электронный ресурс] // Интерфакс. – <https://www.interfax.ru/russia/702375> (дата обращения: 19.05.2025).
270. Россия в контексте интересов США: эволюция взглядов Збигнева Бжезинского [Электронный ресурс] // Перспективы. – Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=263893> (дата обращения: 19.05.2025).
271. Россия завершила очередной этап создания мозаичного убранства собора святителя Саввы в Белграде [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – <https://www.patriarchia.ru/db/text/5551290.html?ysclid=mdbw991avv161270930> (дата обращения: 19.05.2025).
272. Россия и русские в истории Сербии (новейшая история) [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир». – <https://ruskiymir.ru/publications/85075/?ysclid=mdbvgrht41836605417> (дата обращения: 19.05.2025).
273. Русофобия в Англии [Электронный ресурс] // Викичтение. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/268653> (дата обращения: 19.05.2025).
274. Русская армия вступает в Париж [Электронный ресурс] // История. РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/ruskaia-armiia-vstupaiet-v-parizh-event> (дата обращения: 19.05.2025).
275. Сербия расценивает военный парад в Белграде как символ единения с РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. – <https://ria.ru/20141016/1028645259.html?ysclid=mdbw71keo4609835823> (дата обращения: 19.05.2025).
276. Сербофобия [Электронный ресурс] // 24 News. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LZWLE> (дата обращения: 19.05.2025).
277. Сербская Православная Церковь [Электронный ресурс] // Азбука веры. – https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/konspekt-po-istorii-pomestnyh-pravoslavnyh-tserkvej/6 (дата обращения: 19.05.2025).

278. Славенко Терзич: «Связь наших народов всегда была и будет глубже сиюминутного политического контекста» [Электронный ресурс] // Столетие. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/slavenko_terzich_svez_nashih_narodov_vsegda_byla_i_budet_glubzhe_sijuminutnogo_politicheskogo_konteksta_530.htm (дата обращения: 19.05.2025).
279. Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. [Электронный ресурс] // Исторические исследования. – Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/293/660> (дата обращения: 12.04.2025).
280. Стенограмма интервью Министра иностранных дел России И.С.Иванова межарабскому телевизионному каналу «Аль-Арабия», Москва, 20 февраля 2004 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1673013/?ysclid=mdbq38wiq0578762734 (дата обращения: 12.04.2025).
281. Сурков, В. Ю. Мы строим суверенную демократию // Российская газета. 29.06.2006. URL: <https://rg.ru/2006/06/29/kreml.html> (дата обращения: 06.09.2025).
282. Финансируемые Кремлем СМИ: роль RT и Sputnik в экосистеме российской дезинформации и пропаганды [Электронный ресурс] // Государственный департамент США. – https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/Kremlin-Funded-Media-Russian_508.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
283. Частицу Вечного огня с Могилы Неизвестного Солдата в Москве доставят в Белград [Электронный ресурс] // Первый канал. – https://www.1tv.ru/news/2020-12-14/398459-chastitsu_vechnogo_ognya_s_mogily_neizvestnogo_soldata_v_moskve_dostavyat_v_belgrad?ysclid=mdbw698tsy236761247 (дата обращения: 12.04.2025).

284. Шойгу заложил камень в основание Вечного огня в Белграде [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. – https://aif.ru/society/army/chernovik_ot_17_02_2020_18_43_yuliya_belousova?ysclid=mdbw52t8u4342820809 (дата обращения: 12.04.2025).
285. Юго-Восток: Избежать балканских граблей [Электронный ресурс] // Русская народная линия. – Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2014/04/15/yugovostok_izbezhat_balkanskih_grablej (дата обращения: 12.04.2025).
286. Ястржембский: Проблема русских в Прибалтике сохранится на 50 лет [Электронный ресурс] // Росбалт. – <https://www.rosbalt.ru/news/2004-09-28/yastrzhembskiy-problema-russkih-v-pribaltike-sohranitsya-na-50-let-3332023?ysclid=mdbqghypza585852451> (дата обращения: 12.04.2025).
287. B92. «Nikolic awarded posthumous decoration to Vitaly Churkin». 24 February 2017. URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2017&mm=02&dd=24&nav_id=100648 (дата обращения: 09.08.2025).
288. Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine [Электронный ресурс] // Federal Register. – <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine>. (дата обращения: 12.12.2024).
289. CRTA. Rezultati: Politički stavovi građana Srbije – jesen 2022, 22.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://crt.rs/istrazivanje-eu-rat-u-ukrajini/> (дата обращения: 07.08.2025).
290. Declassified UK. Britain's covert propaganda campaign over Kosovo: declassified files (selection). Published online. URL: <https://www.declassifieduk.org/britains-covert-propaganda-campaign-over-kosovo/> (дата обращения: 07.08.2025).

291. Freedom House: Резкое снижение демократических свобод в Сербии [Электронный ресурс] // Vreme. – <https://vreme.com/ru/vreme/fridom-haus-dramatican-pad-demokratskih-sloboda-u-srbiji/>. (дата обращения: 12.12.2024).
292. Jovan Ristić [Электронный ресурс] // Britannica. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f7278436-68061dd9-45f45494-74722d776562/https/www.britannica.com/biography/Jovan-Ristic.
293. Kako će rat uticati na Srbiju: Mala trgovinska razmena sa Moskvom i Kijevom postaće još manja 07.03.2022 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/mala-trgovinska-razmena-sa-moskvom-i-kijevom-postace-jos-manja/> (дата обращения: 07.08.2025).
294. Kling, J., Toepfl, F., Thurman, N., Fletcher, R. Russian state-backed outlets RT and Sputnik had limited reach online before the 2022 invasion of Ukraine. — Harvard Kennedy School (Misinformation Review), 22.12.2022. URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2022/12/kling_russia_rt_sputnik_audience_20221222.pdf Pew Research Center (дата обращения: 12.04.2025).
295. NATO. Texts of statements and communiqués issued during 1999 (Kosovo). NATO Headquarters, 1999. URL: <https://www.nato.int/docu/comm/1999/comm99en.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).
296. Newly uncovered Charles Dickens letters reveal his true inspiration for the cruel headmaster from Nicholas Nickleby [Электронный ресурс] // MailOnline. — Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5514427/Charles-Dickens-letters-reveal-inspiration-cruel-headmaster.html> (дата обращения: 12.08.2025).
297. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Kosovo: As Seen, As Told. Report of OSCE Kosovo Verification Mission, 1999. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/d/17772.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

298. Pew Research Center. Views of Russia and Putin. June 2025. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2025/06/23/views-of-russia-and-putin-2025/> (дата обращения: 07.08.2025).
299. Postignut sporazum o proizvodnji ruske vakcine Sputnik V u Srbiji 25.03.2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.aa.com.tr/ba/korona-virus/postignut-sporazum-o-proizvodnji-ruske-vakcine-sputnik-v-u-srbiji/2188211> (дата обращения: 07.05.2025).
300. Racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance [Электронный ресурс] / OHCHR. — URL: <https://www.ohchr.org/en/racism> (дата обращения: 12.04.2025).
301. Slobodna Evropa. Novi izazovi donedavnog ‘Mini Šengena’ // Slobodna Evropa. 05.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/otvoreni-balkan-srbija/31395450.html> (дата обращения: 07.08.2025).
302. The Delegation of the European Union to the Republic of Serbia [Электронный ресурс] // EU u Srbiji. — <https://web.archive.org/web/20160304200950/http://europa.rs/eng/serbia-and-the-european-union> (дата обращения: 12.08.2025).
303. The Serbian Science and Diaspora Collaboration Program // Министарство науке и технолошког развоја Републике Србије. [Электронный ресурс]. URL: <https://fondzanauku.gov.rs/the-serbian-science-and-diaspora-collaboration-program/?lang=en> (дата обращения: 07.08.2025).
304. U2gigs.com. Miss Sarajevo – Live Performances. URL: https://www.u2gigs.com/Miss_Sarajevo-s130.html (дата обращения: 09.04.2025).
305. U2songs.com. The Joshua Tree Tour 2017 – Setlists. URL: https://www.u2songs.com/discography/passengers_miss_sarajevo_single (дата обращения: 09.04.2025).
306. U2songs.com. U2 Concert in Sarajevo – PopMart Tour, Koševo Stadium, 23 Sept. 1997. URL:

https://www.u2songs.com/discography/passengers_miss_sarajevo_single (дата обращения: 09.04.2025).

307. UltimatePopCulture. Miss Sarajevo. URL: https://ultimatepopculture.fandom.com/wiki/Miss_Sarajevo (дата обращения: 09.04.2025).

308. UNESCO in Serbian Foreign Policy. Protection of Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija / Ministry of Foreign Affairs of Serbia. — Belgrade: MFA RS, [s.a.]. — URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/serbia-international-organizations/unesco/serbia-unesco> (дата обращения: 12.04.2025).

309. United States. William J. Clinton Presidential Library. Kosovo – Press Materials, 1999. URL: <https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/kosovo-press-1999.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

310. Views of Russia and Putin. July 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/07/02/views-of-russia-and-putin-july-24/> (дата обращения: 07.04.2025).

311. Vučić Putinu: Trudićemo se da ostanemo jedina zemlja u Evropi koja vam nije uvela sankcije [Elektronski izvor]. 02.09.2025. URL: <https://www.vijesti.me/svijet/balkan/773148/vucic-putinu-trudicemo-se-da-ostanemo-jedina-zemlja-u-evropi-koja-vam-nije-uvela-sankcije> (дата обращения: 02.09.2025). Backing Request by Serbia, Генеральная Ассамблея ООН, 8 октября 2008 г. / Press release. — New York: United Nations, 2008. — URL: <https://press.un.org/en/2008/ga10764.doc.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

312. Waterson, J. Russian broadcaster RT hits back at threat to UK licence. — The Guardian, 13.03.2018. URL: <https://www.theguardian.com/media/2018/mar/13/russian-broadcaster-rt-hits-back-at-threat-to-uk-licence> (дата обращения: 12.04.2025).